

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 1 (17), июнь, 2025

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень
научных изданий Республики Беларусь для
опубликования результатов диссертационных
исследований по историческим наукам
и археологии, экономическим наукам,
юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Технический редактор Ю. А. Киселева
Компьютерная вёрстка Ю. А. Киселева
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 19.06.2025. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 14,40. Уч.-изд. л. 10,10.
Тираж 25 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: республиканское
унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов
Республики Беларусь». Специальное
разрешение (лицензия) на право осуществления
полиграфической деятельности № 02330/89
от 3 марта 2014 года. Адрес: ул. Кальварийская,
17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического
обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Ермакович Л. И. (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат
исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление
«Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Людвигевич О. Н. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной
академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский
государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневский А. Ф.**, доктор
исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, доктор экономических наук, доцент
(Национальная академия наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь);

Житкевич Г. Я., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Захарченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь);

Колядко И. Н., кандидат юридических наук, профессор (Белорусский государственный
университет, Минск, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук,
профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь);

Короб А. Н., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Кручковский Т. Т., доктор исторических наук (учреждение образования «Гродненский
государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь);

Куган С. Ф., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика
Беларусь);

Лабейко О. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Литвинский А. В., кандидат исторических наук (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лосев В. В.**,
кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский
государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Лученок А. И., доктор экономических наук, профессор (государственное научное учреждение «Институт
экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь);

Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика

Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Недашковская Н. С.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Халецкая Т. М.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шарова К. И.** кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Держинского», Тамбов, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, доктор экономических наук, профессор (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Парушина Н. В.**, доктор экономических наук, профессор (Среднерусский институт управления — филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Российская Федерация); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

BarSU Herald

A scientific and practical journal

Published since March 2013

No. 1 (17), June, 2025

Series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law"

Promoter: Institution of Education
"Baranavichy State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Technical editor Y. A. Kiseleva
Desktop Publishing Y. A. Kiseleva
Proofreader: N. N. Kolodko

Signed print 19.06.2025. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 14,40.
Acc.-pub. s. l. 10,10. Circulation of 25 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise
"Information and Computing Center of the Ministry of
Finance of the Republic of Belarus". Special permission
(license) for the right to carry out printing activities
No. 02330/89, March 3, 2014.
Address: 17 Kalvariyskaya, 220004 Minsk.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Ermakovich L. I. (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lyudvichevich V. N.**, (*responsible for the area "Law"*), PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Bezuglaja V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Belarus State Economic University", Minsk, the Republic of Belarus); **Bykov A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vasilevich G. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vishnevskiy A. F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**,

PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Zaharchenko L. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Kolyadko I. N.**, PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Korob A. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Kruczkowski T. T., Doctor of Historical Sciences (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Labeyko O. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Losev V. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva**

G. B., PhD in Economics, Associate Professor (Educational Institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nedashkovskaya N.S.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor

(Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A. S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Khaletskaya T. M.**, PhD in Law, Associate Professor (The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Sharova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia of Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-don, the Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Law and National Security of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University", Tambov, the Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, the Russian Federation); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University" in Novokuznetsk, Novokuznetsk, the Russian Federation); **Parushina N. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Central Russian Institute of Management (branch), Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, the Russian Federation); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, the Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Белова О. И.** Крестьянство белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века в освещении советской историографии 1920—1930-х годов
- Литвинский А. В.** Определение сущности славянского праязыка в научных исследованиях (конец XX — начало XXI века): основные тенденции
- Хованский А. В.** Проекты реорганизации управления российской армии после Крымской войны (1855—1856)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Громова И. В.** Оценка текущего состояния и перспектив развития малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь
- Костюкевич Е. А.** Общество потребления и его существенные особенности
- Крюкова Д. С.** Понятийный аппарат центров обработки данных в контексте электронной экономики
- Лабейко О. А.** Методические рекомендации комплексной оценки потерь от инвалидизации населения
- Лизакова Р. А.** Генезис потребительских рисков и нивелирование степени их воздействия в постиндустриально-цифровой среде
- Побяржина Т. П., Монжаренко Е. М.** Современная характеристика логистических процессов в странах ЕАЭС на примере Республики Беларусь и Российской Федерации
- Пономарева М. С.** Реализация товаров и оказание услуг на маркетплейсах: особенности работы сторон и уточнение понятийно-категориального аппарата
- Чигрина А. И.** Генезис экономического содержания коммерческой недвижимости: от Великого княжества Литовского до новой экономической политики
- Шарова К. И.** Экономика знаний и роль искусственного интеллекта в ее развитии
- Щёткина М. А., Климук В. В.** Направления дальнейшего развития научного потенциала молодежи: на примере учреждения высшего образования Республики Беларусь

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Богустов А. А.** Право гражданина на изображение и защиту персональных данных: вопросы соотношения
- Журова Ю. А.** Отдельные аспекты правового регулирования подготовки, переподготовки и повышения квалификации безработных
- Сокол А. В.** Влияние искусственного интеллекта на профессиональное развитие юристов: новые горизонты и вызовы
- Шаро О. У.** Отдельные вопросы законодательного обеспечения свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 6 Belova O. I.** The peasantry of the belarusian provinces of the late 18th — first half of the 19th century in the coverage of soviet historiography of the 1920—1930s
- 13 Litvinski A. V.** Definition of the essence of the slavic ancestral ethnic group in scientific research (late XX — early XXI century): main trends
- 23 Khavanski A. V.** Projects for the reorganization of the russian army administration after the Crimean War (1855—1856)

ECONOMICS

- 29 Gromova I. V.** Assessment of the current state and development prospects of small and medium enterprise of the Republic of Belarus
- 37 Kostyukevich E. A.** Consumer society and its essential features
- 43 Kryukova D. S.** Conceptual framework of data processing centers in the context of the electronic economy
- 50 Labeyko O. A.** Methodological recommendations for comprehensive assessment of losses from population disability
- 56 Lizakova R. A.** Genesis of consumer risks and leveling the degree of their impact in the post-industrial-digital environment
- 62 Pobyarzhina T. P., Monzharenko E. M.** Modern characteristics of logistics processes in the EAEU countries on the example of the Republic of Belarus and the Russian Federation
- 68 Ponomareva M. S.** Sale of goods and provision of services on marketplaces: features of the parties' work and clarification of the conceptual and categorial apparatus
- 76 Chyhryna A. I.** The genesis of the economic content of commercial real estate: from the Grand Duchy of Lithuania to the new economic policy
- 84 Sharova K. I.** Knowledge economy and the role of artificial intelligence in its development
- 91 Shchetkina M. A., Klimuk V. V.** Directions of further development of scientific potential of youth: on the example of the institution of higher education of the Republic of Belarus

LAW

- 103 Bogustov A. A.** Citizen's right to image and personal data protection: ratio issues
- 108 Zhurova Y. A.** Selected aspects of the legal regulation of training, retraining and advanced training of the unemployed
- 114 Sokol A. V.** The impact of artificial intelligence on the professional development of lawyers: new horizons and challenges
- 120 Sharo O. U.** Certain issues of legislative support for freedom of creativity and academic freedom in the Republic of Belarus

УДК [94:342.542(476)“17/18”]:930(47+57)“19”

О. И. Белова

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь

**КРЕСТЬЯНСТВО БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ
СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920—1930-Х ГОДОВ**

В статье исследуется советская историография 1920—1930-х годов по истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века. Во введении обоснована научная актуальность исследования. В основной части приведён краткий историографический обзор исследований по рассматриваемой проблеме в дореволюционный период, проанализирован процесс становления и развития советской историографии истории крестьянства, новые для 1920—1930-х годов методологические подходы, определен ряд актуальных вопросов, которые интересовали исследователей в данный период. Работы по каждому из вопросов, рассматриваемых белорусскими советскими историками исследуемого периода, проанализированы по времени их появления, т. е. в хронологическом порядке. Сделан вывод о необходимости дальнейшего комплексного изучения белорусской историографии 1920—1930-х годов истории крестьянства конца XVIII — первой половины XIX века в связи с отсутствием специального комплексного исследования данного вопроса с позиций современной историософии.

Ключевые слова: историография; история крестьянства; разложение феодальных отношений; правовое положение крестьян; крестьянское движение; отмена крепостного права.

Библиогр.: 19 назв.

O. I. Belova

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus

**THE PEASANTRY OF THE BELARUSIAN PROVINCES OF THE LATE
18TH — FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE COVERAGE
OF SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 1920—1930S**

The article examines the Soviet historiography of the 1920—1930s on the history of the peasantry of the Belarusian provinces of the late 18th — first half of the 19th century. The introduction substantiates the scientific relevance of the study. The main part provides a brief historiographic overview of the research on the problem under consideration in the pre-revolutionary period, analyzes the process of formation and development of Soviet historiography of the history of the peasantry, new methodological approaches for the 1920—1930s, and identifies a number of topical issues that interested researchers during this period. Works on each of the issues considered by Belarusian Soviet historians of the period under study are analyzed by the time of their appearance, i. e. in chronological order. The conclusion is made about the need for further comprehensive study of the Belarusian historiography of the 1920—1930s on the history of the peasantry of the late 18th — first half of the 19th century due to the lack of a special comprehensive study of this issue from the standpoint of modern historiography.

Key words: historiography; history of the peasantry; the decomposition of feudal relations; legal status of peasants; peasant movement; abolition of serfdom.

Ref.: 19 titles.

Введение. Исследования по истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века занимают важное место в отечественной историографии, что обусловлено высокой ролью аграрного сектора в экономическом развитии Беларуси. Историки

и социологи сходятся во мнении, что Российская империя, в том числе вошедшие в ее состав в результате разделов Речи Посполитой белорусские земли, были по сути своей «крестьянскими». Соответственно, социально-экономические, демографические и культурные аспекты развития нашего общества невозможно понять без глубокого и всестороннего анализа историографии крестьянства страны.

Из историографических исследований белорусского крестьянства конца XVIII — первой половины XIX века в советский период можно назвать монографию Э. Г. Иоффе «Из истории белорусской деревни (советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в.)» [1]. На основе обширной источниковой базы автор рассмотрел работы по истории белорусской деревни, вышедшие до начала 90-х годов XX века. Э. Г. Иоффе предпринял попытку рассмотреть методологические подходы и методику исследований историков. Проанализировав работы не только белорусских, украинских, литовских, но и польских учёных, автор очертил круг вопросов, оставшихся недостаточно изученными в историографии советского периода. Историки, изучавшие белорусское крестьянство конца XVIII — первой половины XIX века в последующие годы, включали в свои работы краткие историографические обзоры советского периода, в том числе работ 1920—1930-х годов. Однако в этих работах историография крестьянства белорусских губерний указанного периода не была предметом серьёзного научного изучения.

Актуальность данного исследования объясняется необходимостью комплексного историографического анализа работ отечественных историков 1920—1930-х годов на базе новых подходов к историографии данной проблемы, сформировавшихся в современной белорусской исторической науке.

Методология и методы исследования. Процесс становления и развития историографии истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века рассматривается в данной статье на широком спектре историографических источников. Источниками исследования послужили работы советских ученых периода 1920—1930-х годов, посвященные изучению такого переломного периода в истории белорусского крестьянства, как разложение и кризис феодальной формации.

Методологической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход, включающий принципы взаимосвязи гуманитарных и исторических наук. В основу работы положены общенаучные принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть процесс становления отечественной историографии крестьянства изучаемого периода в ходе ее эволюционного развития. Принцип объективности дал возможность осуществить критический анализ фактических данных исследуемых источников, сравнить аргументы и позиции авторов.

При написании статьи были использованы методы историко-сравнительного, ретроспективного и перспективного анализа. Использовался проблемно-хронологический метод, в соответствии с которым историография крестьянства белорусских губерний изучалась исходя из проблемного поля, исследуемого советскими историками 1920—1930-х годов, а внутри каждого проблемного поля работы рассматривались в хронологическом порядке.

Результаты исследования и их обсуждение. Начало научному исследованию истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века было положено в дореволюционной историографии. Изучение данного сословия осуществлялось в контексте истории государства и права, аграрной политики властей и предпосылок отмены крепостного права. Важную роль в становлении школы историков крестьянства сыграли труды П. Н. Жуковича [2], К. К. Гелинга [3], В. И. Семевского [4]. Причины отмены крепостного права в дореволюционный период рассматривали А. А. Корнилов [5] и И. Е. Энгельман [6]. Значительная часть исследований дореволюционного периода была посвящена изучению быта крестьянской семьи, семейного хозяйства, обрядов, традиций и обычаев. Среди таких трудов важное место

занимают исследования выдающегося ученого М. В. Довнар-Запольского [7]. Учёный провел анализ крестьянской общины и типов крестьянской семьи, проанализировал распределение обязанностей и положение женщин и детей в крестьянской семье. В последующие годы в советской историографии эта проблема почти не поднималась из-за ограниченности источниковой базы. Среди дореволюционных исследователей быта крестьян следует отметить этнографа, историка и публициста А. К. Киркора [8]. Автор описал одежду и обряды белорусских крестьян, а также связь обрядности с их хозяйственной деятельностью. Большое этнографическое исследование быта сельского населения Гродненской губернии, включая жилища и хозяйственные постройки, обряды, верования и нормы морали, провел генерал-майор П. О. Бобровский [9].

Так, 1920—1930-е годы в советской историографии истории Беларуси стали периодом установления монополии марксистско-ленинской методологии. Ведущей тенденцией этого времени стало увеличение интереса исследователей к социально-экономической проблематике. Так как белорусская экономика конца XVIII — первой половины XIX века носила аграрный характер, история крестьянства становится важным направлением исторических исследований. Влияние классового подхода на характер научных исследований проявилось в увеличении интереса исследователей к вопросам расслоения крестьянства и крестьянского антифеодального движения конца XVIII — первой половины XIX века.

Первые послереволюционные исследования истории крестьянства продолжили зародившуюся в досоветский период традицию изучения крестьянского сословия в контексте истории государства. Они представляли собой попытку анализа аграрной политики, проводившейся в Российской империи. Данные вопросы были подробно рассмотрены в работе К. И. Керножицкого «Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX стагоддзя», изданной в 1935 году [10]. Присоединение белорусских земель к Российской империи автор охарактеризовал как неприкрытый колониальный захват: «Захват новых территорий и берегов Балтийского моря, захват новых народов для феодально-крепостнической эксплуатации, опираясь на группу местных феодалов — вот основные моменты и причины грабежей на Западе» (перевод наш — О. Б.) [10, с. 25]. При этом историк отметил, что включение новых территорий не могло состояться без поддержки местных феодалов, которые присягнули на верность Российской империи.

Большое внимание аграрной истории белорусских губерний в своих работах уделил выдающийся белорусский историк, первый ректор Белорусского государственного университета В. И. Пичета. Изучаемый нами период был проанализирован автором в работе «Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX веке», изданной в 1940 году [11]. Автор исследовал правовое положение белорусского крестьянства в первой половине XIX века, отметив его постепенное ухудшение. В. И. Пичета указал на появившееся у помещиков право «ссылать своих крепостных в Сибирь на каторгу и поселение, подавать крепостных на своз в другие губернии. <...> На крестьян была распространена рекрутская повинность» [11, с. 178]. В то же время В. И. Пичета отмечал, что вхождение белорусских земель в Российскую империю благоприятно повлияло на формирование здесь капиталистических отношений. Автор полагал, что в России «буржуазные отношения уже пустили достаточно глубокие корни. <...> Присоединение Белоруссии к дворянской империи имело громадное значение для развития помещичьего хозяйства» [11, с. 193]. Это утверждение противоречит тому факту, что в белорусских губерниях на момент разделов Речи Посполитой рыночные отношения были более развиты, чем в Российской империи.

В межвоенный период отечественными историками начал тщательно прорабатываться вопрос сословно-группового состава крестьянства белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX века. Профессор Белорусского государственного университета Д. А. Жаринов первым заявил о наличии имущественного расслоения в среде белорусского крестьянства [12]. В 1925 году вышла его статья «Крестьянская дифференциация перед падением крепостного права», в которой автор, анализируя архивные документы по истории Минской

губернии, отмечал: «Прибирая к рукам своих более бедных односельчан, крестьяне хозяйственные и более зажиточные становятся мало-помалу своего рода промежуточной стеной, отделяющей помещика от крепостной массы» [12, с. 278]. Рассматривая формирование слоя зажиточных крестьян, Д. А. Жаринов пришел к выводу, что значительным был также и процесс обнищания крестьян, их пауперизации. В имущественной дифференциации деревни автор усмотрел одну из причин отмены крепостного права. «Мы не хотим сказать, что в этом заключается единственная экономическая причина падения крепостного права. <...> Но мы думаем, что в ряде других причин, выдвигаемых ростом крупной сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, всё же сделала своё дело и хозяйственная дифференциация деревни» [12, с. 282].

Сотрудник Белорусской академии наук К. И. Керножицкий также изучал проблему дифференциации крестьянства на белорусских землях и выделил две основные группы крестьян: чиншевые и барщинные. Особое внимание этому аспекту автор уделил в работе «Аграрная реформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст.» [13]. Используя статистические материалы и официальные отчеты, автор пришел к выводу о формировании в начале XIX века категории зажиточных крестьян, хотя и отметил их малочисленность по сравнению с основной массой крестьян, которые становились ещё беднее и лишались земли. Однако выводы автор делал, опираясь на статистический материал одного лишь Бобруйского староства, поэтому данное исследование не отражает особенностей развития крестьянских хозяйств всех белорусских губерний. Новым для отечественной историографии крестьянства было то, что автор отметил появление в начале XIX века «торгующего крестьянства», которое само начало использовать труд других групп крестьян: «Кроме части старых крепостников... появляется и выходец из разбогатевших экономов, войтов, торговцев и торгующих крестьян, которые с 1842 года могли приобретать земли уже не на имя своего помещика, а на своё собственное» (перевод наш — О. Б.) [10, с. 138].

В начале XX века в марксистско-ленинской методологии утвердилось положение о том, что феодальное общество состояло из классов-сословий. В рамках этого постулата отечественные ученые особое внимание уделяли изучению различных сословий, в том числе крестьянства. Первыми публикациями по данному вопросу стали работы М. В. Мелешко и А. О. Шлюбского [15]. Некоторые утверждения авторов были ошибочны и не получили подтверждения в последующей историографии, например, вывод о том, что на территории белорусских губерний «барщину крестьяне отрабатывали все дни недели, а работу на своих собственных хозяйствах должны были выполнять ночью» (перевод наш — О. Б.) [15, с. 4]. В то же время авторами был собран и представлен большой фактический материал, характеризующий тяжелое положение крестьянского сословия на территории белорусских губерний в первой половине XIX века.

Важное значение в изучении положения крестьян белорусских губерний имела вышедшая в 1925 году работа ленинградского историка И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» [16]. Основная часть монографии освещает различные аспекты истории российского крестьянства в целом. Однако отдельные главы посвящены положению крестьян в «белорусских» и «литовских» губерниях, как их называла автор. Такая особенность, как наличие инвентарей, существовавших на данных землях ещё со времен Речи Посполитой, по мнению автора, не ограничивала экономическую эксплуатацию крестьян западных губерний. «Этому много содействовало, во-первых, необязательность инвентарей для помещиков, во-вторых, их разнообразие и произвольность... и, в-третьих, беззащитность крестьян от злоупотребления помещичьей властью» [16, с. 193]. И. И. Игнатович отмечала, что основная часть крестьян в западных губерниях находилась на барщине (92 % — в Виленской губернии, 97,4 % — в Минской, 98 % — в Гродненской). Автор представила обширный фактический материал по размерам барщины и другим отработочным повинностям на белорусских землях, которые приводили к разорению крестьянских хозяйств.

Опубликованная в 1928 году работа Ф. И. Забелло «Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палове XVIII стагоддзя» основана на материалах инвентарей имений, составленных в 1750—1800-е годы [17]. Работа достаточно противоречива. С одной стороны, автор указывал на развитие товарно-денежных отношений в деревне, с другой — настаивал на исключительной натуральности крестьянского хозяйства и отсутствии его связи с рынком.

Особое внимание советская историография уделяла проблеме социального протеста крестьянства. В работах «Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX веке» [11] и «История крестьянских волнений в России» [19] В. И. Пичета раскрыл предпосылки усиления крестьянского сопротивления в белорусской деревне и его формы. Причинами социальных волнений автор называл ухудшение экономического и правового положения крестьян, которое усугублялось последствиями войны 1812 года: «Крестьянские волнения — результат тяжёлого социально-экономического положения крестьянской массы, протестующий голос взволнованного и истрадавшегося народа» [19, с. 63].

Рассматривая формы крестьянского движения, В. И. Пичета выделял следующие: «отказ от выхода на барщину, отказ в поставке рекрут... отказ перейти под власть новых наследников» [11, с. 180]. Наряду со «спокойными» формами сопротивления имели место и активные формы волнений, такие как вооруженные выступления и восстания. При этом исследователь отмечал, что белорусские крестьяне были упорны в своей борьбе, несмотря на «жестокую расправу с восставшими крестьянами, [которая] не примирила их со своим тяжёлым положением» [11, с. 180]. Однако можно назвать ошибочным утверждение В. И. Пичеты о том, что усиление крестьянского движения являлось важнейшей причиной отмены крепостного права. На наш взгляд, данная позиция была обусловлена реалиями времени и укладывалась в рамки господствовавшего в марксистско-ленинской методологии тезиса о классовой борьбе как движущей силе истории.

Протестное крестьянское движение также рассматривалось К. И. Керножицким, который утверждал, что нарастание различных форм крестьянского сопротивления в белорусских губерниях стало одним из факторов, приведших к разложению крепостнической системы. Данный постулат, выдвинутый советскими историками в межвоенный период, акцентировал внимание на роли крестьян в отмене крепостного права. Дореволюционные историки считали основной движущей силой преобразований в белорусской деревне либеральных помещиков. К. И. Керножицкий утверждал: «Движение крестьян, их восстания, вот что заставило крепостников пойти на реформу, чтобы избежать революции» (перевод наш — О. Б.) [10, с. 161—162]. Однако, следуя в русле господствовавшей методологии, в которой пролетариат представлялся единственной движущей силой освободительного движения, автор писал, что крестьянское движение не добилось своих целей, так как это было возможно только под руководством пролетариата, который к тому времени ещё не сформировался.

Определённое внимание в своих работах К. И. Керножицкий уделил восстанию 1830—1831 годов. Автор отмечал, что результатом восстания для крестьян белорусских губерний стало ухудшение их положения. Царское правительство приняло ряд мер, которые были направлены на «подавление крестьянства и ещё большее закабаление масс» (перевод наш — О. Б.) [10, с. 184]. Данное утверждение, на наш взгляд, является спорным и серьёзных доказательств в современной историографии не имеет.

В рассматриваемый период значительное внимание в советской историографии уделялось предпосылкам отмены крепостного права, а также предшествовавшим этому реформам 40-х годов XIX века. Так, В. И. Пичета изучил проведение инвентарной реформы в белорусских губерниях, выявил ее последствия. Историк отметил, что изменения сводились исключительно к проверке и исправлению действовавших инвентарей и мало что поменяли в положении крестьян. «Помещики бесконтрольно распоряжались личностью, имуществом и жизнью своих крестьян» [12, с. 179]. По мнению И. И. Игнатович, инвентари затрудняли помещикам переход к улучшенным системам ведения хозяйства, поэтому в западных губерниях

с момента их введения наблюдалось «стремление помещиков переводить крестьян на оброк, или вовсе уничтожая господскую запашку, или заменяя прежнюю барщину хозяйством вольнонаёмным» [16, с. 217—218].

К. И. Керножицкий видел предпосылки отмены крепостного права в ухудшении положения крестьян, постоянном увеличении повинностей и усилении крепостнического гнёта. Новым, по сравнению с досоветской историографией, было отрицание тезиса о том, что в конце XVIII века ухудшалось экономическое положение не только крестьян, но и помещиков. К. И. Керножицкий был одним из первых отечественных историков, охарактеризовавших конец XVIII — первую половину XIX века как период распада феодализма и возникновения капиталистических отношений. Под влиянием идей М. Н. Покровского в своей более ранней работе «Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII ст.» автор объяснял кризис крепостничества с точки зрения теории «торгового капитала» [18]. Но в 1935 году, поддерживая кампанию, направленную против М. Н. Покровского, историк изменил свои взгляды, утверждая, что, «хотя крепостнические отношения в России и Беларуси размывались развитием капитализма, не стоит преувеличивать степень капитализации хозяйства. Очевидно, что товаризация помещичьего хозяйства была значительной, но диктатура крепостников, существование крепостнических отношений сдерживали развитие капиталистических отношений» (перевод наш — О. Б.) [10, с. 161]. Проанализировав повинности крестьян и состояние крестьянских хозяйств, К. И. Керножицкий пришёл к выводу об усилении крепостничества и ухудшении положения крестьян после присоединения белорусских земель к Российской империи.

Заключение. В советской историографии 1920—1930-х годов были заложены основы изучения истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века. В этот период начинается выделение истории белорусского крестьянства как отдельного направления исследований. Важной заслугой отечественных историков данного периода является введение в научный оборот и анализ большого количества новых источников по истории белорусской деревни конца XVIII — первой половины XIX века.

Исследователи 20—30-х годов XX века положили начало формированию новых концептуальных подходов к рассмотрению истории феодальной деревни. Для данного периода характерно относительное разнообразие подходов. В 1920-е годы исследования проводились в русле критики дореволюционных взглядов, было сильно влияние теории «торгового капитала» М. Н. Покровского. В 1930-е годы усилилось влияние марксистско-ленинской идеологии, что привело к унификации подходов к изучению истории крестьянства. На первый план вышли вопросы, связанные с ухудшением социально-экономического положения крестьян белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX века, анализом различных форм феодальных повинностей. Значительное внимание уделялось разложению феодальной системы и зарождению капитализма, кризису крепостничества, предпосылкам отмены крепостного права. Произошла абсолютизация теории классовой борьбы как нового аспекта исследования крестьянского движения на территории белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX века.

В межвоенный период, на наш взгляд, недостаточно внимания уделялось анализу состояния аграрного производства в белорусских губерниях, сущности и роли сельской общины, быта крестьян. Кроме того, в попытке уложить историю региона в рамки общих законов общественного развития не всегда учитывались особенности белорусского крестьянства, история которого отличалась от других губерний Российской империи.

В связи с тем, что в отечественной исторической науке отсутствует специальное исследование межвоенной советской историографии истории крестьянства белорусских губерний конца XVIII — первой половины XIX века, проблема требует дальнейшего комплексного изучения.

Список цитируемых источников

1. *Иоффе, Э. Г.* Из истории белорусской деревни (советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в.) / Э. Г. Иоффе. — Минск : Ураджай, 1990. — 248 с.
2. *Жукович, П. Н.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. — 1895. — № 3—4. — С. 312—336.
3. *Гелинг, К. К.* Об устройстве крестьян и помещичьих имений в литовских губерниях / К. К. Гелинг // Журнал землевладельцев. — М. : Университет. тип., 1858. — Т. 2, № 4. — С. 126—132.
4. *Семевский, В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века : в 2 т. / В. И. Семевский. — СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1888. — Т. 2.
5. *Корнилов, А. А.* Крестьянская реформа / А. А. Корнилов. — СПб. : Гершунин и К°, 1905. — 271 с.
6. *Энгельман, И. Е.* История крепостного права в России / И. Е. Энгельман. — М. : Типо-литография товарищества «И. Н. Кушнерев и К°», 1900. — 451 с.
7. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии / М. В. Довнар-Запольский // Этнографическое обозрение. — 1897. — № 1. — С. 82—142.
8. *Киркор, А. К.* Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье : репринт. воспроизведение изд. 1882 г. / А. К. Киркор. — 2-е изд. — Минск : БелЭн, 1994. — 550 с.
9. *Бобровский, П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба : в 25 т. / П. О. Бобровский. — СПб. : Глав. упр. Генер. штаба, 1859—1868. — Т. 5 : Гродненская губерния. — 1863. — 906 с.
10. *Кернажыцкі, К. І.* Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст.: да праблемы разлажэння федалізму ў Беларусі / К. І. Кернажыцкі. — Мінск : Выд-ва Бел. акад. навук, 1935. — 271 с.
11. *Пичета, В. И.* Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX веке / В. И. Пичета // Красный архив. — 1940. — № 1. — С. 177—218.
12. *Жаринов, Д. А.* Крестьянская дифференциация перед падением крепостного права / Д. А. Жаринов // Труды БГУ. — 1925. — № 6—7. — С. 252—282.
13. *Кернажыцкі, К. І.* Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст.: фармаванне капіталізму / К. І. Кернажыцкі. — Мінск : АН Беларусі, Навук.-даслед. ін-т гісторыі, 1931. — 149 с.
14. *Мялешка, М. В.* Гістарычна-этнаграфічны нарыс з жыцця сялян Міншчыны за прыгонам 1826—1857 гг. / М. В. Мялешка // Полюмя. — 1924. — № 4 (12). — С. 106—129.
15. *Шлюбскі, А. А.* Паны і сяляне ў першай палове XIX стагоддзя / А. А. Шлюбскі. — Мінск : Інбелкульт, 1924. — 23 с.
16. *Игнатович, И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И. И. Игнатович. — 3-е изд., доп. — Л. : Мысль, 1925. — 405 с.
17. *Забела, Т. І.* Панская гаспадарка на Беларусі і быт падданага сялянства ў другой палове XVIII стагоддзя / Т. І. Забела // Запіскі аддзялення гуманітарных навук: працы класа гісторыі. — Т. 2, кн. 3. — Мінск : Інбелкульт, 1928. — С. 95—152.
18. *Кернажыцкі, К. І.* Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палавіне XVIII ст. / К. І. Кернажыцкі // Запіскі аддзялення гуманітарных навук : у 13 кн. — Мінск : Інбелкульт, 1928. — С. 1—94.
19. *Пичета, В. И.* История крестьянских волнений в России / В. И. Пичета. — Минск : Белтрестпечатъ, 1923. — 155 с.

Поступила в редакцию 19.05.2025.

УДК 930(=16)

А. В. ЛитвинскийУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 866 54 73, litvinski@inbox.ru**ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ СЛАВЯНСКОГО ПРАЭТНОСА
В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА):
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

В данной статье рассматриваются основные позиции специалистов в области славянского этногенеза в контексте проблемы определения сущности славянского праэтноса, обнародованные в научных трудах, опубликованных в конце XX — начале XXI века. Анализируются следующие аспекты: смысл термина «славянский праэтнос», особенности понимания сущности славянского праэтноса представителями различных наук, в рамках которых проводятся исследования славянского этногенеза. Представлена авторская позиция по данной проблематике.

Ключевые слова: славяне; этногенез; методология; праэтнос; праславянский язык; археологическая культура; междисциплинарность.

Библиогр.: 51 назв.

A. V. LitvinskiInstitution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (29) 866 54 73, litvinski@inbox.ru**DEFINITION OF THE ESSENCE OF THE SLAVIC ANCESTRAL
ETHNIC GROUP IN SCIENTIFIC RESEARCH
(LATE XX — EARLY XXI CENTURY): MAIN TRENDS**

This article examines the main positions of specialists in the field of Slavic ethnogenesis in the context of the problem of determining the essence of the Slavic ancestral ethnic group, promulgated in scientific works published at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries. The following aspects are analyzed: the meaning of the term “Slavic ancestral ethnic group”, the peculiarities of understanding the essence of the Slavic ancestral ethnic group by representatives of various sciences, within the framework of which studies of Slavic ethnogenesis are carried out. The author’s position on this issue is presented.

Key words: Slavs; ethnogenesis; methodology; ancestral ethnos; proto-Slavic language; archaeological culture; interdisciplinary.

Ref.: 51 titles.

Введение. В предлагаемой заинтересованному читателю научной статье рассматривается один из животрепещущих вопросов в контексте исследования славянского этногенеза — как представители различных наук и научных направлений определяют сущность славянского праэтноса. Сразу же следует объяснить во избежание дальнейших разночтений, какой смысл автор статьи вкладывает в понятие «славянский праэтнос». Здесь имеется в виду довольно-таки гипотетичная общность, которая обладала некоторыми признаками этноса, но которую трудно было бы со значительной долей уверенности назвать этносом по причине недостаточной и не всегда конкретной информации о ней, содержащейся в источниках различного происхождения и извлекаемой с помощью методов, присущих областям научного знания, в рамках которых так или иначе исследуется славянский этногенез. Однако подобной общности нельзя и отказать в какой-то доле реальности, быть может, и немалой, иначе, если это отрицать, сам процесс этногенеза во многом теряет свой смысл, как и его изучение методами науки. Заметим также, что слово «определение» в названии статьи означает по большей части процесс, а не результат.

Представленный научный труд в форме статьи в какой-то мере подытоживает наши усилия, прилагавшиеся в ходе изучения методологических аспектов исследования славяногенеза в конце XX — начале XXI века, нашедших своё выражение в работах историков и археологов, лингвистов и этнологов. В процессе подготовки данного труда были использованы материалы наших ранее изданных научных работ, имеющих отношение к рассматриваемому здесь комплексу научных вопросов в большей [1—5] или меньшей [6—13] степени.

Проблематике славянского этногенеза, наверно, еще очень долго суждено быть актуальной (в данном случае речь идёт о научных параметрах значения термина «актуальность»). Во многом это объясняется её эпистемологической спецификой. Ученый, серьёзно вникающий в сущность проблемы происхождения славян, зачастую может испытывать некоторое чувство удивления из-за того, что постоянно накапливающийся объём информации далеко не всегда способствует достижению хотя бы относительной определённости результатов и ясности выводов. Иными словами, чем больше мы знаем, тем чаще следует вносить коррективы в понимание изучаемого процесса. Даже существует риск заблудиться в информационных лабиринтах.

Да и сам характер информации, используемой исследователями, имеет явственный оттенок противоречивости. Во-первых, наблюдается несоразмерность темпов пополнения комплекса источников. Если историки в узком значении этого слова, имеющие дело с письменными источниками, не могут похвастать их пополнением, ибо их основной комплекс давно известен [14; 15], то археологи постоянно вводят в научный оборот результаты новых раскопок. Также постепенно, однако неуклонно пополняются данные популяционной генетики. А вот лингвисты работают с хорошо изученным лексическим фондом славянских языков, и здесь, пожалуй, возможна лишь относительно новая интерпретация языкового материала.

Во-вторых, и это главное, насущной остаётся проблема корреляции информации различного происхождения и свойства. У специалистов, принадлежащих к разным областям знания, соответственно, разные подходы и предпочтения. Свести воедино их наработки довольно трудно иногда по причине элементарного недопонимания со стороны коллег, у которых другой научный профиль. Междисциплинарность в исследованиях — это, разумеется, хорошо, но только в том случае, когда за данным методологическим принципом стоит нечто большее, нежели просто научная вера в убедительность результатов изысканий коллег или же, наоборот, недоверие к этим изысканиям, зачастую интуитивное, нежели рационально обоснованное.

В этой связи необходимо периодически анализировать накопленный потенциал, чтобы отметить достижения на пути исследования происхождения славян, а также указать на перспективы продвижения по данному пути. Мы надеемся, что представленная на суд читателей статья будет пусть и небольшим, но вкладом в рассмотрение с научных позиций тематики славянского этногенеза и в первую очередь в рассмотрение методологических аспектов междисциплинарного по своему характеру исследования происхождения славян (речь идёт о периоде конца XX — начала XXI века).

Материалы и методы исследования. Статья подготовлена на основе достаточно широкого круга источников. В данном случае, поскольку работа имеет историографический и методологический характер, источниками для её написания послужили научные труды различных авторов (историков, археологов, этнологов, языковедов, антропологов, генетиков), опубликовавших их в рассматриваемый период (конец 1970-х — начало 2020-х годов) или немного раньше, если эти более ранние труды во многом определили тенденции исследования в несколько более поздний период. Данные публикации объединяет проявленный в той или иной степени научный интерес к проблемам этногенеза, не обязательно славянского, но в первую очередь всё же его. Пожалуй, проще и лучше всего их систематизировать и сгруппировать по научным дисциплинам, пусть себе подобная систематизация имеет условный характер и потому что тот, кто исследует исторические реалии, сам в каком-то смысле становится историком, хотя является специалистом в другой области, и потому что бывают случаи совмещения научных профилей в специализации и творчестве ученого.

Итак, среди источников наиболее значимые, с нашей несколько субъективной и дискуссионной точки зрения, работы историков (в том числе археологов) [16—40], этнологов [41—44], лингвистов [45—50] и специалистов в области исторической географии [51] (при всей условности классификации, предлагаемой в данной статье). Этот комплекс источников является вполне репрезентативным. Иными словами, изложенная в них информация достаточно точна для успешного выполнения задач исследования. Разумеется, в процессе подготовки статьи мы использовали далеко не все источники по теме, а только те из них, в которых взгляды их авторов иллюстрируют основные тенденции и позиции относительно славянского этногенеза с большей полнотой по сравнению с трудами других ученых и, соответственно, представляют больший интерес в контексте данного исследования.

В процессе подготовки статьи её автор придерживался хорошо известных и основополагающих методологических принципов объективности и историзма. Разумеется, надлежащее внимание было уделено и комплексному междисциплинарному подходу, без которого анализ исследований по проблеме происхождения славян практически невозможен. При этом мы отдавали предпочтение методам анализа и синтеза, а также сочетанию структурно-функционального и сравнительно-исторического методов.

Поскольку наша статья по большей части обзорная, имеющая целью выявление наиболее общих тенденций в контексте рассматриваемой проблематики, то в её тексте, очевидно, преобладают отсылки к опубликованным источникам, а не прямое их цитирование. Это позволяет не загромождать работу многочисленными и многословными цитатами во избежание невольного придания ей реферативного характера. Также автор воздержался от обязательного подтверждения ссылками общепринятых или во всяком случае прочно укоренившихся в весьма богатой славистической, прежде всего научно-исторической традиции положений и выводов, которые, в общем-то, известны любому специалисту в области славянского этногенеза.

Результаты исследования и их обсуждение. На первый взгляд, сущность славянского праэтноса определяется просто: это некая этноязыковая общность, являющаяся предковой для всех славян. При этом считается, что засвидетельствованные историей славянские этносы возникли в результате филиации данной общности. Примерно в таком ключе понимали происхождение славян еще фактически в донаучный период славяноведческого дискурса: в эпоху Средневековья и в первый период Нового времени. Во многом наблюдалась приверженность нарративу, представленному в «Повести временных лет» (имеется в виду известный каждому уважающему себя специалисту рассказ о пребывании славян на Дунае и о последующем широком расселении их оттуда в различные регионы Европы) [26].

Такой подход задавался не только сведениями исторических источников, но и доминировавшим принципом сравнительно-исторической лингвистики (компаративистики), согласно которому именно так в результате филиации и пространственного обособления разделяются языки (графически действие этого принципа, как известно, иллюстрируется с помощью образа родословного дерева). Следует отметить значительную степень научной правомерности этого подхода, хотя он не является исчерпывающим и единственным.

Попутно заметим, что именно компаративистике долгое время принадлежала ведущая роль в изучении этногенетических процессов, а по мнению немалого числа ученых, не обязательно языковедов, таковая роль сохраняется и до сих пор. К примеру, Л. С. Клейн высказал следующую мысль: «Происхождение языков, история языковых семей и их филиации — это четкий предмет для исследования, простирающийся на многие тысячелетия, и обычно исследование этногенеза к этому и сводится. Остальные науки играют в этом деле вспомогательную роль и должны с этим смириться» [23].

Однако в рассматриваемый нами период набрала силу тенденция, проявившаяся, впрочем, еще раньше, — тенденция, в рамках которой всё большее внимание обращалось на нелинейность и сложность процесса происхождения славян по сравнению с моделью родословного дерева [1; 4]. Причем оттенки данной тенденции были и остаются разными: от

осторожного указания на эти самые нелинейность и сложность до фактически постмодернистского по духу отрицания предыдущей историографической традиции. В последнем случае показательным исследованием является работа американского историка и археолога Ф. Курты, в которой анализируются достаточно сложные процессы различной направленности, имевшие место в Нижнем Подунавье на протяжении VI—VII веков [38]. Категоричность автора этого труда, с которой он выразил решительное несогласие со многими аспектами предыдущей славистической традиции, вызвала в целом обоснованную критику [35; 42]. Впрочем, примеры подобной категоричности в серьёзной академической науке довольно редки.

Как бы то ни было, и в рамках отдельных наук, и на их перекрестье постепенно выработались достаточно четко представленные и обычно убедительно аргументированные позиции по вопросу определения сущности славянского праэтноса. И здесь уместно отметить вот что: эти позиции не демонстрируют жесткой привязанности к своей для конкретного исследователя области знаний. Говоря другими словами, могут наблюдаться значительные различия во взглядах лингвистов и в то же время совпадения во взглядах того или иного лингвиста с тем или иным археологом. Особенно это явственно в контексте определения прародины славян [2]. Например, нет, по нашему мнению, особых концептуальных отличий между позицией историка и археолога В. В. Седова, а также языковеда-компаративиста В. В. Мартынова: и тот и другой помещают прародину славян на территории современной Польши, между Вислой и Одером, причем делают это последовательно и уверенно [33; 48].

Так как же представляют себе сущность славянского праэтноса ученые различных специальностей и направлений? Историки, которые работают с письменными источниками, здесь оказываются в невыгодном положении. Этих источников самих по себе явно недостаточно, чтобы на их основании составить более или менее приемлемую для понимания картину славянского этногенеза. На страницах произведений, созданных в периоды поздней Античности и раннего Средневековья славяне (склавины и анты) предстают в качестве уже реального феномена, некоего результата длительного процесса, который, между прочим, в письменных источниках засвидетельствован весьма фрагментарно, вроде чудом уцелевших камешков из рассыпавшейся мозаики. Недаром первый раздел «Свода древнейших письменных известий о славянах» (I том) получил данное с немалой степенью осторожности название «К предистории славянства» [14, с. 18—96]. Этим самым редакторы издания подчеркнули гипотетичность существования славян (именно как уже оформившихся славян, а не их далёких или даже близких предков) в века, предшествовавшие VI веку (не являются здесь исключением и венецы, которым устоявшаяся научная традиция отводила роль фактически непосредственных предков славян, ведь прямая преемственность между венедами и славянами не является аксиомой, как это раньше представлялось поколениям ученых).

Коль скоро выведение славян из периода наибольшей мощи Римского государства (II век до н. э. — II век н. э.) с помощью только письменных источников затруднительно, то в этом случае веское слово должны сказать археологи. И они его сказали, вот только сделали это по-разному. Речь идёт о том, что, имея в распоряжении примерно одинаковый для всех базовый археологический материал, пусть себе и постоянно пополняемый, они на его основе разрабатывали различные по содержанию концепции.

В этом отношении наблюдается интересная вещь: на наш взгляд, определение археологами хронологии славяногенеза и сущности соответствующего праэтноса зависит не столько от их собственных наработок, сколько от корреляции этих наработок с позициями компаративистов. Впрочем, мы категорично не настаиваем на данной точке зрения.

Если же рассуждать более конкретно, то разбежка в периодизации процессов образования некоей праславянской общности и в локализации славянской прародины у археологов зачастую довольно-таки большая. Например, Б. А. Рыбаков и Э. М. Загорульский выводят данную общность фактически из бронзового века [21; 22; 32]. При этом локализация славянской прародины у этих двух исследователей существенно различается: если Б. А. Рыбаков

склонен видеть первых славян на широких просторах Восточной и Центральной Европы, то Э. М. Загорульский помещает прародину только в Центральной Европе, причем даже западнее, чем это делают приверженцы Висло-Одерской локализации славянской прародины [4].

Другие археологи не столь настойчивы в стремлении «удревнить» историю славян. Вряд ли здесь следует подробно, в индивидуальном порядке, если можно так выразиться, излагать позицию каждого из них, поскольку мы, как уже было сказано выше, посвятили рассмотрению этих позиций несколько своих публикаций, а заинтересованный читатель без особого труда найдёт имеющие концептуальное значение работы археологов-славистов на просторах Интернета. Повторимся: наша задача — выявить основные тенденции исследования, и не более того.

Необходимо, однако, отметить, что, локализуя прародину славян на территории той или иной археологической культуры, специалисты как бы хронологически «привязывают» происхождение славян к тому историческому периоду, на протяжении которого данная археологическая культура существовала. Проще говоря, чем древнее культура, тем древнее славяне. Но если это так, то, раз уж ученый видит истоки славянства в совсем седой древности (в бронзовом или в раннем железном веках), ему приходится вольно или невольно постулировать сохранность и целостность славянского праэтноса на протяжении очень продолжительного, многовекового времени. А это, в свою очередь, порождает вопрос о причинах, по которым славяне (ну, или праславяне), были неизвестны античным авторам. Чтобы при этом свести концы с концами, фактически в обязательном порядке надо объявлять праславянами скелетов или негров, венедов или ставанов и делать это, увы, без достаточных на то оснований.

Кроме того, если занимать подобную позицию, то тогда трудно будет объяснить относительно позднюю филиацию славянского праэтноса (имеется в виду прежде всего распад гипотетического реконструируемого праславянского языка на исторические языки славянской группы, известные по письменным источникам, ведь и теперь между ними существует сходство, заметное даже неспециалистам). Поэтому мы имеем дерзость отдать некоторое предпочтение гипотезам, в рамках которых возникновение славянства как исторического феномена следует датировать не раньше первых веков нашей эры, связывая это возникновение с генезисом и существованием Киевской археологической культуры. Такой подход, по нашему мнению, лучше всего представлен в трудах С. Е. Рассадина и М. Б. Щукина [31; 37].

Вообще говоря, вопрос о корреляции материальной культуры с праэтносом, в данном случае со славянским, довольно-таки сложен, поскольку необходимо доказывать то, что ареал культуры или хотя бы её территориального ядра по большей части совпадает с территорией, на которой этот праэтнос в общих чертах сформировался или на которую в дальнейшем мигрировал. В этом отношении интересную попытку синхронизации стадий формирования и эволюции славян с археологическими культурами и, между прочим, с этапами трансформации праславянского языка сделал В. В. Седов [33, с. 69—430]: от Культуры подклёшевых погребений через Пшеворскую и Черняховскую культуры и до таких культур, как Пеньковская, Ипотешти-Кындештская, Именьковская, Пражско-Корчакская, Суковско-Дзедзицкая и др. (здесь приведены названия культур в редакции В. В. Седова с некоторыми нашими уточнениями — А. Л.) [33, с. 202]. Сильной стороной его построений является стремление показать неравномерность исторического процесса, выразившуюся в чередовании периодов подъёма и упадка славянского праэтноса. Однако, на наш взгляд, выдающийся славист всё же не смог преодолеть до конца указанные чуть выше по тексту нашей статьи методологические затруднения.

Иным путём научного поиска пошли такие исследователи, как Й. Вернер, К. Годловский, М. Б. Щукин, а также в некоторой степени Г. С. Лебедев и Д. А. Мачинский [17; 24; 25; 37; 39]. Они обратили внимание на структуру культуры первых достоверно славянских общностей и предложили (каждый по-своему) использовать ретроспективный метод, позволяющий искать предков славян среди археологических общностей с подобной культурой [37, с. 111—113, 130—133]. Такой подход оказался, по нашему мнению, плодотворным,

в наибольшей степени соответствующим принципу рационального мышления, в том числе и в первую очередь научного, согласно которому совершенно обязательно следует выводить неизвестное из достоверно установленного известного.

Кстати говоря, этот принцип по сути своей методологический, буквально-таки вынуждает придерживающихся его археологов искать истоки славянства в археологических культурах Беларуси и прилежащих к ней территорий (прежде всего здесь речь идёт об ареале Зарубинецкой культуры и постзарубинецких древностей, последних даже в большей степени, ведь именно из них выводится Киевская культура, а из Киевской — Колочинская, Пеньковская и, возможно, Пражская, или Пражско-Корчакская [7; 8]). Имеется в виду Верхнее и Среднее Поднепровье, включающее в себя также и бассейны притоков Днепра, расположенные севернее Киева: Припяти, Березины, Сожа, Десны, а согласно Д. А. Мачинскому и в некотором смысле Г. С. Лебедеву, еще и Верхнее Понеманье (ареал Культуры штрихованной керамики).

В рассматриваемом нами контексте уместно также обратить внимание на точку зрения одного из крупнейших современных исследователей Пражской культуры И. О. Гавритухина фактически непосредственно по проблеме определения сущности славянского праэтноса [18—20]. Археолог, если можно так выразиться, разводит в разные стороны понятия «славяне как предковая общность для славянских народов» и «славяне как отдельный конкретный этнос, представленный носителями Пражской культуры» [20]. Таким образом, получается, что славяне в широком смысле слова — это славофоны [13], представленные носителями различных археологических культур (и анты, и склавины). В узком же смысле — это только склавины, упоминаемые, как и анты, ранневизантийскими и иными авторами, начиная с VI века [14, с. 98—399]. Подобная позиция позволяет некоторым образом найти консенсус между теми исследователями, которые сомневаются в славянской этнической принадлежности антов, и теми, которые уверенно относят последних к славянам.

Можно со значительной долей определённости утверждать, что для языковедов-компаративистов сущность славянского праэтноса сводится (с некоторыми оговорками) к сообществу индивидов, говоривших на праславянском языке. Соответственно, начало этногенеза относится к тому времени, когда некий индоевропейский диалект оформился во вполне самостоятельный язык (о возникающих при этом исследовательских проблемах достаточно убедительно повествуется в труде одного из самых видных компаративистов-славистов Х. Бирнбаума [45]).

Вряд ли в рассматриваемый период серьёзно поменялись методологические установки лингвистов по основным вопросам славяногенеза. По-прежнему для них остаются актуальными следующие проблемы: определение и уточнение хронологии данного процесса в его компаративистском измерении, стадийность глоттогенеза и её соотнесённость с «балто-славянской проблемой», локализация с помощью методов лингвистического исследования славянской прародины, причины и конкретные проявления распада праславянской языковой общности на отдельные диалекты и затем на самостоятельные языки. Разнообразие взглядов здесь очевидно. Формат статьи совершенно не позволяет скрупулёзно рассматривать и оценивать различные взгляды ученых, поэтому ограничимся кратким анализом их позиций.

В целом компаративисты придерживаются парадигмы, сформировавшейся уже в XIX веке и, очевидно, преобладающей до сих пор. Согласно ей, праславянский язык сложился, во-первых, в зоне контактов балтов и праславян (а эти контакты можно трактовать по-разному, что и делается [4, с. 73]), во-вторых, сопоставление базовой лексики славянских языков с некоторыми оговорками свидетельствует о привязке первоначального ареала обитания наших языковых предков в зоне смешанных лесов Центральной и/или Восточной Европы при некоторой условности локализации этих регионов (к примеру, Беларусь можно отнести к обоим регионам в зависимости от того, под каким углом зрения рассматривать). Впрочем, данная парадигма небезупречна, поскольку в её рамках существуют трудности методологического характера, достаточно убедительно проанализированные Г. А. Хабургаевым [50, с. 69—103].

Кстати, он высказал любопытную точку зрения в интересующем нас контексте. Лингвист со ссылкой на статью другого известного компаративиста Ф. П. Филина утверждал: «Говоря о праславянах как общих предках славян, мы всегда (независимо от степени сознательности!) имеем в виду не древних носителей культурно-этнических особенностей современных славянских народов, а население, пользовавшееся системой реконструированного праславянского языка (независимо от антропологических и культурно-этнографических особенностей этого населения!), если признаём, что именно “язык продолжает оставаться единственным бесспорным признаком этнической принадлежности древних племён и народностей”» [50, с. 69—70].

О том, что подобная точка зрения не является единственной, свидетельствует следующее высказывание этнолога и историка С. А. Иванова: «Что же тогда формирует сам этнос? Как это ни покажется странным — само сознание принадлежности к нему» [41, с. 6]. Отсюда, о чём уже велась речь выше по тексту статьи, его позиция как редактора I тома «Свода древнейших письменных известий о славянах» [14], согласно которой всё, что происходило до VI века, является не более чем предысторией славян, а реальная история начинается только с VI века и никак не раньше [41, с. 7]. Отсюда же и вытекает его критика взглядов О. Н. Трубачёва, известного лингвиста и компаративиста, на протяжении значительного периода своего творчества разрабатывавшего (и разработавшего) собственную концепцию происхождения славян, получившую окончательное воплощение в публикации 2003 года [49], однако в целом оформленную и изложенную до выхода в свет данной публикации [41, с. 8—9, 13].

Суть данной концепции такова: праславянский язык выделился из индоевропейской общности в качестве отдельного диалекта, миновав гипотетическую балто-славянскую стадию; истоки славянства надлежит искать в существовавшей еще в бронзовом веке центрально-европейской этноязыковой общности, а конкретнее говоря, на территории Подунавья; балто-славянские контакты в этом смысле вторичны и являются следствием вынужденной миграции праславян на северо-восток под натиском «волохов» (кельтов-вольков, по мнению О. Н. Трубачёва); самые ранние славяне могли и не иметь устойчивого эндоэтнонима (попросту говоря, могли и не называть себя славянами до определённого времени), однако они всё же имели некоторое понятие о своей общности; сам термин «славяне» («словѣне») означает “ясно говорящие” [49, с. 9] “окликаемые” (реагирующие на слово); начавшаяся в VI веке славянская экспансия на Дунай имела характер реконквисты (отвоевания) [49].

Эта концепция, очевидно, не вписывается по многим параметрам в преобладающую в славистике парадигму. Наверное, не наше дело критиковать её, и уж точно мы не будем скептически оценивать её за очень заметное несоответствие парадигме, однако следует всё-таки отметить, что попытка непротиворечиво и убедительно вывести славян (или, скажем, праславян) из бронзового века обязательно встретит отмеченные выше по тексту статьи затруднения методологического свойства. В подобном случае весьма затруднительно будет доказать непрерывную преемственность этнической общности на протяжении фактически тысячелетий. Ведь типологически это не подтверждается на примерах, скажем, древних германцев с их постоянными этническими пертурбациями, сопровождавшимися на протяжении их догосударственной истории перегруппировками и сменой этнонимов.

В контексте рассматриваемой нами проблематики имеет смысл отметить одну из последних работ упомянутого выше Х. Бирнбаума [46]. Эта работа привлекла наше внимание попыткой обосновать факт довольно-таки позднего окончательного формирования славянского языка, давшего начало исторически известным славянским языкам. По мнению лингвиста, славянские языки составили самостоятельную группу индоевропейской языковой семьи, потому что их предок испытал в эпохе Великого переселения народов ошутимое влияние алтайских языков, на которых разговаривали гунны и авары, именно в указанной здесь последовательности доминировавшие на огромных территориях Восточной, Юго-Восточной

и Центральной Европы, в том числе доминировавшие по отношению к славянскому праэтносу. Поэтому с лингвистической точки зрения о собственно славянах нельзя вести речь раньше эпохи Великого переселения народов.

Заключение. Сущность славянского праэтноса в исследованиях конца XX — начала XXI века определяется по-разному. Для одних ученых он — явление весьма древнее, архаичное. А это означает, что его сущность даже если и испытала некоторую эволюцию (сей факт категорически отвергать невозможно с позиции историзма), всё же в основе своей сохраняла хоть в какой-то мере устойчивость, без которой не произошла бы эта самая эволюция.

Другая группа ученых выступала и выступает против попыток бесосновательно, на их взгляд, «удревнять» славянский праэтнос, ибо подобное «удревнение» противоречит логике исторического процесса в его типологическом и конкретно-событийном измерениях. Представители этой группы настаивают на методологической осторожности и аккуратности, на строгом следовании фактам без увлечения фантазиями под видом гипотез. В этом отношении симптоматичны даже названия некоторых научных трудов [31; 37]. Здесь налицо тенденция сближения периода формирования славянского праэтноса с периодом, когда славяне вышли на историческую арену и стали известны ранневизантийским и иным авторам.

Дальнейшие поиски решения проблемы происхождения славян могут быть результативными только на основе плодотворности междисциплинарного подхода, взаимоуважения и научной корректности.

Список цитируемых источников

1. *Литвинский, А. В.* Примордиализм и конструктивизм в исследовании этногенеза славян (конец XX — начало XXI века) / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч. конф., 24—25 нояб. 2017 г., Пинск : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — Вып. 2, ч. 1 — С. 185—192.
2. *Литвинский, А. В.* Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2018. — № 6(1). — С. 28—36.
3. *Литвинский, А. В.* Междисциплинарность как принцип исследования этногенеза славян: основные позиции в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-годдзю Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы і 65-годдзю гісторыі адукацыі ў Гродз. дзярж. ун-це імя Я. Купалы : у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.). [і інш.]. — Гродна : ГрДУ, 2019 — Ч. 1. — С. 111—115.
4. *Литвинский, А. В.* Модели этногенеза славян в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2019. — № 7 (1). — С. 68—79.
5. *Литвинский, А. В.* Интерпретация термина «славяне» в контексте исследования их происхождения (конец XX — начало XXI века) / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст., 25 февр. 2022 г. / Полес. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. — Пинск : ПолесГУ, 2022. — Вып. 7. — С. 100—104.
6. *Литвинский, А. В.* Этногенез славян: проблема соотношения источников различных видов / А. В. Литвинский // Смена парадигм в историографии XIX — начала XXI вв. : сб. науч. ст. (к 60-летию проф. А. Н. Нечухрина) / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Э. С. Ярмусик, Н. В. Козловская, Е. И. Мелешко. — Гродно : ГрГУ, 2012. — С. 250—260.
7. *Литвинский, А. В.* Киевская археологическая культура в контексте локализации прародины славян: обзор историографии конца XX — начала XXI в. / А. В. Литвинский // Сохранение национальной идентичности белорусского общества: прошлое, настоящее, перспективы : материалы Респ. науч. конф., 21 апр. 2016 г., г. Барановичи / БарГУ ; редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), З. Н. Козлова [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2016. — С. 46—51.
8. *Литвинский, А. В.* Генезис Пражской археологической культуры в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Пинск, 21—22 окт. 2016 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2016. — С. 30—37.
9. *Литвинский, А. В.* Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX — начала XXI в. / А. В. Литвинский // Менталитет славян и интеграционные процессы: история,

современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — С. 161—164.

10. *Литвинский, А. В.* Предпосылки, причины и факторы славянизации Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в историографии конца XX — начала XXI века / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 20—21 декаб. 2019 г. / Полес. гос. ун-т ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. — Пинск : ПолесГУ, 2019. — Вып. 4. — С. 20—25.

11. *Литвинский, А. В.* Лингвистические аргументы в археологических исследованиях этногенеза славян / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. научн. конф., Пинск, 30 нояб.—1 дек. 2018 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2018. — Вып. 3. — С. 26—32.

12. *Литвинский, А. В.* Возможности исследования происхождения славян методами популяционной генетики / А. В. Литвинский // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. научн. ст. / Полес. гос. ун-т ; под ред. В. И. Дуная, Р. Б. Гагуа [и др.]. — Пинск : ПолесГУ, 2023. — Вып. 8. — С. 139—143.

13. *Литвинский, А. В.* Сообщение Прокопия Кесарийского о языке склавинов и антов в контексте исследования происхождения славян / А. В. Литвинский // Наука — практике : материалы IV Науч.-практ. конф., 19 мая 2023 г., Барановичи : в 2 ч. — Барановичи : БарГУ, 2023. — Ч. 2. — С. 143—144.

14. Свод древнейших письменных известий о славянах — Изд. 2-е, испр. — М. : Вост. лит. РАН, 1994. — Том I (I—VI вв.). — 472 с. : карты.

15. Свод древнейших письменных известий о славянах — М. : Вост. лит. РАН, 1995. — Том II (VII—IX вв.). — 590 с. : карты, схемы.

16. *Баран, В. Д.* Давні слов'яни / В. Д. Баран. — Київ : Альтернативи, 1998. — 336 с.

17. *Вернер, И.* К происхождению и распространению антов и склавенов / И. Вернер // СА. — 1972. — № 4. — С. 102—114.

18. *Гавритухин, И. О.* Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Тр. ГЭ. — СПб., 2009. — Вып. XLIX. — С. 7—25.

19. *Гавритухин, И. О.* Дунайский «страт» славянской археологии. От редакторов этого номера / И. О. Гавритухин // *Stratum plus*. Славяне на Дунае. Обретение Родины = The Slavs on the Danube. Homeland found. — СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2015. — № 5 — С. 17—26.

20. *Гавритухин, И. О.* Происхождение славян — две разные проблемы / И. О. Гавритухин. — URL: http://www.rus-obr.ru/idea/1148_ (дата обращения: 09.02.2022).

21. *Загорюльский, Э. М.* Проблема датирования начала славянского этногенеза / Э. М. Загорюльский // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2006. — Вып. 1. — URL: <http://historicaldis.ru/blog/43085551324/Problema-datirovaniya-nachala-slavyanskogo-etnogenyzoa> (дата обращения: 28.08.2018).

22. *Загорюльский, Э. М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э. М. Загорюльский. — Минск : БГУ, 2012. — 367 с.

23. *Клейн, Л.* Происхождение славян, версия биохимическая / Л. Клейн // Российский археологический ежегодник. — 2015. — № 5. — URL: http://генофонд.рф/?page_id=500 (дата обращения: 16.08.2019).

24. *Лебедев, Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвуз. сб. науч. ст. / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Из-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 105—115.

25. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: труды ГЭ. — СПб., 2009. — Вып. XLIX. — С. 460—538.

26. *Мыльников, А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века / А. С. Мыльников. — СПб. : Петербург. востоковедение, 1996. — 314 с.

27. *Носевич, В.* Истоки славянства / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — URL: <http://vln.by/node/176> (дата обращения: 26.02.2012).

28. *Носевич, В.* Славяне и субстрат / В. Носевич // Основные вехи этногенеза белорусов. — URL: <http://vln.by/node/181> (дата обращения: 26.02.2012).

29. *Носевич, В. Л.* Междисциплинарный подход к проблеме происхождения славян: новые перспективы (2017) / В. Л. Носевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцяў на тэрыторыі Беларусі (памяці Таццяны Мікалаеўны Каробушкінай) / навук. рэд.: А. М. Мядзведзеў. — Мінск : Беларус. навука, 2017. — Вып. 28. — URL: <http://vln.by/node/272> (дата обращения: 22.04.2023).

30. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Знак, 2004. — 416 с.
31. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорус. экзархат, 2008. — 288 с.
32. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1982. — 591 с.
33. Седов, В. В. Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Яз. слав. культуры, 2002. — 624 с. : ил.
34. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. / Р. В. Терпиловский. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. — 232 s.
35. Шувалов, П. В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования — 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.
36. Шувалов, П. В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П. В. Шувалов // *Stratum plus*. — 2013. — № 4. — С. 75—89.
37. Щукин, М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска / М. Щукин // *Стратум. Структуры и катастрофы*. — СПб. : Нестор, 1997. — С. 110—147.
38. Curta, F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
39. Godłowski, K. Pierwotne siedziby Słowian: wybór pism / Kazimierz Godłowski ; pod red. Michała Parczewskiego ; Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego. — Kraków : IA UJ, 2000. — 436, [2] s. : il., narys kolor.
40. Kazanski, M. Les Slaves. Les origines (Ier — VIIe siècle après J.-C.) / M. Kazanski. — Paris : Errance, 1999. — 159 p.
41. Иванов, С. А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // *Советское славяноведение*. — 1991. — № 5. — С. 3—13.
42. Иванов, С. А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. — 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.
43. Кобычев, В. П. В поисках прародины славян / В. П. Кобычев. — М. : Наука, 1973. — 106 с.
44. Шнирельман, В. Междисциплинарный подход и этногенез / В. Шнирельман // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* ; под ред. Г. А. Комаровой. — М. : ИЭА РАН, 2016. — URL: http://генофонд.рф/?page_id=8463 (дата обращения: 17.08.2019).
45. Бирнбаум, Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции / Х. Бирнбаум. — М. : Прогресс, 1987. — 512 с.
46. Бирнбаум, Х. Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // *Вопросы языкознания*. — 2003. — № 5. — С. 6—29.
47. Кузьменко, Ю. К. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика / Ю. К. Кузьменко; отв. ред. Н. Н. Казанский. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 266 с.
48. Мартынов, В. В. Славянский, италийский, балтийский (глотогенез и его верификация) / В. В. Мартынов // *Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования)* : межвуз. сб. науч. ст. ; науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — С. 37—44.
49. Трубачёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
50. Хабургаев, Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» / Г. А. Хабургаев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 232 с.
51. Вялікі гістарычны атлас Беларусі : у 3-х тамах / пад рэд. В. Л. Насевіча. — Мінск : Белкартаграфія, 2009. — Т. 1. — 246 с.

Поступила в редакцию 21.11.2024.

УДК 94(476)(19)

А. В. Хованский, кандидат исторических наук, доцентУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230006 Гродно, Республика Беларусь, +375 (33) 654 43 10, hovanskij_av@grsu.by

ПРОЕКТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1855—1856)

Статья посвящена анализу ключевых проектов реорганизации управления российской армии, разработанных в 1855—1856 годы в условиях кризиса, вызванного поражением в Крымской войне. Рассматриваются ключевые факторы, обусловившие необходимость военных преобразований. Обострение после войны внутриполитического положения и сложная международная обстановка, дальнейший рост вооружений ведущих европейских государств вынудили правительство искать пути к усовершенствованию военной структуры страны. Особое внимание уделяется проектам, представленным императору Александру II высшим генералитетом (Ф. В. Ридигером, Б. Г. Глинкой, Д. А. Милютиним), в которых были обозначены насущные проблемы армии и предложены пути их решения. Делается вывод, что представленные императору Александру II идеи совершенствования военного управления были не вполне последовательными, во многом носили ограниченный и половинчатый характер. Вместе с тем записки генералов Ф. В. Ридигера, Б. Г. Глинки, Д. А. Милютина хотя и не были полностью реализованы, однако стали частью программы преобразований, совершенных в начале 1860-х годов.

Ключевые слова: Крымская война; Российская империя; российская армия.

Библиогр.: 9 назв.

A. V. Khavanski, PhD. in History, Associate Professor
Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
22 Ozheshko Str., 230006 Grodno, the Republic of Belarus,
+375 (33) 654 43 10, hovanskij_av@grsu.by

PROJECTS FOR THE REORGANIZATION OF THE RUSSIAN ARMY ADMINISTRATION AFTER THE CRIMEAN WAR (1855—1856)

The article is devoted to the analysis of key projects for the reorganization of the Russian army management, developed in 1855—1856 in the conditions of the crisis caused by the defeat in the Crimean War. The key factors that determined the need for military reforms are considered: the aggravation of the internal political situation after the war and the difficult international situation, the further growth of armaments of the leading European states forced the government to look for ways to improve the military structure of the country. Particular attention is paid to the projects submitted to Emperor Alexander II by the highest generals (F. V. Ridiger, B. G. Glinka, D. A. Milyutin), in which the pressing problems of the army were outlined and the ways to solve them were proposed. It is concluded that the ideas for improving military management presented to Emperor Alexander II were not entirely consistent, and they were largely limited and half-hearted. At the same time, the notes of generals F. V. Ridiger, B. G. Glinka and D. A. Milyutin although were not fully implemented, but they became part of the program of reforms carried out in the early 1860s.

Key words: Crimean War; Russian Empire; Russian army.

Ref.: 9 titles.

Введение. Боевой опыт свидетельствует, что эффективное управление войсками на протяжении истории всегда являлось ключевым элементом, способствующим успеху в бою. Задача совершенствования управления в соответствии с постоянно растущими требованиями к нему остаётся актуальной, поскольку отставание в его развитии может ограничивать боевые возможности войск, сил и ресурсов вместо того, чтобы содействовать наиболее эффективному использованию их потенциала. Необходимо адаптировать подходы к управлению, чтобы они соответствовали современным вызовам и обеспечивали гибкость, позволяя максимально задействовать имеющиеся возможности и ресурсы в условиях изменяющейся обстановки.

В этих обстоятельствах изучение и обобщение предшествующего опыта играет ключевую роль в правильном понимании существующих проблем и определении направлений для дальнейшего совершенствования военно-административной системы Республики Беларусь.

Материалы и методы исследования. Проблемы реформирования институтов управления российской армией во второй половине 1850-х годов в дореволюционной и современной историографии не получили необходимого освещения. Проекты улучшения форм и методов военного управления в империи рассматривались преимущественно в контексте изучения других проблем. Однако имеющиеся работы не в полной мере отражают деятельность военных чиновников по поиску и разработке конкретных мероприятий, направленных на укрепление военной организации Российской империи [1—3]. В качестве методологической базы исследования были использованы как ключевые принципы и методы научного исследования, так и специально-исторические (историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный). Их совместное использование создает основу для глубокого и многогранного анализа, что способствует более полному пониманию предмета исследования и позволяет делать обоснованные выводы.

Результаты исследования и их обсуждение. Военно-политическая обстановка на мировой арене во второй половине XIX века определялась острым соперничеством между ведущими европейскими государствами (Англией, Германией, Францией, Австро-Венгрией, Италией и Россией), наложившим отпечаток на внешнюю политику российского правительства, его стратегию и тактику. Поражение в Крымской войне (1853—1856) привело к значительному ослаблению международного статуса Российской империи. Страна оказалась в изоляции, бывшие союзники стали смотреть на нее с недоверием, а враги, напротив, укрепили свои позиции. Упрочить международный авторитет и восстановить баланс сил в Европе и Азии российские власти могли лишь путем осуществления широкой модернизации военной организации страны. Внешняя политика российского правительства находилась в тесной взаимосвязи с социально-экономическим положением государства, которое носило нестабильный характер. Внутри империи усиливалось социальное недовольство, выражавшееся в общественном подъеме, а в приграничных районах — в форме национально-освободительного движения. Таким образом, внутренние и внешние вызовы стали триггером для разработки и проведения ряда преобразований, направленных на модернизацию государства [4, с. 214—216].

Несовершенство центрального и местного военного управления в Российской империи стало одной из ключевых причин неэффективности российской армии в ходе Крымской войны. Организация военной администрации в стране была построена на жесткой иерархии и бюрократических традициях, страдала от недостатка гибкости и адаптивности, несогласованности действий различных инстанций, недостаточной подготовленности кадров. Центральное управление, сосредоточенное в столице, зачастую не учитывало местных условий, что приводило к неверным оценкам ситуации и принятию ошибочных решений. Местные учреждения, лишённые необходимого уровня автономии, страдали от бюрократических проволочек и ограниченности ресурсов [3, с. 176].

Весной 1855 года с восшествием на престол императора Александра II активизировалась деятельность военных элит, направленная на разъяснение необходимости преобразований в военной сфере. Одним из первых, кто инициировал этот вопрос перед монархом, стал главнокомандующий гвардейскими и гренадерскими корпусами, генерал-адъютант Ф. В. Ридигер. В документе, подготовленном 4 июня 1855 года и направленном государю, были рассмотрены ключевые обстоятельства, приведшие к военным поражениям. Автор записки назвал ситуацию в военной сфере страны «кризисом» и указал, что ключевым фактором военных провалов последних лет следует считать некомпетентных руководителей на всех важных постах в армии и в военном управлении в целом [1, с. 381; 2, с. 36].

Основную причину сложившегося в стране положения генерал видел в злоупотреблениях в администрациях центральных органов. Система принятия решений в империи практически исключала самостоятельность подведомственных чиновников и управлений и превращала их лишь в механизмы передачи приказов и отчетов. Функционируя в подобных условиях, должностные лица военного министерства на местах теряли всякую мотивацию и способность вырабатывать стратегически важные решения, что приводило к несоответствию между потребностями армии и реальными действиями органов управления. Еще одним фактором, оказывавшим негативное влияние на кадровый потенциал военного ведомства, автор считал применение при назначении на должности так называемого «права старшинства» (преимущество перед другими по возрасту), а также слабую теоретическую подготовку офицеров в области военного искусства [5, с. 20—22].

Во второй записке от 23 июня 1855 года, адресованной императору, граф Ф. В. Ридигер предложил ряд мер, направленных на «исправление ошибочного курса, сложившегося в отдельных сферах управления армией и повлекшего за собой тяжелые последствия» [5, с. 26]. Среди предложенных шагов значились: преодоление чрезмерной централизации, создание рабочего механизма распределения властных полномочий между центральными и местными органами власти, улучшение состава руководящих лиц путем введения регулярных и строгих аттестаций, создание резерва кадров, а также отстранение от должностей чиновников, не соответствующих требованиям времени [5, с. 26].

Для обсуждения и детальной проработки названных инициатив автор посчитал необходимым сформировать специальную комиссию, состоящую из людей «здравомыслящих, практических и просвещенных, исключая всех тех, кто непоправимо отравлен старой системой» [5, с. 27]. Принимая выводы Ф. В. Ридигера, император Александр II 20 июля 1855 года поручил ему сформировать Комиссию для улучшений по военной части [2, с. 39].

В состав рабочей группы вошли компетентные эксперты, авторитетные генералы российской армии, обладавшие глубокими знаниями, высокой квалификацией и значительным боевым опытом. Первоначально ее председателем был избран генерал от инфантерии П. А. Данненберг, однако вскоре Ф. В. Ридигер, непосредственно координировавший работу комиссии, с согласия императора возглавил ее, а П. А. Данненберг стал вице-председателем [1].

Проблемы функционирования аппарата военного управления и разграничения властных полномочий в нем требовали более детального описания. С этой целью Ф. В. Ридигером была подготовлена и 11 августа 1855 года передана Александру II третья записка. Ее автор акцентировал внимание императора на негативных последствиях сложившейся модели руководства. В документе отмечалось, что постоянное вмешательство верховного командования во все, даже самые незначительные, служебные вопросы подрывало любые попытки к принятию самостоятельных решений на местах. Таким образом, со временем в местных органах власти уже выработалась привычка полагаться исключительно на приказы «сверху». Кроме того, такое положение дел естественным образом снимало с местных должностных лиц и всю ответственность [5, с. 28].

Обосновав свою позицию о влиянии системы управления на боеспособность армии, Ф. В. Ридигер перечислил меры, которые, по его мнению, могли бы способствовать устранению ключевых проблем. Генерал в своём подходе к реорганизации управления подчеркивал необходимость изменения структурных элементов командования для повышения боеспособности и эффективности войск. Его идея об упразднении должности главнокомандующего армией и его штаба в мирное время позволила бы сократить бюрократические барьеры и уменьшить время реакции на возникающие проблемы. Такие меры должны были обеспечить более эффективное и динамичное управление армейскими формированиями, адаптированное к реалиям военной службы [1].

Второе предложение Ф. В. Ридигера касалось четкого распределения полномочий и обязанностей в структуре военного управления, что, по мнению автора, было необходимо для улучшения функционирования армии и повышения ее эффективности. В частности,

планировалось предоставить корпусным командирам и начальникам дивизий большей степени автономии в принятии решений. В целом данные меры были направлены на создание более гибкой и эффективной системы управления, способной оперативно реагировать на вызовы, стоявшие перед вооруженными силами.

Далее в документе указывалось на необходимость исключения «права старшинства» как определяющего фактора при назначениях на командные должности, а учитывать только личные заслуги. В свою очередь, расширение власти руководителей, по мнению автора, должно было одновременно повысить и степень их ответственности: «Любое злоупотребление властью должно строго пресекаться, а генерал, не заслуживший доверия или продемонстрировавший недееспособность, не может сохранить свое место» [5, с. 40].

В августе 1855 года генералом Ф. В. Ридигером были подготовлены четвертая и пятая записки, адресованные императору, содержавшие предложения по улучшению условий военной службы, организации питания, медицинского обслуживания и других аспектов повседневной жизнедеятельности войск. К сожалению, Ф. В. Ридигер не смог продолжить свою работу над реформами, так как 15 июня 1856 года он скончался. 28 сентября 1856 года комиссию возглавил генерал Н. Ф. Плаутин [6, с. 4]. Однако деятельность экспертной группы под его руководством уже не затрагивала фундаментальных вопросов устройства и организации армии [7, с. 16].

21 сентября 1856 года в Комиссию для улучшений по военной части была передана «Всеподданнейшая записка о возвышении в войсках личного достоинства начальствующих лиц и офицеров» ее члена, генерал-адъютанта Б. Г. Глинки. В документе генерал обращал внимание на целый пласт проблем, накапливавшихся в военном ведомстве с течением времени и требовавших принятия неотложных мер для улучшения ситуации. Автор отмечал, что устаревшие порядки мешали эффективному управлению и обеспечению армии необходимыми ресурсами, создавая благоприятную почву для коррупции и бездействия. Он заострял внимание на необходимости реформирования не только административной структуры, но и подхода к материальному обеспечению войск. Генерал Б. Г. Глинка подчеркивал, что многочисленные отчеты Военного министерства во многом скрывали истинное положение дел в ведомстве: «все они суть ничто иное, как хвалебные речи о беспремерном во всех отношениях благоустройстве и благосостоянии войск и управлений... нисколько не поясняющие настоящего положения дел» [5, с. 53]. Вместе с тем, несмотря на понимание системных проблем, в записке Б. Г. Глинки практически не содержалось конкретных предложений и практических рекомендаций по совершенствованию военно-административного устройства страны. Основные меры, предлагаемые автором, сводились к пересмотру нормативно-правовой базы, расширению прав отдельных командиров, улучшению материального обеспечения войск [5, с. 67—68]. Таким образом, записка Б. Г. Глинки еще больше фокусировалась на отдельных частных вопросах, не затрагивая основных недостатков всей военной системы в целом. Однако это не умаляет ее важности, так как она вносила ценные и практические предложения по улучшению отдельных аспектов военной деятельности [8, с. 36].

Важную роль в контексте подготовки военной реформы в Российской империи сыграла обстоятельная работа, подготовленная в марте 1856 года генерал-майором Д. А. Милютиним. Будущий военный министр в это время был назначен членом Комиссии для улучшений по военной части и в рамках ее работы написал обстоятельный труд, в котором содержались критические размышления о недостатках военной системы Российской империи и возможных путях их устранения. Генерал акцентировал внимание, что для повышения боеспособности и функциональности российской армии необходимы именно комплексные изменения [9, л. 10]. Кроме того, в своих размышлениях Д. А. Милютин поднимал вопросы о необходимости перехода к более современным и эффективным моделям военного управления и комплектования армии. Именно здесь впервые была озвучена идея разделения империи на военные округа [8, с. 37].

Военные округа должны были управляться окружными генералами, которые обладали бы широкими полномочиями. Все войска, находившиеся в данном округе, а также временно проживавшие там нижние чины и офицеры, склады запасов и все прочие местные военные учреждения должны были подчиняться этому генералу. Планировалось также сформировать штабы при них [9, л. 13]. Проектом также предусматривалось разделение по предназначению и специальный порядок комплектования внутренних и пограничных округов. Кроме того, генерал предлагал скорректировать размеры рекрутских наборов, а также изменить общую организацию войск. Хотя его записка не была представлена официальным лицам в то время, её идеи и предложения впоследствии оказали значительное влияние на развитие военно-реформаторской мысли в империи, а Д. А. Милютин, таким образом, стал одним из ключевых фигур в процессе реформирования российской армии.

Император Александр II проявил значительное внимание к предложенным проектам по совершенствованию военной организации страны. Однако он подходил к реформированию армии более комплексно, чем только решение отдельных проблем, обозначенных генералами Ф. В. Ридигером, Б. Г. Глинкой. Вместе с тем состоявшийся обмен мнениями еще сильнее выявил необходимость коренных преобразований, единственно правильный путь решения проблем все более отчетливо выдвигался в совершенствовании устройства военного управления. Решение этой важной задачи выпало на долю назначенного в ноябре 1861 года военным министром генерал-лейтенанта Д. А. Милютина.

Заключение. После Крымской войны (1853—1856), которая выявила серьезные проблемы военного строительства Российской империи, стало очевидно, что необходимо коренное преобразование всей военной организации страны. С восшествием на престол императора Александра II на его имя были подготовлены служебные записки, не просто обозначавшие проблемы, но и призывавшие к необходимым реформам, которые могли бы изменить устаревшие подходы к управлению армией. В целом можно выделить несколько ключевых аспектов, предложенных генералами Ф. В. Ридигером, Б. Г. Глинкой и Д. А. Милютиным. Во-первых, основной акцент был сделан на улучшении координации действий различных военных структур, что предполагало более четкое разделение обязанностей и полномочий. Во-вторых, важным элементом являлось создание эффективной системы управления войсками, что позволило бы обеспечить оперативность реакции на изменяющуюся обстановку. Кроме того, реформы включали пересмотр принципов формирования вооруженных сил и организации их обучения. Вместе с тем проекты, представленные императору, в значительной мере фокусировались на усовершенствовании строевого управления, что во многом отражало понимание их авторов первоочередной необходимости повышения боеспособности и обеспечения войск. Однако, несмотря на это, их идеи также не оставляли без внимания более широкие аспекты управления на центральном и местном уровнях. Проекты, представленные государю, в дальнейшем послужили исходными положениями в осуществлении военных реформ 1860—1870-х годов.

Список цитируемых источников

1. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Приложения к историческому очерку развития военного управления в России / сост.: Н. А. Данилов, Н. М. Затворницкий ; гл. ред. Д. А. Скалон. — СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. — 189 с.
2. *Безугольный, А. Ю.* История военно-окружной системы в России 1862—1918 / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Ковалевский, В. Е. Ковалев. — М. : Центрполиграф, 2012. — 463 с.
3. *Добровольский, А.* Основы организации центрального военного управления в России и в важнейших западноевропейских государствах / А. Добровольский. — СПб. : Воен. тип., 1901. — 419 с.
4. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1860—1862 / под ред. Л. Г. Захаровой. — М. : Рос. Архив, 1999. — 559 с.

5. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Исторический очерк развития военного управления в России / сост.: Н. А. Данилов, Н. М. Затворницкий ; гл. ред. Д. А. Скалон. — СПб. : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. — 680 с.
6. *Осипова, М. Н.* После Крымской войны / М. Н. Осипова // Военно-исторический журнал. — 1992. — № 2. — С. 4—15.
7. Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. — 1882. — № 1. — С. 5—35.
8. *Зайончковский, П. А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России / П. А. Зайончковский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. — 371 с.
9. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей фонда Д. А. Милютина. — Ф. 169. Д. 166.

Поступила в редакцию 13.05.2025.

Репозиторий БарГУ

ECONOMICS

УДК 338.22

И. В. Громова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 222 87 47, shved.ekonomika@mail.ru

**ОЦЕНКА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МАЛОГО
И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Исследование, основанное на анализе статистических данных малых и средних предприятий в Республике Беларусь, выявило текущее состояние этого сектора экономики. Особое внимание было уделено ключевым аспектам функционирования малых и средних предприятий в рамках белорусского предпринимательского пространства, подчеркнув их значимость как внутреннего двигателя развития национальной экономики и общества. В контексте данной работы выделяется роль инновационного малого и среднего предпринимательства. Исходя из полученных результатов исследования, развитие именно этого направления малого и среднего предпринимательства рассматривается не просто как важный, а как фундаментальный элемент для прогрессивного роста экономики Республики Беларусь в целом.

Ключевые слова: предпринимательство; малое и среднее предпринимательство; микроорганизации; малые организации; средние организации.

Рис. 1. Табл. 7. Библиогр.: 8 назв.

I. V. Gromova

Institution of Educational "Baranavichy State University", 21 Voykova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, +375 (29) 222 87 47, shved.ekonomika@mail.ru

**ASSESSMENT OF THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS
OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The study, based on the analysis of statistical data of small and medium-sized enterprises in the Republic of Belarus, revealed the current state of this sector of the economy. Special attention was paid to the key aspects of SMEs functioning within the Belarusian entrepreneurial space, emphasizing their importance as an internal engine of development of the national economy and society. In the context of this paper, the role of innovative SMEs is emphasized. Based on the findings of the study, the development of this particular area of SMEs is considered not just important, but a fundamental element for the progressive growth of the Belarusian economy as a whole.

Key words: entrepreneurship; small and medium entrepreneurship; microorganisms; small organizations; medium organizations.

Fig. 1. Table 7. Ref.: 8 titles.

Введение. В Республике Беларусь малое и среднее предпринимательство (далее — МСП) играет ключевую роль как двигатель экономического прогресса, активно способствуя модернизации национальной экономики. Благодаря МСП решаются стратегические задачи: стимулирование роста экономических показателей страны через инновационные подходы, формирование новых рабочих мест для населения. Эти малозатратные, но динамичные структуры отличает исключительная способность оперативно адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям. Особенностью МСП выступает их высокая инновационная активность, что подчеркивается анализом следующих критериев: количество организаций МСП, которые выполняли научные исследования и разработки, персонал, занятый научными исследованиями и разработками в предпринимательском секторе, объем выполненных научных исследований и разработок, оказанных научно-технических услуг организациями МСП, внутренние затраты организаций МСП на научные исследования и разработки по источникам финансирования.

Материалы и методы исследования. При современных масштабах экономической активности на передний план выходит тщательный анализ и изучение ключевых аспектов МСП — явления, которое не только интегрируется с национальными экономическими системами как важный компонент, но и активно влияет на социально-экономическое развитие страны. Вопросы МСП становятся приоритетными задачами для государства, требующими разработки масштабных национальных инициатив. Реализация этих проектов подразумевает комплексное применение государственных мер: от финансовых программ поддержки (включая гранты и льготные кредитования) до совершенствования институциональной среды, направленного на оптимизацию условий для развития МСП. Этот процесс характеризуется глубокими экономическими и социальными закономерностями, присущими данному сегменту. В рамках представленной работы применяются универсальные научные методы исследования: от экономико-статистического анализа до расчетных моделей и графических визуализаций. Исследовательская база основана на фундаментальных трудах белорусских ученых, а также актуальной статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таким образом, данное исследование представляет собой комплексный анализ МСП как важного фактора национальной экономической политики и механизма достижения социально-экономических целей развития государства.

Результаты исследования и их обсуждение. В Республике Беларусь ключевое место в государственной политике занимает анализ состояния МСП. Этот приоритет закреплен на высшем уровне в принятой Советом Министров Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [1]. Документ служит фундаментальным руководством и основой для разработки и внедрения государственных программ содействия МСП, включая стратегическое планирование их развития как на общенациональной, так и на региональных площадках. В дополнение к этому разработана целевая Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021—2025 годы [2], которая выстроена в соответствии с основными векторами социально-экономического развития Республики Беларусь. Данная программа плотно связана с концепцией Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2035 года и направлена на формирование благоприятного делового климата, способствующего развитию МСП, стимулирование активности граждан к предпринимательской деятельности через меры по повышению инициативы и предприимчивости.

Таким образом, в Республике Беларусь стратегические документы обеспечивают комплексное развитие сектора МСП с учетом долгосрочных национальных интересов.

Согласно Закону Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства», к субъектам малого предпринимательства относятся: «...физические лица, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность; малые организации — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 100 человек включительно. К субъектам среднего предпринимательства относятся зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 101 до 250 человек включительно» [3].

В. И. Поплыко в своей работе выделил основные этапы функционирования МСП: «...первый (с 1991 года по 2010 год) — период наиболее динамичного числа роста индивидуальных предпринимателей и малых предприятий. Второй период (2011—2019 годы) характеризуется стабилизацией и появлением группы средних по численности занятых организаций. Третий (с 2020 по настоящее время) характеризуется неустойчивой динамикой. Это связано не только с численностью занятых, количеством компаний, но и с его структурой» [4, с. 514].

На территории Республики Беларусь активно функционирует МСП посредством двух основных направлений: деятельность индивидуальных предпринимателей и работа юридических структур, соответствующих особым критериям. При рассмотрении вопросов деятельности МСП основное внимание уделяется такой категории, как юридические лица.

В рамках исследования были систематизированы данные о числе малых и средних предприятий в Беларуси, охватывая период с 2019 по 2023 год на основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь (таблица 1).

В 2023 году Республика Беларусь демонстрирует значительное увеличение числа организаций МСП. За пятилетний период наблюдения численность МСП в стране увеличилась на более чем 5 147 организаций, что составляет общий рост в 4,65 %. Однако стоит отметить дифференциацию динамики: микро- и малые предприятия продемонстрировали прирост на уровне 4,88 %, тогда как количество средних организаций сократилось на 6,58 %. Анализируя эти данные, становится очевидным стагнационный характер развития МСП в Республике Беларусь: наблюдается снижение числа наиболее продуктивных и инвестиционных средних предприятий при доминировании микроорганизаций и индивидуального предпринимательства.

Для более детальной оценки экономических результатов деятельности МСП в таблице 2 сгруппированы основные индикаторы.

Т а б л и ц а 1. — Количество субъектов МСП в Республике Беларусь за 2019—2023 годы

Субъекты МСП	2019	2020	2021	2022	2023
Средние организации	2 235	2 219	2 165	2 150	2 088
Микро- и малые организации — всего	108 542	109 186	109 743	111 205	113 836
В том числе:					
микроорганизации	96 789	96 598	97 900	99 743	102 542
малые организации	11 753	12 588	11 843	11 462	11 294
Количество организаций — всего	110 777	111 405	111 908	113 355	115 924

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Т а б л и ц а 2. — Основные экономические показатели деятельности субъектов МСП за 2019—2023 годы

Субъекты МСП	2019	2020	2021	2022	2023
Средняя численность работников — всего, чел.	1 192 905	1 146 183	1 121 759	1 092 611	1 094 379
В том числе:					
средние организации	362 413	360 246	347 708	341 781	335 118
микро- и малые организации	830 492	785 937	774 051	750 830	759 261
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата — всего, руб.	1 078,1	1 268,9	1 479,4	1 673,5	1 969,7
В том числе:					
средние организации	1 145,1	1 355,4	1 558,5	1 815,9	2 111,7
микро- и малые организации	1 044,2	1 223,5	1 438,6	1 599,8	1 898,5
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг — всего, млн руб.	142 953,0	145 986,8	175 063,6	189 882,7	237 483,2
В том числе:					
средние организации	31 500,5	35 332,9	44 431,1	52 671,2	59 061,9
микро- и малые организации	111 452,6	110 653,9	130 632,5	137 211,5	178 421,3

Окончание таблицы 2

Субъекты МСП	2019	2020	2021	2022	2023
Чистая прибыль, убыток (–) — всего, млн руб.	7 420,7	5 294,9	9 133,8	9 822,4	11 990,7
В том числе:					
средние организации	1 722,1	1 897,7	2 980,5	3 734,1	3 616,9
микро- и малые организации	5 698,5	3 397,3	6 153,2	6 088,3	8 373,5
Рентабельность продаж — всего, %	6,9	8,2	8,4	9,2	8,0
В том числе:					
средние организации	6,9	7,9	8,5	9,4	8,2
микро- и малые организации	6,9	8,3	8,3	9,2	7,9

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

В течение 2019—2023 годов наблюдается устойчивое улучшение работы малых и средних предприятий по всем показателям. Ключевым индикатором является «чистая прибыль», которая выросла на 61,58 %. В частности, для средних предприятий прирост составил 110,03 %, в сегменте микро- и малых предприятий данный показатель увеличился на 46,94 %. Основной фактор такого роста — значительное увеличение выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг. В общем для МСП этот параметр повысился на 66,13 %.

Исследование МСП по разным экономическим сферам выявило, что подавляющее большинство (74,9 %) организаций данного сектора сосредоточено в сфере производства. Благодаря положительным финансовым результатам в виде чистой прибыли, такие организации активно инвестируют ресурсы не только в развитие своего бизнеса, но и в реализацию инновационных проектов для создания новых товаров с высокой добавленной стоимостью. Возрастает инвестиционный потенциал МСП по Республике Беларусь, что отражают показатели, представленные в таблице 3.

Технологическая структура объема инвестиций в основной капитал организаций МСП показывает, что 50,3 % инвестиций заняли строительно-монтажные работы; доля машин и оборудования составила 38,2 %; 11,5 % направлены на прочие работы и затраты. Деятельность организаций МСП фактически, согласно данным, направлена на техническое перевооружение и строительство зданий, хотя у государства в собственности имеются эксплуатируемые площади, пригодные для производственного использования.

Развитие экономики с акцентом на инновации невозможно без участия малого и среднего бизнеса. Среди средних предприятий преобладают те, что заняты в производственном секторе: свыше двух третей компаний сосредоточены в промышленности (74,9 %), а также в строительстве и сельском хозяйстве. Для динамичного продвижения инновационных решений критичны глубокие взаимодействия науки с отраслями производства: это обеспечивает оперативное внедрение новых технологий и знаний для ускорения инновационной активности на предприятиях. В формате предпринимательской деятельности, особенно в рамках создания собственных предприятий, наблюдается повышенный уровень инноваций, что является результативным направлением развития экономики страны.

Т а б л и ц а 3. — Инвестиционная деятельность организаций МСП за 2019—2023 годы, млн руб.

Субъекты МСП	2019	2020	2021	2022	2023
Средние организации	3 239,3	3 586,7	3 358,1	3 036,4	4 331,9
Микро- и малые организации	7 990,7	8 286,0	7 692,9	7 316,1	10 285,3
Всего по МСП	11 230,0	11 872,8	11 051,1	10 352,6	14 617,1

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Для инновационной экономики важно участие научных исследований и опытно-конструкторских разработок в деятельности. В целях изучения потенциального инновационного ресурса, заложенного в МСП, проведен анализ официальных данных (таблицы 4—7).

Т а б л и ц а 4. — Персонал, занятый научными исследованиями и разработками, по секторам деятельности в 2019—2023 годах, чел.

Сектор деятельности	2019	2020	2021	2022	2023
Государственный сектор	6 706	6 569	6 344	6 262	6 161
Предпринимательский сектор	18 145	16 275	16 609	16 407	17 571
Сектор высшего образования	2 883	2 778	2 689	2 564	3 006
Всего по Республике Беларусь	27 735	25 622	25 644	25 233	26 738

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Т а б л и ц а 5. — Количество малых и средних предприятий, выполнявших научные исследования и разработки в 2019—2023 годах

Регион	2019	2020	2021	2022	2023
Брестская область	28	28	29	28	30
Витебская область	15	16	17	17	16
Гомельская область	15	16	17	18	16
Гродненская область	17	14	15	15	15
г. Минск	168	158	147	149	160
Минская область	39	38	40	36	40
Могилевская область	14	14	19	19	19
Всего по Республике Беларусь	296	285	283	281	297

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Т а б л и ц а 6. — Внутренние затраты организаций МСП на научные исследования и разработки по источникам финансирования в 2019—2023 годах, тыс. руб.

Внутренние затраты	2019	2020	2021	2022	2023
Собственные средства	251 193	252 207	273 926	315 113	451 232
Средства бюджета	130 896	131 538	114 363	135 431	212 698
Средства внебюджетных фондов	8 782	5 867	5 306	7 251	5 285
Средства иностранных инвесторов, включая иностранные кредиты и займы	60 111	62 723	62 757	57 960	131 946
Средства других организаций	52 706	61 292	63 635	66 059	47 816
Внутренние затраты на научные исследования и разработки — всего	503 754	513 719	523 244	585 677	850 627

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Т а б л и ц а 7. — Объем выполненных научных исследований и разработок, оказанных научно-технических услуг организациями МСП в 2019—2023 годах, тыс. руб.

Объем работ	2019	2020	2021	2022	2023
Объем выполненных работ — всего	515 927	568 590	599 225	645 294	863 149
В том числе собственными силами	173 820	194 747	210 762	243 727	276 972

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Основное лидерство в области исследований и инноваций принадлежит предпринимательскому сектору, где к 2023 году доля сотрудников МСП, активно занятых научно-исследовательской деятельностью, достигла 65,7 %.

Накопление новых знаний способствует успешному развитию общества благодаря позитивному влиянию на его развитие. Анализ выделяет предпринимательский сектор как главного лидера в области научной и исследовательской работы: около 76 % всех организаций вовлечены в научные исследования и разработки, причем наглядным примером служит 2023 год, когда только 93 государственные структуры, а также всего 72 учреждения образования стали ключевыми участниками инновационных инициатив.

А. А. Колесников отметил, что «зарубежный опыт свидетельствует, что многие новые направления в наукоемком предпринимательстве (биотехнологии, программное обеспечение, оптика и лазерная техника, нанотехнологии) развиваются в сфере малого бизнеса. Успешная деятельность малых и средних предприятий в КНР опирается во многом на развитие сети технопарков, бизнес-инкубаторов, специальных зон освоения новых и высоких технологий, способствующих развитию малых и средних инновационных предприятий» [6, с. 146].

Для успешного продвижения научно-исследовательских работ и внедрения их на всех этапах инновационной цепочки необходим рост финансирования. Данные из таблицы 7 подчеркивают, что малые и средние предприятия в большей степени опираются на собственное финансирование: доля личных средств составляет около 53 % всех расходов на научные исследования и разработки. Обозначенный фактор подтверждает доходность МСП, что служит надежным критерием их устойчивости в рыночной среде.

В период 2023 года малые и средние предпринимательские структуры успешно провели собственные научно-исследовательские работы и инновационные проекты на уровне более трети всех выполненных в этой области задач — около 32,1 %. Это подчеркивает значительный вклад МСП в научно-техническую сферу.

Отдельные показатели Европейского инновационного табло (EIS-2023) по Республике Беларусь включают показатель «доля малых и средних предприятий, участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных малых и средних организаций, %» (рисунок 1).

Проведенный анализ показывает, что научно-инновационная деятельность организаций МСП в Республике Беларусь развивается активно и динамично. За пять лет доля субъектов МСП, участвовавших в совместных инновационных проектах, выросла на 74,4 %. Малые предприятия с инновационной направленностью выделяются особыми достоинствами: креативная активность и оперативное приспособление к переменчивым внешним условиям, уникальная восприимчивость к новаторским идеям и технологическим прорывам, минимальный уровень бюрократии в управлении делами. Они обладают выдающейся способностью быстро адаптировать ассортимент под текущие запросы потребителей, требуя сравнительно меньших инвестиций с ускоренной окупаемостью, идеально соответствуют современным трендам индивидуализации рынка. Особенное внимание заслуживает соответствие выпускаемых МСП товаров актуальным трендам индивидуализации потребительского спроса.

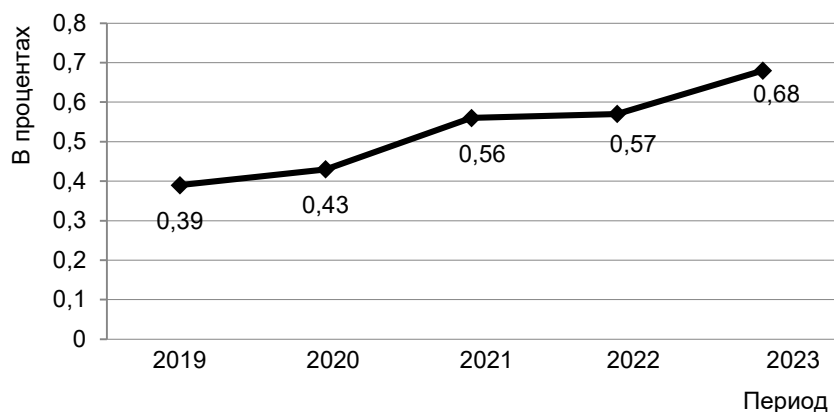

Рисунок 1. — Доля малых и средних предприятий, участвующих в совместных инновационных проектах в 2019—2023 годах, %

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [5].

Вклад организаций МСП в валовой внутренний продукт (далее — ВВП) за 2023 год составил 25,2 %, доля в валовой добавленной стоимости — 28,8 %. Вклад организаций МСБ (малого и среднего бизнеса — И. Г.) в ВВП республики на протяжении последних лет остается на примерно одном уровне. Например, «в 2020 году доля МСП в ВВП составила 26,4 %. Причиной отсутствия роста вклада МСП в ВВП является, как уже было указано выше, отсутствие роста этого сегмента: снижение числа средних предприятий, значительное количество индивидуальных предпринимателей и микроорганизаций» [7, с. 59].

А. И. Короткевич отметил, что «оказание поддержки субъектам МСБ в нашей стране осуществляет ОАО «Банк развития Республики Беларусь» посредством предоставления специальных кредитных продуктов через партнерскую сеть и льготных экспортных кредитов для поддержки отечественных предприятий-экспортеров. Для этих целей указанная кредитная организация сформировала необходимую продуктовую линейку в соответствии с приоритетными направлениями развития МСБ» [7, с. 63].

«Для роста и развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь существует и совершенствуется инфраструктура поддержки МСП. В состав этой инфраструктуры входят центры поддержки предпринимательства, инкубаторы малого предпринимательства, учреждения финансовой поддержки предпринимателей и т. д. Выше указанные структуры имеют различные функции — от консультационных услуг до предоставления имущества, помещений для нужд МСП. Среди указанных субъектов выделяются технопарки, организации, которые призваны осуществлять координацию взаимодействия субъектов хозяйствования, научных организаций, конечных потребителей, направленную на развитие инновационной деятельности, и в конечном итоге для получения прибыли» [7, с. 67].

Ключевые направления и вызовы на пути дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь включают:

- важность роли государства в формировании баланса интересов власти и бизнеса;
- переориентирование выбора индивидуальных предпринимателей на осуществление деятельности в статусе юридического лица (связано с изменениями в налоговом законодательстве);
- трансформация сектора МСП: создание условий для масштабирования существующего бизнеса, развитие бизнеса в регионах, стимулирование развития промышленного потенциала МСП.

Эти аспекты определяют стратегические векторы развития МСП на ближайшую перспективу.

Заключение. Эффективное функционирование рыночной системы напрямую зависит от создания благоприятной конкурентоспособности благодаря динамичному развитию МСП. «В малых организациях отмечается более высокая эффективность труда. Такие организации создают конкуренцию крупным компаниям, обеспечивают население рабочими местами, повышая уровень жизни и благосостояния граждан» [8, с. 61].

Научные исследования подтверждают прямую связь между долей сектора МСП в общей структуре экономики, благосостоянием населения и темпами роста ВВП. Увеличение числа малых и средних предприятий стимулирует конкуренцию на рынке, что напрямую ведет к улучшению качества предлагаемых товаров и услуг, а также способствует инновационному развитию экономики в целом.

Ключевым фактором успеха предпринимательской деятельности выступает разработка инноваций — неотъемлемый аспект МСП. Данный сегмент экономики играет центральную роль как в социальном, так и в экономическом развитии Республики Беларусь, однако для построения благоприятных условий для роста и развития нужны поддержка и содействие со стороны государственных органов управления. Малые и средние предприятия становятся фундаментальным элементом экономической структуры, существенно влияющим на формирование ВВП — одного из основных показателей национального экономического роста. Малый бизнес является главным инструментом форсированного индустриально-инновационного развития всей страны. Чем больше доля малого и среднего бизнеса в нашей экономике, тем устойчивее будет наше развитие.

Таким образом, МСП не просто дополняет рыночную картину — это основополагающий фактор для долгосрочного прогресса страны, обеспечивающий инновационный потенциал и стабильность экономического роста.

Список цитируемых источников

1. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 окт. 2018 г. № 743 : в ред. от 17 окт. 2018 г. № 743 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W22238791> (дата обращения: 10.09.2024).

2. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 56 : в ред. от 28 июня 2024 г. № 458 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W22238791> (дата обращения: 10.09.2024).

3. О поддержке малого и среднего предпринимательства : Закон Респ. Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-3 : в ред. от 22 апр. 2024 г. № 365-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.10.2024).

4. Поплыко, В. И. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь: траектория развития / В. И. Поплыко // Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения : материалы XXI Нац. науч. конф. с междунар. участием / ИНИОН РАН, отд. науч. сотрудничества ; редкол.: В. И. Герасимов (гл. ред.) [и др.]. — М., 2022. — Ч. 1. — С. 510—515.

5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. — Минск, 1998—2024. — URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 10.09.2024).

6. Колесников, А. А. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь: состояние и перспективы развития / А. А. Колесников // Актуальные проблемы развития экономики и образования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Душанбе, 19—20 июня 2015 г. / М-во образования и науки Респ. Таджикистан, Союз «Таджикматлубот», Таджик. гос. ун-т коммерции, НОУ ВПО Центросоюза РФ, Сиб. ун-т потреб. кооперации, Белгор. ун-т кооперации, экономики и права, Белорус. торг.-экон. ун-т потреб. кооперации [и др.] ; под общ. ред. М. М. Шарипова, Р. К. Раджабова. — Душанбе : Ирфон, 2015. — С. 144—148.

7. Короткевич, А. И. Малый и средний бизнес Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития / А. И. Короткевич, А. И. Стефанович // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ ; редкол.: С. Ю. Солодовников (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2022. — Вып. 15. — С. 57—72.

8. Кубина Н. Е. Исследование состояния малого и среднего государственно-частного предпринимательства в Брестской области Республики Беларусь / Н. Е. Кубина, И. В. Швед // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия «Экономические и юридические науки» / БФУ им. И. Канта ; редкол.: И. Н. Тарасов (гл. ред.) [и др.]. — 2016. — № 4. — С. 54—62.

Поступила в редакцию 26.04.2025.

УДК 366.14

Е. А. Костюкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 829 62 01, kost.elena80@mail.ru

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЕГО СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В исследовании рассмотрены понятия «потребительство», «общество потребления». Выделены основные теории, применяемые при изучении потребительского поведения. Предложено авторское положение в области изучения понятия «потребительство». Выделены существенные преимущества и недостатки общества потребления. Выделены сущностные черты общества потребления. Дано авторское определение понятия «культура потребления».

Ключевые слова: общество потребления; поведение потребителей; потребительское поведение; покупательское поведение; потребительство; сверхпотребление.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 13 назв.

E. A. Kostyukevich

Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (29) 829 62 01, kost.elena80@mail.ru

CONSUMER SOCIETY AND ITS ESSENTIAL FEATURES

The study examines the concepts of consumerism and consumer society. The main theories used in the study of consumer behavior are highlighted. The author's position in the field of studying the concept "consumerism" is proposed. The significant advantages and disadvantages of the consumer society are highlighted. The essential features of the consumer society are highlighted. The author's definition of the concept "consumption culture" is given.

Key words: consumer society; consumer behavior; consumer behavior; purchasing behavior; consumerism; overconsumption.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 13 titles.

Введение. Возникновение и развитие современного общества как общества потребления в нашей стране вполне закономерно. Оно явилось адекватным ответом на потребности людей в бытовом благополучии и комфорте, реализовать которые стало возможно с момента становления рыночной экономики, т. е. с 90-х годов XX века.

Материалы и методы исследования. Вопросы, связанные с изучением зарождения и становления общества потребления, а также факторов, на него влияющих, исследовались отечественными и зарубежными учеными, в частности, такими авторами, как Ж. Бодрийяр, С. Штраус, Э. Фромм, Р. Бокок, О. А. Малахов, С. А. Шавель, Н. В. Гончарова и др. Исследование было проведено на основе анализа трудов данных авторов.

Для исследования специфики общества потребления необходима совокупность знаний в областях маркетинга, экономики, социологии.

Результаты исследования и их обсуждение. В первую очередь необходимо определить сущностные черты общества потребления и тем самым выделить специфические особенности такой формации.

Исследование развития общества потребления неразрывно связано с понятиями «потребление», «потребительство».

Французский классик социологии Ж. Бодрийяр определил: «Потребление — это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связанный курс» [1].

А. О. Малахов, поддерживая мнение социологов, в своих научных исследованиях отмечает, что в основе потребления лежат социокультурные корни.

Глубоким изучением темы занимался российский исследователь А. Н. Ильин. В своих научных работах он основывался на следующем значении термина «потребление»: «Тип отношений, формирующих определенную культуру, система сугубо материалистических норм и ценностей, основой которой является потребление благ и использование их как символов своего статуса» [2].

А. О. Малахов определяет потребление как процесс удовлетворения неограниченных человеческих потребностей [3].

Белорусский ученый С. А. Шавель в статье «Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа» трактует понятие «потребление» через призму социологических взглядов как «процесс воспроизводства человека как социализированного субъекта, носителя социокультурного кода соответствующего общества и его ценностно-нормативного сознания» [4].

Исследования в области социологии подтверждают, что индивид особенностями потребления демонстрирует окружающей среде свой статус, социальную роль и свое отношение к обществу.

По мнению Н. В. Гончарова, «потребительство — это процесс постоянного увеличения производства и потребления товаров и услуг», тем самым подчеркивая значимую экономическую составляющую данного понятия [5].

В целом потребление является естественным процессом, обусловленным необходимостью, нуждой. Потребительство же является не просто желанием удовлетворить конкретную нужду, а чем-то большим, сверхпотреблением, в определенной мере навязанным референтными группами, окружающей бизнес-средой, производителями товаров, брендами.

В. Штраусс и Н. Хоув [6] выдвинули концепцию потребительства, согласно которой непосредственное воздействие на людей в процессе потребительства оказывают различные бизнес-структуры, производящие товары и услуги. Сегодня производители манипулируют потребительским поведением, внушая потребителям желание и необходимость приобретения того, что производит и продает бизнес.

Поскольку все же основной целью деятельности любой бизнес-структуры является максимизация прибыли, которую возможно получить, увеличивая объемы производства и реализации продукции, то именно сверхпотребление, потребительство будут этому способствовать. Эффективная деятельность бизнес-структур в данном направлении и создает условия для активного развития общества потребления.

В ходе исследования нами предложено следующее положение в области изучения понятия «потребительство»: с ростом спроса на товары и услуги само потребление постепенно перестает быть просто средством удовлетворения базовых человеческих потребностей, оно начинает способствовать обретению индивидом определенного статуса. Такой нефункциональный спрос находит свое отражение в понятии потребительства — активном избыточном потреблении товаров и услуг, не функциональном обмене денег на товар ради его полезности, а в символическом обмене, приобретении большого количества вещей без реальной необходимости, а в связи с желанием следования моде, поддержания статуса, привлечения внимания. Появляется все большее количество надуманных потребностей, удовлетворить которые с помощью рекламы предлагают различные компании. Люди окружают себя вещами, единственная польза от которых — возможность обладать ими.

Потребительство является достаточно сложным социальным и экономическим явлением, которое характеризует приобретение и использование товаров и услуг не только в рамках непосредственных базовых потребностей, но и включающее приобретение дополнительных товаров и услуг, которое можно отнести к символическому, демонстративному, импульсивному, сакральному и аддиктивному потреблению.

Современная модель потребительского поведения подтверждает, что непосредственное влияние на процесс потребительского выбора, на потребности оказывает общественное мнение, т. е. именно окружающая среда, стиль жизни непосредственного окружения, стремление принадлежности к определенной стране, повышение собственной статусности.

Именно процесс потребления лежит в основе развития общества потребления.

Впервые термин «общество потребления» использовал немецкий социолог и психолог Э. Фромм в 60-х годах XX века: «Совокупность общественных отношений, которые организованы на основе принципа индивидуального потребления» [7].

Ж. Бодрийяр в своей книге «Общество потребления: его мифы и структуры» в 1970 году дал следующую трактовку: «Общество потребления — это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является следствием тщательно маскируемого и защищаемого дефицита, имеющего смысл структурного закона выживания современного мира». Здесь же он отметил: «В современной цивилизации не существует рационального потребителя, самостоятельно осуществляющего свой выбор. Индивидуальный, продиктованный реальными потребностями выбор иллюзорен — он продиктован самой структурой общества потребления, придающей значение не предметам, а абстрактным ценностям, тождественным отчуждённым от них знакам. Потребности производятся вместе с товарами, которые их удовлетворяют. В основе выбора товара лежит стремление к социальному отличию, и, поскольку поддержка таких отличий есть жизненное условие существования современной цивилизации, потребность всегда остаётся неудовлетворенной» [8].

Общество потребления может быть рассмотрено с двух позиций:

- 1) с точки зрения потребителя — широкий ассортимент производимых товаров, свобода выбора, легкая доступность любых товаров;
- 2) с точки зрения производителя — управление мнением (поведением) потребителя (с помощью маркетинговых инструментов, через влиятелей), потребитель выступает как «управляемая игрушка», возможность создания искусственных (надуманных, придуманных) потребностей и товаров (услуг) для их удовлетворения.

На основании исследования множества источников можно выделить основные преимущества и недостатки, присущие обществу потребления с точки зрения социума (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Преимущества и недостатки общества потребления

Преимущества общества потребления	Недостатки общества потребления
Воспроизводство социальной структуры (развитие человека в обществе)	Снижение качества жизни в плане недовольства индивидов уровнем жизни, статусом и т. д.
Изобилие товаров и их относительная доступность (широкий ассортимент товаров, повышение доступности точек доступа, появление новых товарных групп)	Экологические проблемы вследствие объемов производства (увеличение выбросов в окружающую среду, все большее использование ограниченных природных ресурсов)
Развитие системы кредитования, как еще одного фактора повышения доступности благ (появление новых форм кредитования и увеличение охвата кредитованием населения)	Возможное снижение качества производимых товаров в погоне за их количеством и ассортиментом
Тесное переплетение экономической системы с культурой потребления	Расширенное воспроизводство в развитых странах требует использования сырьевой базы стран третьего мира («сырьевые придатки»)
Повышение уровня потребительских стандартов (развитие системы менеджмента качества)	Социальное неравенство (усиливается разрыв между богатыми и бедными, возможно усугубление социальной несправедливости)

Примечание — Источник: собственная разработка.

Ученые-классики в данной области исследований (Ж. Бодрийяр, Р. Бокок) [8; 9], анализируя идеологию потребления, отметили «символизм» как существенную черту потребления и постоянную тенденцию к увеличению желания обладания товарами.

Понятия «потребление» и «потребительство» неотъемлемо связаны с развитием общества потребления. Развитие общества потребления происходит благодаря политике консьюмеризма, которая проецирует, что потребление направлено не только и не столько на удовлетворение физиологических, культурных и иных потребностей индивида, сколько на придание ему более высокой статусности с помощью приобретения определенных товаров.

Черты общества потребления можно свести к следующим (рисунок 1).

В исследовании И. В. Лисовской отмечено, что доктор экономических наук А. Кендюхов рассматривал общество потребления с точки зрения философии маркетинга. Он отмечал в качестве основных признаков общества потребления доминирование низших потребностей над высшими, формирование бизнес-структурами новых потребностей человека для достижения собственных целей, общественное сознание формируется с помощью маркетинговых коммуникаций производителями и продавцами продукции и услуг [10].

Многие исследователи указывают, что общество потребления переживало кризисы в своем развитии.

Доктор экономических наук, профессор А. А. Овсянников отмечал, что общество потребления возникло в результате «технического детерминизма», его существенные особенности предопределяют кризисные явления в обществе, становящиеся впоследствии отправной точкой для дальнейшего развития современного общества потребления [11].

Рисунок 1. — Основные черты общества потребления

Примечание — Источник: собственная разработка.

Кризисные явления общества потребления тесно увязаны со сменой формаций и поэтапным переходом от общества доиндустриального к обществу постиндустриальному.

Для формации доиндустриального общества в большей степени характерны существенные различия в уровне доходов (и, соответственно, потребления) различных классов, скудный ассортимент производимых товаров и так называемый «рынок продавца».

В результате перехода социума в фазу индустриального общества отмечался рост роли услуг и сервиса, увеличение ассортимента товаров, все также доминировал «рынок продавца».

Дальнейшая трансформация общества в постиндустриальное, которое имеет основные черты общества потребления, дало сильнейший импульс для развития «рынка покупателя», товароспособность связана со свойствами вещей и их брендами, высокий уровень потребления всех слоев населения.

Несмотря на многочисленные исследования в этой области, до сих пор остается неясным целый ряд вопросов, связанных с поведением потребителя на рынке. В частности, насколько интенсивность эмоциональных переживаний человека может влиять на его потребительский выбор или уровень его социально-культурного развития. Не всегда учитывается также воздействие поведения потребителя, складывающегося как результат неценовых факторов, на экономические показатели развития не только домашних хозяйств, отдельных предприятий, но и целых регионов, а также национального хозяйства в целом.

Понятие «потребительство» достаточно тесно связано с понятием «культура потребления», или «потребительская культура».

Культура потребления определяется как «...отражение мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, характеризует качественные характеристики “ядра” человека, его сущностных сил... прежде всего, ценностные ориентации как смыслообразующие характеристики “человека потребляющего” и конкретизация их в различных моделях потребительского поведения» [12].

Основными элементами потребительской культуры могут выступать различные категории поведения и восприятия индивида в сфере его ценностей, культуры и менталитета.

И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, И. А. Краснослободцева выделили три основных элемента культуры потребления: механизм оценивания предметов, особенности ценностной шкалы и нормы поведения [13].

Таким образом, можно отметить, что потребительство — это процесс, который связан с чрезмерным и нерациональным приобретением и использованием товаров и услуг для удовлетворения как реальных, так и «надуманных», «навязанных» потребностей человека. Оно является одним из важнейших аспектов современной жизни, поскольку наша экономика основана на производстве и потреблении товаров и услуг.

Исходя из этого, можно сформулировать следующее определение понятия «культуры потребления»: совокупность норм, ценностей и поведенческих стереотипов, связанных с потреблением товаров и услуг. Она формируется под влиянием социальных, экономических и культурных факторов и может отличаться в разных странах и обществах. Культура потребления может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Одним из положительных аспектов культуры потребления является то, что она может способствовать развитию экономики, созданию новых рабочих мест и улучшению качества жизни людей. При этом потребление может стать способом самореализации и выражения своей индивидуальности.

Однако культура потребления при условии неверной ее трактовки, неразвитости социума и смещения акцентов на материализм также может иметь негативные последствия. Она может привести к потребительской зависимости, когда люди начинают чрезмерно потреблять товары и услуги, не уделяя внимания другим аспектам жизни. Это может привести к финансовым проблемам и долгам. Культура потребления также может привести к созданию потребительского общества, когда люди начинают оценивать друг друга по количеству потребляемых ими товаров и услуг, что может привести к социальному неравенству и недовольству. Наконец,

культура потребления может привести к экологическим проблемам, так как большое количество потребляемых товаров и услуг может привести к загрязнению окружающей среды и истощению природных ресурсов.

В целом культура потребления — важное социальное и экономическое явление, охватывающее экономические, социальные, психологические аспекты жизни общества. Поэтому весьма важно развивать наиболее устойчивые модели потребления, основанные на уважении к человеческим, социальным ценностям.

Заключение. Культура потребления имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Ее влияние на общество зависит от того, как люди используют свои потребительские возможности и насколько они осознают свою ответственность перед окружающей средой и обществом в целом.

Таким образом, можно отметить, что потребительство — это социальный, экономический и культурный процесс, на который могут оказывать влияние различные факторы внешнего и внутреннего воздействия. Поэтому в обществе потребления активно используются механизмы повышения лояльности индивидуумов и формирования определенных потребностей человека.

Список цитируемых источников

1. *Бодрийяр, Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина — М.: Рипол Классик, 2020. — 256 с.
2. *Ильин, А. Н.* Общество потребления и его сущностные особенности / А. Н. Ильин // Ценности и смыслы. — 2013. — № 6 (28). — С. 22—36.
3. *Малахов, А. О.* Потребление как предмет современного научного анализа: от удовлетворения потребностей к коммуникации и идентичности / А. О. Малахов // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. — 2011. — № 4. — С. 64—75.
4. *Шавель, С. А.* Потребление и стабильность общества: к методологии социологического анализа / С. А. Шавель // Социология. — 2009. — № 3. — С. 18—34.
5. *Гончаров, Н. В.* Потребительство как актуальный экономико-социокультурный феномен / Н. В. Гончаров // Вестник ЧелГУ. — 2019. — № 8 (430). — С. 68—74.
6. *Howe, N.* Generations: The History of Americans, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. — N. Y., 1991. — 540 p.
7. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер., авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. — М.: Республика, 1994. — 447 с.
8. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.
9. *Бокок, Р.* Потребление и стиль жизни / Р. Бокок // Социология: хрестоматия для вузов / А. И. Кравченко. — М.: Академ. Проект, 2002. — 736 с.
10. *Лисовская, И. В.* Общество перепотребления как общество риска / И. В. Лисовская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. — 2012. — № 2 (130). — С. 105—111.
11. *Овсянников, А. А.* Общество потребления в России: системность и тотальность кризиса / А. А. Овсянников // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 3 (18). — С. 222—235.
12. *Костюкевич Е. А.* Влияние процессов цифровизации на культуру потребления в современном обществе / Е. А. Костюкевич // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию экон. фак. БГУ, 28—29 февр. 2024 г., Минск: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. — Минск, 2024. — Ч. 1. — С. 453—455.
13. *Грошев, И. В.* Эмоции в структуре составляющих психологической «ткани» организационной структуры / И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, И. А. Краснослободцева // Социальная психология и общество. — 2015. — Т. 6, № 3. — С. 120—133.

Поступила в редакцию 26.04.2025.

УДК 338.49

Д. С. Крюкова

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»,
ул. Платонова, 39, корп. 5, 220013 Минск, Республика Беларусь, +375 (44) 712 69 89, dusy07@mail.ru

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЦЕНТРОВ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Предложен сравнительный анализ существующих определений понятий «серверная комната», «облачные вычисления» и «центры обработки данных». Описывается взаимосвязь между центрами обработки данных и электронной экономики. Приведен результат авторского исследования и вывод о содержании понятия «центры обработки данных».

Ключевые слова: серверная комната; облачные вычисления; центры обработки данных; электронная экономика.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 20 назв.

D. S. Kryukova

Institution of Education “Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics”,
39 Platonova Str., bldg. 5, 220013 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (44) 712 69 89, dusy07@mail.ru

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF DATA PROCESSING CENTERS IN THE CONTEXT OF THE ELECTRONIC ECONOMY

A comparative analysis of the existing definitions of “server room”, “cloud computing” and “data centers” is proposed. The relationship between data centers and the electronic economy is described. The results of the author’s research and the conclusion on the content of the concept of “data processing centers” are presented.

Key words: server room; cloud computing; data processing centers; electronic economy.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 20 titles.

Введение. С развитием информационных технологий все больше организаций и предприятий начинают осознавать необходимость создания и развития центров обработки данных (далее — ЦОД) для эффективного хранения, обработки и управления информацией. Центры обработки данных стали ключевым элементом инфраструктуры современных компаний, обеспечивая надежное функционирование информационных систем и предоставляя доступ к ценной корпоративной информации. Эпоха цифровизации переместила экономику в сторону электронной экономики, а цифровые технологии изменили то, как организации и их клиенты взаимодействуют друг с другом. Электронные бизнес-процессы включают в себя онлайн-покупки, продажи, управление производством, логистику, внутренние и внешние коммуникации, а также услуги поддержки, поэтому предприятия все чаще сталкиваются с большими данными для управления своими операционными процессами.

Повышение спроса на обработку большого количества данных в электронной экономике влияет на развитие ИТ-инфраструктуры. ИТ-инфраструктура состоит из подключений к данным, интернет-обменов, облачных вычислений, хостинговых предприятий. Все данные обрабатываются и хранятся в ЦОД, обеспечивая непрерывность и круглосуточную работу электронной экономики.

Вместе с увеличением роли и значимости ЦОД возникает необходимость уточнения и развития понятийного аппарата, связанного с описанием и классификацией компонентов и функциональных элементов таких центров. В научных и практических работах по данной тематике можно выделить несколько проблем.

Первая проблема состоит в отсутствии единого и общепринятого определения ЦОД, что затрудняет проведение их сравнительного анализа и сопоставления различных исследований. Отсутствие единой терминологии также создает неопределенность в области ЦОД и может приводить к различным толкованиям и неправильным интерпретациям понятий.

Вторая проблема связана с быстрым развитием технологий и изменением технических характеристик ЦОД. Это требует постоянного обновления и расширения понятийного аппарата для учета новых тенденций и требований, появляющихся в сфере ЦОД. Более того, с появлением новых концепций и подходов к организации ЦОД необходимо выработать четкую классификацию и систематизацию компонентов, что позволит более точно определить их роль и взаимосвязь.

Третья проблема касается отсутствия единого набора критериев и показателей для оценки эффективности ЦОД. Несмотря на существующие методы и инструменты, многие из них не приспособлены к современным требованиям и не учитывают специфику ЦОД. Необходимо разработать комплексный подход к оценке эффективности ЦОД, базирующийся на современных методологиях и аналитических инструментах.

С учетом данных проблем целью данной научной статьи является развитие и уточнение понятийного аппарата ЦОД, обеспечивающего систематизацию, классификацию компонентов ЦОД и создание методологии оценки их эффективности. Данное исследование позволит более полно и точно описать и понять структуру и функционирование ЦОД, а также способствовать развитию эффективных стратегий и методов управления такими центрами.

Материалы и методы исследования. В последние годы на фоне масштабной цифровизации государственной и коммерческой деятельности влияние сектора информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) на глобальную экономику во всем мире кратно возросло.

Теории по созданию, развитию и моделированию сложных систем и их элементов в информационно-коммуникационных отраслях экономики рассматриваются зарубежными и отечественными авторами (Т. Н. Беляцкая, А. И. Воробьев, О. Н. Вершинская, О. Б. Зильберштейн, М. О. Колбанев, М. А. Ляшенко, С. В. Макаров, В. А. Ершов, Ю. Ф. Кожанов, Ю. И. Рыжиков, Б. Я. Советов, Т. М. Татарникова, Э. Таненбаум, Л. Клейнрок, Д. Мартин, У. Столингс).

Например, М. А. Ляшенко, О. Б. Зильберштейн отмечают, что структура сектора ИКТ включает в себя комплекс объектов, действий и правил, а также взаимодействующих между собой элементов, относящихся к информационно-коммуникационным процессам и оборудованию, которые используются в процессе получения, хранения, подготовки и передачи данных [1].

На рисунке 1 представлена схема сектора ИКТ, разработанная автором на основании данных Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [2].

С. В. Макаров определяет, что сектор ИКТ обслуживает совокупность видов экономической деятельности, связанных с производством продукции, услуг, предназначенных для выполнения функций получения, хранения, обработки и передачи информации, а также коммуникации с использованием электронных средств, включая передачу и отображение информации [3].

В наиболее общем плане ИКТ рассматриваются как совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных в целях сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей [4].

Изучение общих подходов к оценке структуры и содержания ИКТ показывает, что к средствам ИКТ обычно относят современные программные, аппаратные и технические устройства, предназначенные для обмена, накопления, хранения, обработки, передачи различной информации [5]. Центры обработки данных также являются частью ИКТ, так как служат для обработки и хранения данных [6].

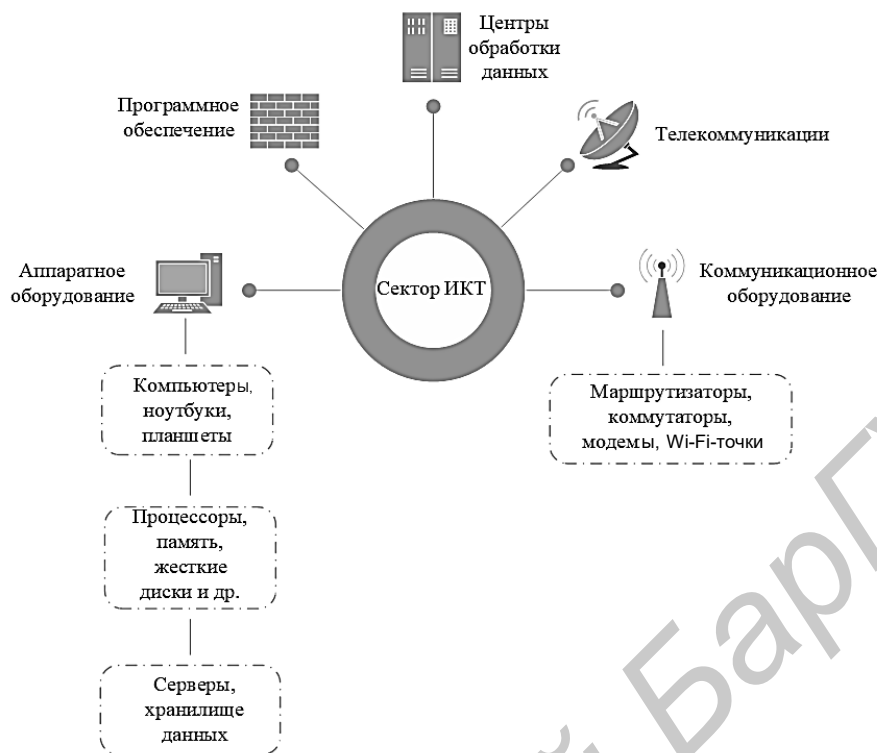

Рисунок 1. — Схема сектора ИКТ

В рамках рассмотрения структуры ИКТ формирование понятийного аппарата «центр обработки данных» является актуальным. Рассмотрим существующие научные подходы к обозначению ЦОД.

В иностранной литературе понятие ЦОД представлено выражением “Datacenter”. Такое обозначение не раскрывает сути понятия, именно поэтому автором статьи рассматривается международный стандарт ANSI/TIA-942-B “Telecommunications Infrastructure Standard for Data Centers”, в котором приведен ряд параметров, позволяющих классифицировать ЦОД [7].

Стандарт дает отличие ЦОД от иных информационно-коммуникационных объектов, по некоторым признакам схожих с ЦОД. Далее для проведения сравнительной характеристики будут рассмотрены такие понятия, как «серверная комната» и «облачные вычисления». Цель этого сравнения — расширение полного понимания сути назначения ЦОД и их отличительных особенностей. Ключевые определения понятий «серверная комната», «облачные вычисления», «центры обработки данных» и их объем представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. — Сравнительная характеристика понятий «серверная комната», «облачные вычисления» и «центры обработки данных»

Автор	Определение	Объем понятия
Серверная комната		
А. И. Воробьев [8]	Помещение, которое является рабочей средой для серверов. Одним из основных элементов оборудования серверной комнаты являются также сетевые устройства: коммутаторы и маршрутизаторы	Выделенное помещение для установки сетевых устройств

Продолжение таблицы 1

Автор	Определение	Объем понятия
ГОСТ Р 59316-2021 [9]	Серверная комната предоставляет среду с контролируемыми параметрами, служащую для установки телекоммуникационного оборудования, коммутационного оборудования, муфт, элементов системы заземления и выравнивания потенциалов и средств защиты	Помещение больших размеров для установки аппаратного оборудования
Б. Я. Советов, В. В. Цехановский, В. Д. Чертовский [10]	Серверная комната включает в себя серверы информационных ресурсов, приложений, представления информации и служебные серверы	Комната для установки оборудования
Облачные вычисления		
В. Ю. Петров [11]	Понятие «облачные вычисления» как модель, которая обеспечивает повсеместный и удобный доступ к общим вычислительным ресурсам, которые могут быть доставлены большому количеству пользователей и активированы с минимальными усилиями по управлению или помощью со стороны поставщиков услуг	Удаленный способ обработки и хранения информации
С. Ю. Орлов [12]	Автор определяет главные отличительные характеристики облачных вычислений от других информационных технологий: – доступность из любого места с доступом к сети Интернет; – бесперебойный сетевой доступ. Вычислительные механизмы позволяют и облегчают доступ к услугам независимо от устройств и платформ	Удаленная возможность работы с информацией с любого устройства
А. А. Медведев [13]	Автор выделяет следующие характеристики: – объединение и совместное использование ресурсов; – объединение и обслуживание нескольких пользователей; – эластичность, позволяющая потребителям быстро реагировать на меняющиеся потребности; – плата за использование. Оплата за облачные услуги зависит от потребления	Удаленная модель, позволяющая предоставлять динамичные решения для цифровых сервисов
С. В. Разумников [14]	Автор определяет облачные вычисления как информационные структуры, обеспечивающие доступ через Интернет к вычислительным ресурсам и продуктам	Виртуальная модель, предоставляющая доступ к ресурсам (вычислительная мощность, хранилище данных, сетевые ресурсы)

Окончание таблицы 1

Автор	Определение	Объем понятия
Т. В. Сувалова [15]	Автор характеризует облачные вычисления как интернет-сервис, который применяется для выполнения определенных проектов. Характеризуется совместным использованием ресурсов, программного обеспечения и информации через Интернет	Веб-сервис для хранения
Центры обработки данных		
Б. Я. Советов, А. И. Воробьев [16]	Специализированный объект, представляющий собой связанную систему ИТ-инфраструктуры и инженерной инфраструктуры, оборудование и части которых размещены в здании или помещении, подключенном ко внешним сетям, как инженерным, так и телекоммуникационным	Строительный объект, оборудованный инфраструктурой
А. И. Кормильцев [17]	Задача ЦОД — обеспечение гарантированной безотказной работы ИТ-инфраструктуры предприятия	Физический объект, обеспечивающий надежность и безопасность работы ИТ-инфраструктуры
Н. Н. Мошак, С. Р. Рудинская [18]	Современные ЦОД должны обеспечивать надежность функционирования ИТ-инфраструктуры	Физический объект, обеспечивающий производительность компании или организации за счет надежной организации инфраструктуры
В. В. Цехановский, В. Д. Чертовский [19]	Включает в себя как инфраструктуру, так и структурную композицию для обеспечения своего назначения. Инфраструктура ЦОД включает здания, оборудование и сами информационные устройства, обеспечивающие получение, хранение и передачу информации	Строительный объект, содержащий в себе оборудование и информационные устройства для работы с информацией (данными)
Аль-Хаками Али Мохаммед Омар [20]	Комплексный объект информатизации, в котором могут размещаться как государственные, так и сторонние (коммерческие) ИТ-инфраструктуры автоматизированных и информационных систем различного назначения	Объект для обеспечения бесперебойной автоматизированной работы бизнес-процессов

Примечание — Собственная разработка автора.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализируя определения понятий «серверная комната», «облачные вычисления» и «центр обработки данных», можно выделить следующие характеристики:

1) серверная комната — выделенное помещение в общем здании, где находятся одна или две стойки. Одна из главных характеристик в том, что в серверной комнате оборудование обычно приходится отключать для технического обслуживания;

2) облачные вычисления и создаваемые на их основе решения и модели, например, модель облачных сервисов — это информационно-коммуникационные системы, выполненные в форме платформы как сервиса (PaaS), инфраструктуры как сервиса (IaaS), программного обеспечения как сервиса (SaaS);

3) ЦОД представляют собой специализированные здания и сооружения, внутри которых находится информационное сетевое оборудование, серверные и иные системы, в том числе предназначенные, например, для подключения клиентов к сети Интернет или для формирования базы требуемой для клиентов информации. Однако ЦОД — это сами информационно-коммуникационные системы и оборудование, которые служат для технической реализации получения, хранения, систематизации, передачи информации.

Характеристика серверной комнаты показывает наглядно отличие этой технологической системы от ЦОД. Можно утверждать, что ЦОД — более комплексная система ИКТ, включающая в себя большее количество структурных и инфраструктурных элементов, следовательно, требующая более полных правил и стандартов для функционирования и обслуживания его работы. Можно сделать вывод, что серверная комната может составлять часть структуры ЦОД или серверы могут являться одним из технических элементов, обеспечивающих комплексную работу ЦОД.

Характеристика облачных вычислений более схожа с ЦОД. Облачные вычисления являются моделью доступа к общим вычислительным ресурсам для большого количества пользователей.

Назначением инфраструктуры ЦОД является формирование самого объекта, а роль его структуры — это техническое обеспечение приема, хранения, обработки и передачи данных от (к) разным источникам.

Заключение. В данной работе автор предлагает свою формулировку понятия «центры обработки данных» в контексте электронной экономики, основанную на собственных исследованиях и анализе предшествующих концепций. Центр обработки данных — технологическая инфраструктура, состоящей из оборудования, систем вычислительных мощностей, информационных технологий, строительных и инженерных систем, предназначенных для автоматизации и поддержки онлайн бизнес-процессов. Основная цель данного комплекса заключается в обеспечении получения, хранения, обработки и передачи информации, а также в обеспечении технической реализации услуг информационного характера для всех заинтересованных сторон.

Список цитируемых источников

1. *Ляшенко, М. А.* Стратегии информационно-телекоммуникационных компаний в сегменте ЦОД : монография / М. А. Ляшенко, О. Б. Зильберштейн ; под науч. ред. Н. А. Ершовой. — Saarbruken : LAPLAMBERT Academic Publishing, 2016. — 256 с.
2. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. — URL: <https://issek-hse.ru/news/174749578.html> (дата обращения: 11.03.2024).
3. *Макаров, С. В.* Развитие системы принятия решений в сфере коммуникационных услуг (на примере облачных вычислений) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Макаров Сергей Валерьевич ; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. — М., 2011. — 161 л.
4. *Вершинская, О. Н.* Информационно-коммуникационные технологии и общество / О. Н. Вершинская. — М. : Наука, 2007.
5. *Беляцкая, Т. Н.* Формирование и развитие национальной электронной экономической системы (теория, методология, управление) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Татьяна Николаевна Беляцкая. — Минск, 2019. — 49 с.
6. Data centers: trends and development prospects / O. Zilberstein, M. Lyashenko, T. Shklyar // International Journal of Applied Engineering Research. — 2015. — Vol. 10, no. 24. — P. 453—460.
7. Telecommunications Infrastructure Standard for Data Centers. — URL: https://global.ihs.com/doc_detail.cfm?&csf=TIA&item_s_key=00414811&item_key_date=820519&input_doc_number=942%2DB&input_doc_title=&org_code=TIA (date of access: 11.03.2025).

8. *Воробьев, А. И.* Формирование методики оптимизации телематического комплекса технических средств интеллектуальной системы маршрутного ориентирования : дис. ... канд. техн. наук : 05.22.01 / Воробьев Андрей Игоревич ; Моск. гос. автомобил.-дорож. ун-т (техн. ун-т). — М., 2010. — 196 л.
9. Слаботочные системы. Кабельные системы. Телекоммуникационные пространства и помещения. Аппаратная комната. Общие требования : ГОСТ Р 59316-2021 ; введ. 03.08.2021. — М. : Рос. ин-т стандартизации, 2021. — 5 с. — (Оборудование помещения аппаратной (серверной) комнаты).
10. *Советов, Б. Я.* Базы данных: теория и практика / Б. Я. Советов, В. В. Цехановский, В. Д. Чертовский. — М. : ЮрайтИздат, 2012.
11. *Петров, В. Ю.* Цифровая экономика: состояние и перспективы облачных сервисов / В. Ю. Петров // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 3-2. — С. 129—135.
12. *Орлов, С. Ю.* Облачные вычисления / С. Ю. Орлов // Журнал сетевых решений/LAN. — 2018. — № 1. — С. 5—15.
13. *Медведев, А. А.* Облачные технологии: тенденции развития, примеры исполнения / А. А. Медведев // Современные технологии автоматизации. — 2018. — № 2. — С. 6—9.
14. *Разумников, С. В.* Анализ существующих методов оценки эффективности информационных технологий для облачных ИТ / С. В. Разумников // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 3. — С. 1—7.
15. *Сувалова, Т. В.* Перспективы применения искусственного интеллекта в отечественных и зарубежных компаниях / Т. В. Сувалова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2018. — № 6. — С. 71—75.
16. *Советов, Б. Я.* Применение методов оптимизации в задачах структуризации корпоративного центра обработки данных / Б. Я. Советов, А. И. Воробьев // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». — 2012. — № 8. — С. 41—46.
17. *Кормильцев, А. И.* Как построить оптимальную систему хранения данных / А. И. Кормильцев // Сети и системы связи. — 2002. — № 11. — С. 52—58.
18. *Воронкова, А. В.* Интеллектуализация экономики как современный этап развития техники и технологии / А. В. Воронкова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. — 2018. — № 6. — С. 103—107.
19. *Советов, Б. Я.* Базы данных: теория и практика / Б. Я. Советов, В. В. Цехановский, В. Д. Чертовский. — М. : Юрайт-Издат, 2012. — 464 с.
20. *Аль-Хаками Али Мохаммед Омар.* Модель предоставления услуг по размещению ресурсов в корпоративных центрах обработки данных / Аль-Хаками Али Мохаммед Омар // Информационно-управляющие системы. — 2009. — № 6 (43). — С. 72—74.

Поступила в редакцию 13.05.2025.

УДК 338.22

О. А. Лабейко, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ ОТ ИНВАЛИДИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Статья посвящена изучению потерь от инвалидизации населения. На основе анализа научной литературы и обобщения существующих точек зрения на исследуемую проблему выделены два методических подхода к оценке ущерба от инвалидности, сформулированы преимущества и ограничения их практического применения. Выполнена детализация медико-демографических, экономических и социальных последствий инвалидизации населения, в основу которой положена концепция человеческого потенциала. С учетом особенностей национальной системы статистического учета предложены методические рекомендации комплексной оценки потерь от инвалидизации населения.

Ключевые слова: инвалидность; общественное здоровье; трудовой потенциал; экономический ущерб; социальная эксклюзия.

Библиогр.: 12 назв.

O. A. Labeyko, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (44) 541 76 45, Olgalabeyko@bk.ru

METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF LOSSES FROM POPULATION DISABILITY

The article is devoted to the study of losses from population disability. Based on the analysis of scientific literature and generalization of existing points of view on the problem under study, two methodological approaches to assessing damage from disability are identified, the advantages and limitations of their practical application are formulated. The medical, demographic, economic and social consequences of population disability based on the concept of human potential have been detailed. Taking into account the specifics of the national statistical accounting system, methodological recommendations for a comprehensive assessment of losses from population disability are proposed.

Key words: disability; public health; labor potential; economic damage; social exclusion.

Ref.: 12 titles.

Введение. Современные глобальные тренды обуславливают увеличение масштабов инвалидизации населения. Процесс трансформации системы миропорядка, затронувший многие страны и континенты, сопровождается ростом вооруженных столкновений и конфликтов, углублением не только политических, экономических, но и социальных кризисов и проблем. Военные противостояния для каждой из сторон являются угрозой демографической безопасности, приводящей к сокращению численности населения страны, увеличению числа людей с инвалидностью в самом продуктивном для экономики возрасте, деформации их человеческого потенциала. Основным амортизатором последствий инвалидизации населения выступает государственная политика реабилитации и социально-экономической интеграции. Учитывая высокую практическую значимость повышения уровня общественного здоровья, расширения возможностей и создания необходимых условий для участия людей с инвалидностью в главных сферах жизни, государственная политика должна иметь широкий спектр действий и базироваться на комплексной оценке потерь от инвалидизации населения.

Материалы и методы исследования. Теоретической базой настоящего исследования выступила научная литература, в которой представлены результаты изучения сущности, причин и последствий инвалидизации населения. В основе предложенных автором методических

рекомендаций лежит системный подход, позволивший выделить взаимосвязи компонентов человеческого потенциала людей с инвалидностью, описать взаимообусловленности целого комплекса потерь от его деформации.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе сформировалось несколько подходов к оценке потерь от инвалидизации населения. В рамках первого подхода ученые рассматривают инвалидность как медицинскую проблему, которая заключается в ухудшении физического и психического здоровья населения. В качестве объекта анализа выступают потери общественного здоровья, применяются показатели из разных научных отраслей, что связано с методической путаницей и сложностями получения статистических данных. Так, Л. В. Горшковой оценка состояния общественного здоровья населения регионов России осуществляется посредством интегрирования демографических показателей, показателей заболеваемости и распространения болезней, показателей инвалидности и инвалидизации, показателей физического развития. По мнению указанного автора, общая численность инвалидов, приходящихся на 1 000 человек населения, и численность детей-инвалидов на 1 000 детей отражают влияние инвалидизации населения на общественное здоровье [1, с. 198—199]. О. В. Ушакова, Н. В. Ефимова, А. Ю. Тарасов, Е. В. Катаманова считают, что потери общественного здоровья могут быть выражены через такой индикатор как кумулятивная инвалидность, т. е. распространение инвалидности в определенной возрастной группе населения [2, с. 1171]. В ряде научных исследований в качестве объекта анализа выступают не составляющие здоровья, а факторы, его определяющие, или вовсе подменяется оценкой затрат на функционирование системы здравоохранения. Так, А. П. Цыбусов, Е. В. Семелева, Е. А. Васин определяют последствия снижения уровня общественного здоровья финансовыми затратами бюджета государства на обеспечение бесплатной медицинской помощи населению и санаторно-курортное лечение, выплаты больничных листов, закупку технических средств реабилитации, реализацию мероприятий по привлечению населения к здоровому образу жизни [3, с. 63]. Схожую точку зрения высказывает А. В. Быкова: «...при построении модели интегрального показателя общественного здоровья, включающего несколько обобщенных показателей, в том числе обобщенные показатели кадровой и финансовой обеспеченности здравоохранения, показатель оснащенности здравоохранения...» [4, с. 49].

Оценка общественного здоровья проводится также с использованием показателя глобального бремени болезни (DALY), который выражает количество лет жизни, потерянных из-за ранней смертности, и лет, потерянных из-за утраты трудоспособности. Указанный показатель может быть рассчитан в целом по стране, ее отдельным территориальным единицам, классам болезней, возрастным группам населения [5, с. 17]. Несмотря на существенные преимущества практического использования данного показателя и отдельных его составляющих для оценки потерь общественного здоровья вследствие инвалидизации населения, в настоящих условиях его расчет затруднителен ввиду отсутствия в национальных системах статистического учета необходимых данных, а именно нозологической половозрастной структуры общей и первичной инвалидности населения страны.

Иной методический инструментарий предлагает коллектив ученых, определяющих инвалидность как экономическую проблему, которая заключается в ограничении возможностей людей с устойчивым нарушением здоровья осуществлять профессиональную деятельность. Так, нарушения функций органов и систем организма человека обуславливают временную или стойкую утрату профессиональной трудоспособности. Указанное приводит к сокращению трудового потенциала страны. По словам А. М. Мухаметзянова, медико-экономические потери в результате первичной инвалидности включают потери трудового потенциала и экономические потери. Однако в представленных автором методических рекомендациях ставится под сомнения корректность расчетов потерянных человеко-лет трудовой деятельности ввиду отсутствия пояснений расчета ожидаемой продолжительности трудовой деятельности в i -й возрастной группе населения [6, с. 942]. А. А. Шабуновой, К. Н. Калаш-

никовым предлагается экономическую оценку потерь здоровья населения проводить на основе расчета стоимости потерянных лет потенциальной жизни, но только для трудоспособного населения в трудоспособном возрасте. В качестве меры стоимости одного года статистической жизни в научном исследовании используется размер валового регионального продукта Вологодской области, приходящийся на одного занятого в экономике [7, с. 57].

В работах А. А. Шабуновой, Л. Н. Нацун инвалидность определяется как более широкая проблема, указывающая на уровень социально-экономического благополучия населения территории, эффективность социального управления. Оценка экономического ущерба включает расчеты недопроизведенного валового внутреннего продукта (далее — ВВП), упущенного дохода и подоходного налога инвалидов, зарегистрированных в качестве безработных, а также расчеты недопроизведенного ВВП экономически неактивными инвалидами [8, с. 171]. Существенным фактором, влияющим на структуру исследуемых экономических потерь, является удельный вес лиц с тяжелыми группами инвалидности (I и II группы) в общем контингенте инвалидов [9, с. 11]. В работах белорусских авторов наиболее изучены общие и интенсивные показатели инвалидности, ее нозологическая и территориальная структуры.

Таким образом, в научной литературе учеными предпринята попытка систематизировать и описать медицинский и экономический аспекты инвалидности, предложен ряд авторских методик оценки социальных и экономических потерь от инвалидизации населения. Вместе с тем ни одна из методических разработок не дает возможности в полной мере оценить виды, масштаб и объем потерь. Это обусловлено двумя причинами: упрощенной классификацией потерь и отсутствием на текущий момент детализированных статистических данных о первичной, накопленной инвалидности населения.

В целях целостного взгляда на исследуемую проблему под инвалидностью будем понимать негативное социально-экономическое явление, при котором часть населения имеет устойчивое нарушение здоровья, сталкивается с ограничениями базовых категорий жизнедеятельности и отсутствием необходимых условий для участия в главных сферах жизни. Анализ потерь от инвалидизации населения базируется на разработанных теоретических положениях о человеческом потенциале людей с инвалидностью, который состоит из социально-демографического, психофизиологического, образовательного, трудового, культурно-нравственного компонентов. Специфическими свойствами человеческого потенциала людей с инвалидностью является высокий уровень корреляции всех его характеристик, а также их раздельного влияния на общую величину [10, с. 122]. Инвалидность приводит к деформации психофизиологического компонента, обуславливает ограничение способностей получать профессиональное образование, снижает возможности людей с инвалидностью осуществлять трудовую деятельность, что в совокупности ведет к медико-демографическим, экономическим и социальным потерям.

Медико-демографические потери. Устойчивое нарушение здоровья выявляется в разных возрастных группах: среди детского (до 18 лет) и взрослого населения (старше 18 лет), в том числе в трудоспособном возрасте. В зависимости от степени выраженности нарушений функций органов и систем организма человека возникают ограничения (от 5 до 100 %) основных функций жизнедеятельности. В этом случае инвалидность выступает одной из причин потерь общественного здоровья. Следует учитывать, что в национальной экономике Беларуси при прогнозировании и расчете баланса трудовых ресурсов неработающих лиц, имеющих I и II группы инвалидности, исключают из состава трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, что приводит к сокращению трудового потенциала страны. Медико-демографические потери от инвалидизации населения могут быть выражены следующими показателями: степень выраженности базовых категорий жизнедеятельности; распространение болезней, приводящих к инвалидности населения; потерянные годы здоровой жизни для отдельных возрастных групп населения; потери трудового потенциала страны.

Экономические потери. В целях полного описания и учета последствий инвалидизации населения предлагается следующая детализация экономических потерь: потери части доходов населения и сокращение совокупного спроса; снижение уровня и качества жизни; деформация человеческого потенциала; увеличение расходов государства на медицинское обслуживание и социальную защиту (медицинская помощь, социальные услуги и др.); затраты на выплату пенсий по инвалидности; трудовые потери вследствие сокращения рабочего дня; упущенные выгоды при производстве ВВП [11, с. 54]. Для определения величины представленных потерь в экономической сфере могут быть использованы качественные и количественные методы оценки. С учетом национальной специфики статистического учета оценка экономических потерь от инвалидизации населения может быть выполнена с использованием следующих показателей: расходы государственного бюджета на выплату пенсий по инвалидности; упущенная выгода в производстве ВВП в результате первичной инвалидности населения трудоспособного возраста.

Для расчета упущенной выгоды в производстве ВВП лицами трудоспособного возраста, впервые признанными инвалидами в отчетном году, возможно использование методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения [12]. При этом будем принимать во внимание, что I и II группы инвалидности устанавливаются при резко выраженных или выраженных ограничениях основных критериев жизнедеятельности, в связи с чем дальнейшая трудовая деятельность если и возможна, то только в специально созданных условиях или на приспособленных рабочих местах, что неосуществимо в год установления инвалидности. Следовательно, лица с I и II группами инвалидности в год их установления выбывают из экономической деятельности. Часть населения трудоспособного возраста, которой установлена III группа инвалидности, как правило, продолжают трудовую деятельность с увеличенной продолжительностью трудового отпуска. Расчет недопроизведенного ВВП в связи с первичной инвалидностью населения трудоспособного возраста предлагается рассчитать по формуле

$$\text{УВПИ} = \text{ВВП} / \text{ЧЗ} (\text{ЧПИ}_{\text{тр. в. УЗН}_{\text{тр. в.}} / 100 - \text{ЧПИ}_{\text{тр. в.3К}}),$$

- где УВПИ — упущенная выгода в производстве ВВП (объем недопроизведенного ВВП) в результате первичной инвалидности населения трудоспособного возраста в стране в отчетном году;
- ВВП — валовой внутренний продукт, произведенный за год в стране;
- ЧЗ — численность занятых в экономике страны в отчетном году;
- $\text{ЧПИ}_{\text{тр. в.}}$ — численность граждан, впервые признанных инвалидами в трудоспособном возрасте в отчетном году;
- $\text{УЗН}_{\text{тр. в.}}$ — уровень занятости населения в трудоспособном возрасте;
- $\text{ЧПИ}_{\text{тр. в.3}}$ — численность граждан, впервые признанных инвалидами III группы в трудоспособном возрасте в отчетном году;
- К — поправочный коэффициент для учета увеличенной продолжительности отпуска у инвалидов III группы, равный 0,991.

Социальные потери. Вследствие инвалидности деформируется образовательный и культурно-нравственный компоненты человеческого потенциала. В настоящее время не решен вопрос создания условий для получения профессионального образования молодыми людьми с разной нозологией инвалидности (нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата). Далеко не во всех учреждениях среднего специального образования создана безбарьерная среда и необходимые условия для получения инвалидами образовательных услуг. Также необходима стратегия и расширение практики реализации принципа инклюзии в учреж-

дениях высшего образования. Зачастую государственной службой занятости предоставляются возможности освоения узкого перечня образовательных программ профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации для безработных инвалидов.

Устойчивое нарушение здоровья, ограничение основных критериев жизнедеятельности, изменение социального статуса приводят к стигматизации, сегрегации и в конечном счете изоляции людей с инвалидностью. Происходит разрушение сети социальных связей людей с инвалидностью и уменьшение социального капитала общества. Это связано с вынужденным перемещением людей, имеющих устойчивое нарушение здоровья, из достигнутого (занимаемого) социального положения в социальную группу инвалидов. Возникает целый ряд физических, отношенческих и средовых барьеров формирования и поддержки социальных связей. Происходит их разрыв, уменьшаются или вовсе отсутствуют возможности информационного обмена людей с инвалидностью с участниками иных социальных групп. Социальная эксклюзия людей с инвалидностью препятствует возможности получения ими социально-экономических выгод от информационного обмена, нанося ущерб социальному капиталу общества в целом.

Заключение. В настоящем исследовании инвалидность определяется как негативное социально-экономическое явление, при котором часть населения имеет устойчивое нарушение здоровья, сталкивается с ограничениями базовых категорий жизнедеятельности и отсутствием необходимых условий для участия в главных сферах жизни. Инвалидность обуславливает деформацию человеческого потенциала людей, что приводит к возникновению медико-демографических, экономических и социальных потерь. К медико-демографическим потерям следует отнести: нарушения базовых категорий жизнедеятельности от 5 до 100 %; распространение болезней (системы кровообращения, новообразования, костно-мышечной системы и соединительной ткани и др.), приводящих к инвалидизации населения; потерянные годы здоровой жизни; потери трудовых ресурсов страны вследствие как взрослой, так и детской инвалидности. Экономические потери от инвалидизации населения характеризуются качественными и количественными изменениями: потерей части доходов населения и сокращением совокупного спроса; снижением уровня и качества жизни; расходами государственного бюджета на выплату пенсий по инвалидности; расходами государственного бюджета на медицинское обслуживание и социальную защиту (медицинская помощь, социальные услуги и др.); упущенной выгодой в производстве ВВП. Социальные потери от инвалидизации населения затрагивают снижение уровня и качества профессиональной подготовки, социальную эксклюзию людей с инвалидностью и уменьшение социального капитала общества. Широкое негативное влияние инвалидности на экономическое и социальное развитие требует реализации не единичных, а комплекса реабилитационных мероприятий по восстановлению, развитию и созданию условий для реализации человеческого потенциала людей с инвалидностью.

Список цитируемых источников

1. Горшкова, Л. В. Методика расчета интегрального показателя общественного здоровья / Л. В. Горшкова // Глобальный научный потенциал. — 2023. — № 8 (149). — С. 197—204.
2. Оценка потерь здоровья населения старшей возрастной группы / О. В. Ушакова, Н. В. Ефимова, А. Ю. Тарасов, Е. В. Катаманова // Гигиена и санитария. — 2020. — Т. 99, № 10. — С. 1170—1176.
3. Цыбусов, А. П. Экономические последствия потери здоровья жителями Республики Мордовия / А. П. Цыбусов, Е. В. Семелева, Е. А. Васин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — Т. 13, № 4А. — С. 61—67.
4. Быкова, А. В. Общественное здоровье как объект инвестиций методические основы оценки и моделирования / А. В. Быкова // Известия ДВФУ. Экономика и управление. — 2022. — № 1. — С. 41—52.
5. Оценка экономических потерь здоровья населения на основе глобального бремени болезней DALY и эффективности затрат по всем видам медицинской помощи с использованием показателя QALY / С. А. Леонов, И. М. Сон, С. П. Ермаков, Р. И. Девишев // Менеджер здравоохранения. — 2011. — № 6. — С. 14—28.

6. Мухаметзянов, А. М. Медико-экономические аспекты инвалидности вследствие цереброваскулярных болезней в г. Уфе / А. М. Мухаметзянов // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 10 (5). — С. 941—944.
7. Шабунова, А. А. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения / А. А. Шабунова, К. Н. Калашников // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2008. — № 4 (4). — С. 53—61.
8. Нацун, Л. Н. К вопросу об экономической цене инвалидности / Л. Н. Нацун, А. А. Шабунова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2018. — Т. 11, № 2. — С. 160—174.
9. Гусева, Н. К. Оценка экономических потерь вследствие инвалидности взрослого населения Нижегородской области за 2002—2012 гг. / Н. К. Гусева, С. В. Герман // *Социальные аспекты здоровья населения*. — 2014. — № 2 (36). — С. 4—11.
10. Лабейко, О. А. Человеческий потенциал населения с инвалидностью: понятие и структура / О. А. Лабейко // *Проблемы управления*. — 2024. — № 4 (94). — С. 119—125.
11. Лабейко, О. А. Экономический фокус научных исследований предметного поля реабилитации людей с инвалидностью / О. А. Лабейко // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 50—55.
12. Об утверждении Методологии расчета экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Минфина Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики от 10 апр. 2012 г. № 192/323н/45н/113 // *КонсультантПлюс Россия* : справ. правовая система (дата обращения: 20.02.2025).

Поступила в редакцию 19.05.2025.

УДК 339.1398

Р. А. Лизакова, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 175 48 44, roza.gomel@yandex.by

ГЕНЕЗИС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РИСКОВ И НИВЕЛИРОВАНИЕ СТЕПЕНИ ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНО-ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье проведено детерминирование актуализации ключевых аспектов потребительских рисков от периода становления концепции классического маркетинга до текущих реалий постиндустриальной цифровой среды, аккумулируются доминантные факторные группы рисков, сопряженных с процессом приобретения и потребления товаров и услуг индивидуальными покупателями, дается оценка характера и степени влияния конкретных потребительских рисков генезису инновационно-коммуникативного и социально-экономического развития социума.

Ключевые слова: потребительский риск; постиндустриальное общество; цифровая среда; генезис социально-экономического развития; информационно-финансовая защищенность.

Рис. 2. Библиогр.: 5 назв.

R. A. Lizakova, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (29) 175 48 44, roza.gomel@yandex.by

GENESIS OF CONSUMER RISKS AND LEVELING THE DEGREE OF THEIR IMPACT IN THE POST-INDUSTRIAL-DIGITAL ENVIRONMENT

The article determines the actualization of key aspects of consumer risks from the period of formation of the concept of classical marketing to the current realities of the post-industrial digital environment, accumulates dominant factor risk groups associated with the process of acquisition and consumption of goods and services by individual customers, assesses the nature and degree of influence of specific consumer risks to the genesis of innovative, communicative and socio-economic development of society.

Key words: consumer risks; post-industrial society; digital environment; genesis of socio-economic development; information and financial security.

Fig. 2. Ref.: 5 titles.

Введение. Считается, что термин «риск» упоминался еще Гомером и трактовался как опасность. В словаре русского языка риск трактуется также как возможность, опасность, неудача [1, с. 668]. В современных словарях сущность данной категории не меняется. Расширились рамки подходов, и, например, риск стал определяться как вероятность наступления нежелательного события [2]. Потребительские риски появились одновременно с возникновением рыночных отношений параллельно с обменом первыми товарами, когда определенные изделия люди стали производить не для собственного потребления, а именно для последующего обмена, а с появлением денег и для продажи. До этого в рамках натурального хозяйства, а еще ранее в процессе собирательства индивид непосредственно сам нес в процессе своего существования всю полноту естественных или прямых жизненных рисков. Таким образом, с развитием хозяйственно-торговых отношений и повышения удельной доли специализации труда каждого индивида обоснованно возрастала и дифференцировалась совокупность потребительских рисков. Ведь все меньший объем товаров и услуг человек стал производить непосредственно для себя лично, и постепенно вплоть до настоящего момента доминирующая часть факторов обеспечения жизнедеятельности каждого индивида стала зависеть не от нас самих, а от совокупности государственных, промышленных, торговых

социально-бытовых институтов и бесконечного множества взаимосвязей внутри них. Закономерно данная тенденция параллельно наращивает, диверсифицирует, а главное —кратно усложняет для рядового покупателя массив сопутствующих потребительских рисков.

Материалы и методы исследования. Основу исследования составили такие методы, как критический анализ, сравнение, эмпирические методы в аспекте сложившихся реалий возрастания уровня потребительских рисков в связи с развитием цифровых технологий, использование метода дедукции при формировании доминантных факторных групп рисков, метод научного познания теоретических источников по академическому маркетингу, а также обобщений информации из открытых источников о социальных тенденциях в общественной жизни страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение категории «риск» было связано в первую очередь с предпринимательской деятельностью. О риске в предпринимательстве был затронут вопрос в XVII веке (французский экономист Р. Кантильон), об этом говорил А. Смит. Данный ученый в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» обратил внимание на связь между предпринимательским риском и ожидаемой прибылью [3]. Идеи ученого о разделении труда и специализации способствовали пониманию рисков, связанных с колебаниями спроса, изменениями технологий и внешними экономическими шоками, и в дальнейшем послужили основой для формирования теории рисков. В середине XIX века возникло психофизическое направление исследования предпринимательского риска, основателями которого являлись немецкие психологи Эрнст Вебер и Густав Фехнер. Категория «потребительский риск» начала свое активное развитие с началом становления классического маркетинга. О потребительском риске стали конкретно говорить с XX века. В своей работе «Риск и опасность» Н. Луман (социолог) делает вывод, что потребитель становится объектом пристального внимания со стороны различных групп, которые регулируют формы потребления, а человек недостаточно рационален по своей природе и не всегда определяет полезность покупки и ее масштабы [4]. Исследования Э. Гидденса, У. Бека также поднимали вопросы о социальной ответственности и природе потребительского риска. На сегодня достаточно широкое развитие имеет определение, что потребительский риск — это потенциальный риск приобретения некачественного продукта. Это не совсем верно, так как дело не только в продукте (товаре): можно, ничего не приобретая, понести потери. Поэтому более интересным выступает второй вариант: потребительский риск — это многогранная концепция, лежащая в основе принятия экономических решений, динамики рынка и индивидуального поведения [5].

К основным видам потребительского риска относят: физический, финансовый, психологический, социальный. В статье классифицируются потребительские риски, исходя из современных трендов восприятия внешней среды. С некоторыми, ранее для большинства населения даже предельно критическими рисками, например, продовольственной безопасности, рядовой гражданин уже давно смирился. Мы воспринимаем как данность условную наполненность и даже возможность пресыщенности и выбора в торговой сети продуктов питания. Все меньше людей делает значительные запасы основных продуктов питания, а тем более лично производит для себя минимальную продуктовую корзину. Частично новое дыхание оценке данных рисков дала пандемия COVID-19, но человек научился быстро забывать и условно игнорировать негативные факторы. Другую группу рисков (безопасность) потребитель целиком переложил на компетентность профессионалов и контролирующие их органы. Нужный потребителю товар будет обязательно кем-то разработан и произведен, автоматически станет соответствовать каким-то и где-то прописанным нормам, должен быть исправен, обеспечен гарантией, простой и ясной инструкцией, интуитивно понятным интерфейсом, службой поддержки, возможностью вызвать специалиста и т. п. Современный

потребитель склонен узнавать о товарах, а также об их ключевых характеристиках и свойствах, нужных для покупателя, из рекламы или от консультанта в магазине, а не глубоко анализировать и изучать собственные потребности.

Развитие научно-технического прогресса и форм потребительских коммуникаций детерминирует возникновение новых, первоначально не понятных, а главное, прямых и болезненных рисков для потребителя. Так, постиндустриально-цифровая среда наряду со множеством благ и удобств, повышающих качество жизни человечества, сгенерировала существенный массив потребительских рисков: от лишения денежных средств или криптовалюты на электронном счету и потери цифровых личных данных для их преступного использования (кредиты и дорогие покупки оформленные на потерпевшего, оплаты запрещенных товаров в даркнете, финансирование терроризма) до перенасыщения цифрового пространства сервисами или просто информацией, детерминирующей дезориентацию и ментальную пассивность потребителя, с одной стороны, и абсолютно критически не осмысленного следования продвигаемым трендам и тезисам — с другой.

Исходя из вышесказанного, предлагается аккумулировать ключевые потребительские риски в векторно-агрегированные блоки, детерминирующие наступление потенциальных угроз после принятия экономических решений. Совокупность выделенных блоков потребительских рисков отображена на рисунке 1, где мы можем увидеть четыре ключевых векторно-агрегированных блока потребительских рисков.

Физически-безопасностные потребительские риски в первую очередь связаны с такими аспектами, как опасная (не вредная или не полезная, а именно некачественная по срокам, составу, приготовлению и т. п.) еда; яды и канцерогены в бытовых товарах (где их не должно быть по составу или критическое превышение допустимых доз); дефекты техники (конструктивная безопасность, травмоопасность при использовании, надежность деталей, агрегатов, электроники, программного обеспечения и т. п.); неправильно возведенные жилые и производственные объекты (обвал кровли, трещины стен, сейсмоустойчивость, пожароопасность и т. п.); негативное промышленное воздействие на окружающую среду; бездействие или непрофессионализм полиции (милиции), пожарных, медицинских или спасательных служб.

Рисунок 1. — Доминантные факторные группы генезиса потребительских рисков

Примечание — Источник: собственная разработка автора.

Финансово-охранительные риски, сопряженные с процессом потребления, аккумулируют в себе совокупность факторов, нарушающих право на владение. Сюда относится риск утраты денежных средств, акций, криптовалюты и прочих ценных цифровых объектов: NFT, токенов и т. п. Утрата личных данных и банковских паролей от электронных кабинетов может быть сопряжена с закреждением потерпевшего, покупок от его имени дорогих товаров, оформления гарантий и доверенностей и даже передачи прав собственности, а также осуществлением преступной деятельности посредством незаконных транзакций с помощью полученного цифрового пароля. Не все транзакции в последующем можно будет оспорить даже в судебном порядке, ведь банки, торговые площадки и прочие организации страхуют себя пользовательскими соглашениями с клиентами, перекладывая на них 100 % ответственности за сохранение цифрового пароля и контроля финансовых операций.

Информационно-дифференцирующие риски потребителя обуславливаются характером и уровнем доступа к различного рода информации, уровнем личностных фундаментальных знаний и социально выработанной практикой поиска и проверки данных. Отсюда возрастает риск приобретения откровенно нездоровой пищи (хоть и условно разрешенной к потреблению) и, наоборот, невежественное избегание безобидных кодированных аббревиатур безопасных компонентов. Перенасыщенное современное информационное цифровое поле оставляет все меньше возможностей для рядового потребителя вникнуть в суть предлагаемых товаров и услуг.

Поведенческо-достигаторские потребительские риски детерминируются плотностью и вектором социально продвигаемых норм, моделей и образа действия потребителей. Человек разучивается формировать собственное мнение и становится заложником навязанных моделей поведения и потребления. Более того, зачастую необходимо обладать силой воли, убеждениями и характером, чтобы игнорировать агрессивные повсеместные тренды, особенно в подростковой среде.

Изложенный перечень возможных форм проявления потребительских рисков в разрезе агрегированных групп не является исчерпывающим, но будет давать полное представление о векторе воздействия выделенного факторного блока. При этом следует заметить, что данные группы не являются замкнутыми и статичными. Так, некоторые потребительские риски имеют сквозной характер, например, те или иные формы юридических, информационных и даже финансовых рисков или сопряженных последствий будут присутствовать в каждой из агрегированных групп. Особо подчеркнем выделенный генезис портфеля и степень приоритетности потребительских рисков со временем. Учитывая все вышеизложенное, объективно детерминируется необходимость как минимум нивелирования совокупности отрицательных аспектов дифференциации и диверсификации потребительских рисков, особенно сопряженных с резким инновационно-цифровым скачком текущих социально-экономических реалий. Предлагаемые направления по минимизации сопряжения индивида с совокупностью трансформационных потребительских рисков представим на рисунке 2.

Как следует из данных, представленных на рисунке 2, предлагается пять векторных направлений по противодействию негативной диверсификации потребительских рисков в текущих интерактивно-цифровых реалиях. Раскроем и практически опишем конкретные предлагаемые мероприятия в рамках каждой из выделенных групп.

Фундаментально образовательный базис предполагает введение в рамки базового обучения в практическом разделе или как минимум в формате факультативно-ознакомительных занятий в учреждениях образования.

Взаимная безопасно-цифровая ответственность включает в себя комплекс следующих рамочных мероприятий в системе «общество—производитель—потребитель». Например, разделение финансовыми, торговыми и другими организациями ответственности с пользователями в случае утраты их средств и данных, например, при утечке базы данных с сервера организации или кражи ее сотрудником.

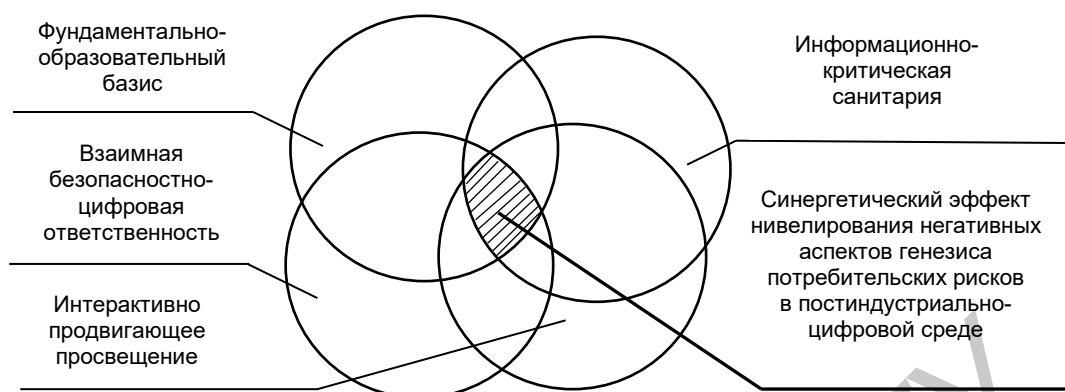

Рисунок 2. — Предлагаемые векторные направления по нивелированию возрастания отрицательной детерминации потребительских рисков в постиндустриально-цифровой среде

Примечание — Источник: собственная разработка автора.

Интерактивно-продвигающее просвещение аккумулирует блок мероприятий по ассимилированию желаний и рисков потребителя с реалиями безопасной цифровой среды.

Информационно-критическая санитария направлена на объективизацию совокупности внешних информационных сигналов, воспринимаемых потребителем. Например, заметная и акцентированная маркировка рекламных (как и любых возмездно размещаемых) материалов; указание УНП мельчайшим шрифтом в конце статьи или обзора вообще не замечается потребителем. При поисковых запросах в сети Интернет вверху поиска отображаются маркированные рекламные ссылки, но следующие по порядку ссылки хоть и не обозначаются как рекламные, что вызывает существенно большее доверие пользователя, тем не менее также продвигаются вследствие использования администраторами данных сайтов платных инструментов продвижения на поисковых сервисах.

Заключение. Даже точечное, но системное внедрение совокупности предлагаемых автором мероприятий по нивелированию отрицательных аспектов генезиса потребительских рисков в постиндустриально-цифровой среде призвано обеспечить существенный синергетический эффект на стыке формирования грамотного и ответственного потребителя и наращивания разумных элементов безопасности интерактивных коммуникаций. Тожественность прогрессивной цифровой среды массиву всех ее контрагентов аккумулирует значительные макроэкономические конкурентные преимущества региона, монетизируя социальные инновации в хозяйственную конкурентоспособность. При этом следует подчеркнуть историческую объективность и несомненную позитивность прогресса в целом и цифровизации социально-хозяйственной среды в частности. Индивид в среднем сегодня имеет относительно больше благ, чем 70 или даже 25 лет назад, и несравненно больший объем выбора, а деятельность производителя, наоборот, регулирует в несколько раз больший массив нормативной документации. Так и предложенная совокупность нивелирующих мероприятий не ориентирована на децифровизацию среды и социально-технологический регресс, как и исключительно на ужесточение контроля за производством и переложения всей доли ответственности с клиента на продавца. Но комплексная реализация предложенных мероприятий позволит не только отчасти сгладить объективные негативные аспекты трансформации потребительских рисков, снижая покупательскую напряженность и плотность социального негатива нарастания новых угроз для покупателя, но и поэтапно вывести систему отношений «индивид — цифровая среда и покупатель — потребительские риски» на новый современный личностно-ответственный и социально-прогрессивный уровень.

Список цитируемых источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. АН ; Рос. фонд культуры. — 3-е изд., стер. — М. : АЗЪ, 1996. — 928 с.
2. Риск // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/3510546> (дата обращения: 04.10.2024).
3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит // Гуманитарный блок. — URL: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/70320/> (дата обращения: 04.10.2024).
4. Луман, Н. Риск и опасность / Н. Луман // Гуманитарный портал. — URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6107> (дата обращения: 04.10.2024).
5. Потребительский риск // Faster Capital. — URL: <https://fastercapital.com/ru/content/> (дата обращения: 04.10.2024).

Поступила в редакцию 13.05.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 339.97(476+470+571)

Т. П. Побяржина, кандидат экономических наук, доцент,**Е. М. Монжаренко**Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»,
Витебский филиал, ул. М. Шагала, 8А, 210015 Витебск, Республика Беларусь, tulovo2@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЕАЭС НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Международная логистика Республики Беларусь и Российской Федерации имеет ряд проблем, которые в основном являются следствием политических, экономических и технологических факторов. Введенные Западом после начала специальной военной операции на Украине антироссийские санкции серьезным образом изменили логистические цепочки по всей Евразии. В этих враждебных условиях совместное развитие транспортной инфраструктуры становится жизненно необходимой задачей для Москвы и Минска. В современных реалиях у стран возникает потребность в оптимизации логистической инфраструктуры. Транспортная интеграция позволит улучшить логистические процессы, а также упростить процессы пересечения границы между дружественными странами.

Ключевые слова: логистика; грузоперевозки; оптимизация; транспортный коридор; санкции; логистическая инфраструктура; индекс эффективности логистики.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 6 назв.

T. P. Pobyarzhina, PhD in Economics, Associate Professor,**E. M. Monzharenko**Institution of Education of the Federation of Trade Union of Belarus "International University "MITSO",
Vitebsk branch, 8A M. Chagall St., 210015 Vitebsk, the Republic of Belarus, tulovo2@rambler.ru

MODERN CHARACTERISTICS OF LOGISTICS PROCESSES IN THE EAEU COUNTRIES ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

The international logistics of the Republic of Belarus and the Russian Federation has a number of problems, which are mainly the result of political, economic and technological factors. The anti-Russian sanctions imposed by the West after the start of a special military operation in Ukraine have seriously changed logistics chains throughout Eurasia. In these hostile conditions, the joint development of transport infrastructure becomes a vital task for Moscow and Minsk. In modern realities, countries have a need to optimize their logistics infrastructures. Transport integration will improve logistics processes and simplify border crossing processes between friendly countries.

Key words: logistics; cargo transportation; optimization; transport corridor; sanctions; logistics infrastructure; logistics efficiency index.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 6 titles.

Введение. Евразийский экономический союз — международный союз, направленный на совместное развитие экономики следующих стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан и Российская Федерация [1]. Эти страны приняли общие правила таможенного осмотра — общий таможенный кодекс, коды товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, антидемпинговые, специальные, регулирующие и компенсирующие мероприятия, единые таможенные тарифы. Таможенный осмотр применяется только на внешних границах.

Страны ЕАЭС имеют выгодное географическое положение с точки зрения логистики, так как через них проходят три важных международных транспортных коридора: «Север — Юг», «Восток — Запад» и «Транскаспийский международный транспортный маршрут» (рисунки 1).

Рисунок 1. — Транспортные коридоры стран ЕАЭС

Примечание — Источник: [2].

Несмотря на благоприятное расположение стран, их логистическое развитие во многом отстает от стран ЕС. Это обусловлено сложностями с таможенным обеспечением внешнеэкономической деятельности, большими транспортными затратами, непродуктивной деятельностью логистики, недостаточным уровнем автоматизации складов, слабой степенью использования логистических схем в рамках ЕАЭС, несоответствием современных грузомощностей с пропускной способностью объектов логистической инфраструктуры, а также неравенством экономического потенциала стран-участниц.

Методология и методы исследования. Материалом для исследования послужила информация Министерства транспорта и коммуникаций, логистических операторов и транспортных компаний, электронные информационные ресурсы, публикации в периодических изданиях. Основные методы исследования: сравнение, анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение. В таблице 1 представлен рейтинг стран ЕАЭС в индексе эффективности логистики Всемирного банка.

Как видно из таблицы 1, в 2018 году выше всех в рейтинге находился Казахстан, а ниже всех был Кыргызстан. В 2023 году у всех стран наблюдается значительное ухудшение позиций, кроме Беларуси, которая поднялась на 24 позиции и стала лидирующей вместе с Казахстаном в рейтинге стран ЕАЭС. Кыргызстан также остался в «хвосте» стран.

Если рассматривать страны по составляющим рейтинга, то Беларусь также держит лидирующие позиции наравне с Казахстаном, опережая его лишь по качеству инфраструктуры (вместе с Россией) и своевременности доставки, уступая по качеству, компетентности и отслеживанию доставки. Кыргызстан почти во всех позициях уступает другим странам, преуспевая только в индексе международных перевозок (последняя — Армения) и разделяет место с Арменией в индексе отслеживания доставки.

Исходя из представленных данных, только Республика Беларусь смогла выстоять и преуспеть в логистических процессах, несмотря на неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию, напряженное отношение между европейскими странами, значительные санкции и закрытые границы.

Т а б л и ц а 1. — Рейтинг ЕАЭС в индексе эффективности логистики Всемирного банка

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
	Место (оценка)				
2018 год (из 160 стран)	92 (2,61)	103 (2,57)	71 (2,81)	108 (2,55)	75 (2,76)
2023 год (из 140 стран)	97 (2,5)	79 (2,7)	79 (2,7)	123 (2,3)	88 (2,6)
Эффективность таможенных операций в 2023 году	84 (2,5)	74 (2,6)	74 (2,6)	110 (2,2)	90 (2,4)
Качество инфраструктуры в 2023 году	76 (2,6)	68 (2,7)	80 (2,5)	89 (2,4)	68 (2,7)
Международные перевозки в 2023 году	28 (2,2)	91 (2,6)	91 (2,6)	111 (2,4)	121 (2,3)
Качество и компетентность в 2023 году	92 (2,6)	92 (2,6)	81 (2,7)	127 (2,2)	92 (2,6)
Своевременность доставки в 2023 году	110 (2,7)	76 (3,1)	93 (2,9)	130 (2,4)	93 (2,9)
Отслеживание доставки в 2023 году	117 (2,3)	94 (2,6)	80 (2,8)	117 (2,3)	98 (2,5)

Примечание — Источник: разработано автором на основе [3].

Более подробно рассмотрим логистику стран ЕАЭС на примере Республики Беларусь и Российской Федерации. С 2024 года страны совместно активно развивают логистическую и транспортную инфраструктуру. Республика Беларусь рассматривается как «логистический перекресток» (через территорию страны пролегают маршруты, соединяющие Западную и Восточную Европу, Черноморское побережье со странами Балтийского моря), расположенный на стыке ЕАЭС и ЕС [4]. На территории государства действует более 60 логистических центров, из них примерно 25 % находятся в собственности государства, остальные имеют статус частных компаний и созданы за счет финансирования национальных и иностранных инвесторов (Иран, Азербайджан, Россия). Примерами успешной реализации логистической деятельности в стране могут служить логистические центры компаний «Минск Кристалл», логистический центр «Прилесье», «Шате-М Плюс», «Евроторг» и «Глобус Парк». Самая высокая концентрация логистических центров в Минской и Витебской областях.

Современный транзитный потенциал Республики Беларусь характеризуется рядом проблем:

1) несовершенство логистических центров (при их строительстве ориентир был только на автомобильный транспорт, лишь небольшая часть имеет железнодорожные подъезды);

2) ограниченное количество предлагаемых логистических услуг (около 30 видов, в то время как в мире их количество более 100);

3) невысокий уровень развития логистики в стране. Логистические операторы в основном имеют уровень 1PL- и 2PL-провайдеров (транспортная компания «Триера», ООО «ВИТАХАУЗ», транспортная компания «KROSSVOSTOK»). В мировой же практике их уровень доходит до операторов 5PL. На белорусском рынке количества 3PL-провайдеров (РУП «Белтаможсервис», ООО «Высотка Логистик», ООО «Пан и Пани») слишком мало для быстрого роста логистики, а 4PL-провайдеров единицы (транспортная компания «FOREL TRANS»);

4) неэффективность логистических процессов на предприятиях. В данный момент всего 3—4 % государственных предприятий и около 18—20 % частных компаний смогли эффективно выстроить логистические цепочки и саму логистику в целом. На сегодня

для поддержания конкурентоспособности необходимо постоянно модернизировать логистические процессы, больше ориентироваться на потребности клиентов, оптимизировать использование финансовых и материальных ресурсов;

5) предложения складских услуг выше спроса на них. В стране наблюдается относительный переизбыток складов, они загружены наполовину и ждут клиентов, которые уже построили собственную логистическую инфраструктуру [5]. Складские площади логистических центров площадью 250—500 м² заняты примерно на 60 %, 500—1 000 м² и более заняты всего на 20 %;

6) непродуктивное применение транспортных средств. Средняя производительность транспортных средств в Республике Беларусь в четыре раза меньше, чем в развитых зарубежных странах. Большая часть грузовых автомобилей устарела, характеризуется слабой оснащённостью, значительной степенью износа и т. д.;

7) непопулярность аутсорсинга услуг логистических центров. Отказ от данного вида сервиса связан с финансовым дефицитом для расчета со сторонними компаниями, небольшим объемом 3PL-провайдеров и нежеланием заказчиков изменять рабочие технологии, когда погрузочно-разгрузочные работы, складские, транспортные и другие виды работ осуществляются самостоятельно;

8) снижение грузопотока. Антироссийские санкции стали причиной того, что грузопотоки значительно сократились [6]. Понесли потери преимущественно грузоперевозчики, работающие на рынке перевозок пищевых продуктов из стран ЕС в Россию.

В логистике Российской Федерации сейчас идет этап формирования, характеризующийся поиском новых технологий и способов предоставления услуг и удовлетворения требований потребителей. Факторов влияния на развитие логистики в целом значительно больше, чем в Беларуси: территориальный масштаб, неравномерность необходимой инфраструктуры, различный климат и менталитет, 11 часовых поясов и др. Также в России логистических центров насчитывается более 600 тыс., что стимулирует поиск новых способов ведения конкуренции.

Логистика Российской Федерации также имеет ряд проблем:

1) значительные издержки. Это одна из наиболее распространённых проблем, вызванная высокими затратами на транспортные расходы (топливо, запчасти и т. д.) и значительными ценами на хранение и обработку товара на складах. Для сокращения издержек необходимо разрабатывать функциональную систему управления и отслеживания, а также внедрение новых ИТ-технологий и автоматизации систем;

2) таможенные проблемы. В настоящее время происходят частые задержки грузов и простои транспортных средств на российской границе. Особенно это связано с грузами из стран ЕС;

3) проблема с рабочими кадрами. На рынке труда наблюдается значительный спрос на квалифицированные кадры в области логистики. Компаниям приходится затрачивать достаточно много времени на поиск и проведение собеседований с возможными кандидатами. Это связано с недостаточной опытностью и небольшим количеством специалистов с профильным высшим образованием, которые могли бы быстро ориентироваться и приспосабливаться к новым реалиям и позициям страны на мировом рынке;

4) доставка грузов по железной дороге. В данный момент большее количество грузов перевозятся автомобильным транспортом, но на железную дорогу также возлагается большое количество транспортировок. При этом обслуживание железной дороги оставляет желать лучшего. Систематически встречаются повреждения груза и задержки в дороге, при том что тарифы на данный вид транспорта постоянно растут;

5) неравномерное развитие логистики в отдельных регионах. Российская Федерация имеет огромную территорию, внутри которой есть различия в наличии и качестве дорог, неравномерности расположения больших и малых населенных пунктов, количестве складов и терминалов. В некоторые регионы представляется возможным попасть только воздушным или водным транспортом;

б) автоматизация и оптимизация. Во многих логистических компаниях отсутствует рациональное управление цепями поставок, нет возможности приобрести современное оборудование и программы для автоматизации систем логистики и управления ее процессами.

Все вышеперечисленные проблемы имеют значительное влияние не только на логистику, но и на экономику стран в целом. Они приводят к завышенным ценам на услуги, увеличению сроков доставки, снижению конкурентоспособности компаний и продукции. Кроме того, весь рынок белорусских и российских компаний испытал трудности с приостановлением международных финансовых операций и скачкообразным курсом валют. Появляется потребность в разработке новых стратегий и создании фокуса на сотрудничестве Республики Беларусь с Российской Федерацией, что становится неотъемлемой частью адаптации бизнеса к новым условиям. Грузоперевозчики сейчас подвержены множеству ограничений, связанных с политикой ЕС, что вынуждает их изменять привычные маршруты и мириться с увеличением стоимости и времени перевозок. Это вынуждает применять менее эффективные логистические схемы для обхода наложенных санкций.

Для Республики Беларусь Российская Федерация остается главным направлением для работы грузоперевозчиков (90 % от всего белорусского транзита). В части морских грузоперевозок многофункциональный морской перегрузочный комплекс «Бронка», входящий в «Большой порт Санкт-Петербург», является базовым для перевалки грузов из Беларуси в Россию. Сторонами прорабатывается вопрос о передаче данного терминала в собственность Беларуси. Также в планах построить свой порт в Мурманской области, чтобы иметь возможность пользоваться преимуществами Северного морского пути. При помощи России Беларусь создает собственную портовую инфраструктуру и активно подключается к перспективным транспортно-логистическим коридорам, таким как «Север — Юг» и «Запад — Восток», которые способствуют транспортному сообщению со странами Ближнего Востока, Азии и Африки. Недавно было заключено соглашение о строительстве пограничного железнодорожного участка Решт — Астара между Ираном и Азербайджаном. Это позволит запустить коридор «Север — Юг», который откроет для России рынок Индии и других государств в бассейне Индийского океана. Очевидно, по новому пути смогут пойти и белорусские товары.

Еще одной хорошей новостью для белорусских транспортных компаний стал закон по отмене разрешительной системы перевозок и снятию запрета на каботаж в границах Российской Федерации. Сам закон начал действовать с 1 марта 2025 года.

Для ведения данной деятельности необходимо будет выполнять определенные условия:

- иностранный перевозчик (участник ЕАЭС) должен пересечь границу с Россией грузом, т. е. закончить международный рейс;
- на одной и той же машине разрешается выполнить три каботажные грузоперевозки;
- все каботажные перевозки должны быть завершены в течение семи дней со дня загрузки от международной доставки;
- транспортным компаниям требуется предварительно проинформировать Ространснадзор о планах на внутрироссийские грузоперевозки и получить от этого органа разрешение на данную операцию.

Многие специалисты считают, что такая возможность поможет Беларуси увеличить выручку от экспортных услуг на 4 %.

Для повышения привлекательности белорусского экспорта российская железная дорога предоставила республике скидку 50 % на перевозку нефтепродуктов и возврат порожних цистерн до 2026 года.

У стран усложнились логистические взаимоотношения с Казахстаном. После наложения ограничений ЕС запрет на перегрузку или перецепку на территории Казахстана для машин на белорусских или российских номерах был снят. У перевозчиков появилась возможность забирать товар на границе с ЕС и перевозить его далее по пути через Казахстан. За

2022 год на казахские номера были перерегистрированы около 5 000 белорусских и российских грузовых транспортных средств. Чтобы поддержать интересы отечественных транспортных компаний, Казахстан в текущий момент запретил данную процедуру.

Одним из способов обхода санкций на данный момент является поставка товаров через третьи страны. Основным узлом данной схемы является Турция (все виды транспорта). Также для автомобильного вида транспорта еще существуют проезды через Грузию, Иран и Азербайджан.

Привлекательным и интересным логистическим направлением является Китай. Налаживанию партнерских отношений способствует развитие проекта «Один пояс — один путь», который заключается в проходе автомобильного и железнодорожного транспорта из Китая в Европу через Республику Беларусь. Участие в данном проекте способствует модернизации экономики страны и возможному улучшению отношений с Европой. По мнению специалистов, при работе данного проекта на территорию Беларуси выпадает примерно 10 % всего товарооборота между Китаем и ЕС, что в совокупности может принести ежегодно 60 млрд дол. США. При хороших условиях и результатах у нашей страны будет шанс увеличить транзитный грузопоток в два раза. Также данный проект поможет решить проблему с недозагруженностью складов и максимально начать использовать весь потенциал складов и терминалов.

Для Российской Федерации Китай также имеет особое значение. Грузоперевозки между странами осуществляются всеми видами транспорта. Китай разрешил беспрепятственный въезд российским автомобилям на свою территорию. За 2023 год товарооборот между Россией и Китаем вырос на 27 % по сравнению с предыдущим годом. Развитие сотрудничества принесло рост электронной коммерции и развитие технологий, связанных с отслеживанием грузов. В будущем сотрудничество стран будет только укрепляться, чему способствует строительство железнодорожного моста через Амур и магистрали Москва — Пекин.

Заключение. Совершенствование логистических процессов в Республике Беларусь в современных реалиях — это максимальное сотрудничество с крупнейшими «игроками» на рынке международных перевозок, которые способны обеспечить нашу деятельность дополнительной работой. Особенно это касается транспортно-логистических компаний ЕАЭС, с которыми представляется возможным отстаивать свои интересы, получая совместную выгоду.

Список цитируемых источников

1. Евразийский экономический союз // Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12880> (дата обращения: 20.11.2024).
2. *Одинцова, Е.* Торговля со странами ЕАЭС: логистика, налоги, отчетность / Е. Одинцова. — URL: <https://allo.tochka.com/torgovlya-eaes> (дата обращения: 22.11.2024).
3. International LPI // THE WORLD BANK. — URL: <https://lpi.worldbank.org/international> (date of access: 25.11.2024).
4. Развитие логистики в Республике Беларусь: проблемы и перспективы. — URL: <https://logists.by/blog/-osobennosti-i-perspektivy-logistiki-v-belarusi> (дата обращения: 26.11.2024).
5. Беларусь: что тормозит развитие логистики. — URL: <https://logists.by/companies/chto-tormozit-razvitie-logistiki> (дата обращения: 28.11.2024).
6. Белорусская логистика: проблемы и перспективы. — URL: <https://cargox.ru/publications/Logistics/-Belarusian-logistics-problems-and-prospects/> (дата обращения: 30.11.2024).

Поступила в редакцию 13.05.2025.

УДК 339.138:004.738.5

М. С. Пономарева, кандидат экономических наукУчреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, + 375 (33) 618 42 82, m_ponomareva28@mail.ru**РЕАЛИЗАЦИЯ ТОВАРОВ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ:
ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СТОРОН И УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙНО-
КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА**

Данная статья является продолжением цикла статей, в которых рассматриваются особенности реализации товаров на маркетплейсах. В ней рассмотрено взаимодействие участников процессов «реализация товаров на маркетплейсах» и «оказание услуг на маркетплейсах»; уточнен понятийно-категориальный аппарат в части понятий «маркетплейс товаров», «маркетплейс услуг», «маркетплейс товаров и услуг».

Ключевые слова: маркетплейс; реализация товаров; оказание услуг; участники; понятия.

Рис. 3. Библиогр.: 29 назв.

M. S. Ponomareva, PhD in EconomicsInstitution of Education “Belarus State Economic University”, 26 Partizanski Ave., 220070 Minsk,
the Republic of Belarus, + 375 (33) 618 42 82, m_ponomareva28@mail.ru**SALE OF GOODS AND PROVISION OF SERVICES ON MARKETPLACES:
FEATURES OF THE PARTIES' WORK AND CLARIFICATION
OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL APPARATUS**

This article is a continuation of a series of articles that examine the features of selling goods on marketplaces. It examines the interaction of participants in the processes of “sale of goods on marketplaces” and “provision of services on marketplaces”; clarifies the conceptual and categorical apparatus in terms of the concepts of “marketplace of goods”, “marketplace of services”, “marketplace of goods and services”.

Key words: marketplace; sale of goods; provision of services; participants; concepts.

Fig. 3. Ref.: 29 titles.

Введение. Организации торговли и сферы услуг претерпевают глубокую трансформацию в условиях санкционного давления, глобальной цифровизации, а также стремительного роста электронной торговли. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь осенью 2024 года констатировало, что доля онлайн-торговли выросла до 8,1 %, хотя несколько лет назад составляла около 3 %. Несмотря на такое стремительное развитие электронной торговли, функционирующей посредством цифровых платформ, остается немало вопросов относительно понятийно-категориального аппарата, поскольку многие понятия, связанные с работой на маркетплейсах, законодательно не определены.

Материалы и методы исследования. Неполнота исследования указанной проблемы потребовала изучения трудов отечественных и зарубежных авторов по маркетингу, коммерческой деятельности, бухгалтерскому учету. Теоретические аспекты функционирования маркетплейсов исследовались П. В. Шендриком [1], В. П. Котловым [2]. Вопросам бухгалтерского учета и налогообложения реализации товаров на маркетплейсах посвящены труды таких отечественных и зарубежных авторов, как С. Л. Коротаев [3], Н. Н. Катаева [4]. Труды данных деятелей науки легли в основу проведенного в настоящей статье исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучный метод познания, анализ, синтез, сравнение, системный подход.

Результаты исследования и их обсуждение. Определим перечень нормативных правовых актов, регулирующих сферу деятельности маркетплейсов. К основным следует отнести:

- Закон Республики Беларусь № 128-З от 08.01.2014 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» [5];
- Закон Республики Беларусь № 347-З от 25.11.2004 «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [6];
- Закон Республики Беларусь № 90-З от 09.01.2002 «О защите прав потребителей» [7];
- Гражданский кодекс Республики Беларусь [8];
- Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая и Особенная части) [9; 10];
- постановление Совета Министров Республики Беларусь № 31 от 15.01.2009 «Правила продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли» [11];
- приказ Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь № 130 от 10.06.2021 «Об утверждении Методических рекомендаций по документальному оформлению и учету товарных операций, составу и учету расходов на реализацию в организациях торговли и общественного питания» [12].

Процесс взаимодействия «продавец—маркетплейс—покупатель» можно представить следующим образом (рисунок 1).

В законодательстве Республики Беларусь понятие «маркетплейс» не определено, хотя и дано объяснение схемы, а также ключевых аспектов функционирования электронной торговли. Фундаментальной основой маркетплейса считается дистанционная торговля — форма розничной торговли, при которой продажа товаров осуществляется без использования торговых объектов на основании договора розничной купли-продажи, заключаемого без одновременного присутствия продавца и покупателя после ознакомления покупателя с предложенными продавцом описаниями товаров [11]. При этом исключается возможность для покупателя непосредственно ознакомиться с товарами в момент заключения договора. Налоговый кодекс Республики Беларусь уточнил указанные подходы, определив следующие условия признания такой формы реализации товаров покупателю как «электронная дистанционная продажа товаров»: заказ товаров производится покупателем посредством сервисов, доступных на электронной торговой площадке; условия оплаты размещаются на электронной торговой площадке.

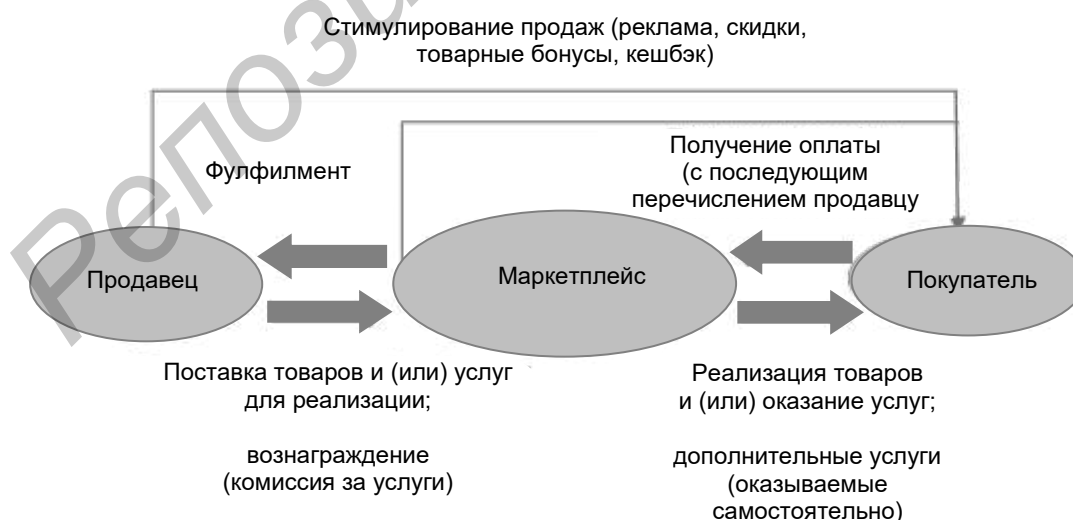

Рисунок 1. — Процесс взаимодействия между продавцом товаров и (или) услуг, маркетплейсом и покупателем

Примечание — Источник: собственная разработка.

Таким образом, основным инструментом осуществления электронной дистанционной продажи товаров (услуг) является электронная торговая площадка — информационная система, предназначенная для организации и совершения покупок (продаж) в электронном формате, доступ к которой осуществляется через мобильное приложение, сайт в сети Интернет [9].

Правоотношения между продавцом товаров (услуг) и маркетплейсом начинаются с заключения договора (в Республике Беларусь это, как правило, договор комиссии), в соответствии с которым маркетплейс преимущественно выступает стороной, оказывающей на возмездной основе посреднические услуги по реализации товаров или оказания услуг.

Маркетплейс взимает комиссию за услуги, которыми пользуется продавец (например, за реализацию товаров, расчетно-кассовое обслуживание, логистику, складское хранение, упаковку, сортировку, отбраковку, маркировку товаров, обработку заказов и возврат товаров). На сайте маркетплейса продавец размещает информацию о своих товарах и (или) услугах в виде заполненных карточек, которые, как правило, оформляет дизайнер карточек для маркетплейсов. Цену на товар или тариф на услугу определяет продавец и указывает ее в личном кабинете, однако маркетплейс может увеличивать установленную продавцом цену (тариф) и дополнительную выгоду в полном объеме оставлять себе. В силу возможных различий конкретных условий работы отдельных маркетплейсов продавцу необходимо очень внимательно относиться к оформлению договорных взаимоотношений с торговой площадкой, чтобы избежать дополнительных расходов, в том числе связанных с судебным разбирательством [13, с. 152—153].

Выделяют следующие основные модели работы на маркетплейсе:

– DBS (delivery by seller) — модель работы на маркетплейсе, при которой площадка выступает «витриной». Продавец самостоятельно хранит товары, обрабатывает заказы, упаковывает и доставляет их. Маркетплейс берет комиссию за продажу товаров и вывод средств;

– FBO (fulfillment by operator) — модель работы на маркетплейсе, при которой продавец упаковывает и отвозит партию товара на склад маркетплейса. Сотрудники маркетплейса хранят товары, собирают заказы и доставляют их покупателю. Маркетплейс берет комиссию за продажу товаров, вывод средств, хранение и логистику;

– FBS (fulfillment by seller) — модель работы на маркетплейсе, при которой продавец хранит товары у себя на складе, обрабатывает каждый заказ и доставляет его в пункт приема маркетплейса или склада. Маркетплейс доставляет товар покупателю и берет с продавца комиссию за продажу, вывод средств и логистику [1, с. 5].

Рассмотрев особенности взаимодействия участников процесса реализации и (или) оказания услуг на маркетплейсах, можно сделать промежуточный вывод о том, что маркетплейс — это площадка, на которой осуществляется электронная дистанционная розничная продажа товаров, однако, исходя из особенностей функционирования, это не совсем верно. Во-первых, это связано с отраслью экономики, во-вторых, с действующими на площадке субъектами. Поясним сказанное.

Несомненно, большая часть маркетплейсов занимается розничной продажей товаров, однако не следует забывать и про оптовую торговлю, а также про составляющие сферы услуг (транспорт и логистику, отдых и туризм, общественное питание, информационные, образовательные и другие виды услуг). Так, например, в Республике Беларусь оптовые продажи (кроме розничных продаж) на своей электронной площадке предлагает такой маркетплейс, как «Пульс цен». Известная логистическая компания СДЕК недавно также создала свой собственный маркетплейс СДЕК.МАРКЕТ, где у покупателей (физических и юридических лиц) появилась возможность как заказывать товары, так и комфортно их получать по достаточно низким тарифам. Есть начинания и среди промышленных предприятий, но они еще слабо развиты и не пользуются такой популярностью. Соосновательница маркетплейса Wildberries Т. В. Бакальчук осенью 2024 года анонсировала запуск нового направления — предоставление услуг своим клиентам. Следовательно, маркетплейсы вошли в деятельность предприятий, относящихся к почти всем отраслям экономики Республики Беларусь. Отсюда

вытекает и другая особенность — действующие на электронной площадке субъекты. Преимущественно на маркетплейсах взаимодействуют продавцы (юридические и физические лица) и покупатели (физические лица), однако взаимодействие в различных сферах указывает на то, что с обеих сторон могут быть как организации, так и отдельные люди (физические лица). Чтобы конкретизировать понятие «маркетплейс», остановимся подробнее на основных отраслях функционирования. Несмотря на достаточно долгое существование таких отраслей, как торговля и сфера услуг, среди ученых и специалистов мнения расходятся (рисунок 2).

Торговля	Сфера услуг
Деятельность по купле-продаже товаров и услуг в целях получения экономической выгоды [14]	Часть экономики, которая включает в себя все виды коммерческих и некоммерческих услуг; сводная обобщающая категория, включающая воспроизводство разнообразных видов услуг, оказываемых предприятиями, организациями, а также физическими лицами. Остальными частями экономики принято считать производство — промышленность и сельское хозяйство [18]
Сектор экономики и вид деятельности, который заключается в реализации товаров через процессы купли-продажи и обмена, а также включает в себя дополнительные услуги, такие как обслуживание клиентов, доставка, хранение и подготовка товаров к реализации [15]	Система отраслей народного хозяйства, продукты, потребительская стоимость которых выражается в предоставлении удобств. В сфере услуг труд не материализуется в вещах. Процесс производства услуг, как правило, совпадает с их потреблением. Различают: сферу услуг материального производства (транспорт, связь, бытовое обслуживание); сферу услуг духовной жизни (образование, физическая культура, наука, искусство); сферу услуг в социальной сфере (торговля, жилищно-коммунальное обслуживание, здравоохранение) [19]
Процесс обмена товарами, услугами, ценностями и деньгами [16]	Часть экономики государства, состоящая из совокупности различных видов деятельности по оказанию услуг (как общественно востребованных действий, результаты которых не имеют материального выражения), во взаимосвязи с осуществляющими такую деятельность субъектами, включая юридических лиц (коммерческие и некоммерческие организации) и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность без образования юридического лица, а в случаях, допускаемых национальным законодательством, — также иных физических лиц [20]
Предпринимательская деятельность, направленная на приобретение и продажу товаров с оказанием или без оказания услуг, связанных с продажей товаров, а также на продажу товаров собственного производства их производителями для личного, семейного, домашнего и иного подобного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью [5]	
Услуги торговли — результат взаимодействия продавца и покупателя, а также собственная деятельность продавца по удовлетворению потребностей покупателя при покупке и продаже товаров [17]	

Рисунок 2. — Определения понятий «торговля» и «сфера услуг»

Примечание — Источник: собственная разработка.

С понятиями «торговля» и «сфера услуг» тесно связано понятие «коммерция», в частности, «электронная коммерция». Точного определения данного термина в специализированных словарях нет. Тем не менее его можно встретить в различных нормативных документах. Так, в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета «О плане мероприятий по реализации основных направлений развития механизма “Единого окна” в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» от 08.05.2015 № 19 под электронной коммерцией понимают совокупность технических и организационных форм совершения финансовых и торговых транзакций, осуществляемых с использованием электронных систем [21].

Согласно «Большой российской энциклопедии», под коммерцией в широком смысле понимают предпринимательскую деятельность экономических агентов — государства, компаний, домохозяйств, нацеленную на получение прибыли (производство товаров, оказание платных услуг, проведение обменных операций, осуществление инвестиций на финансовых рынках); в узком смысле — торговлю [14].

В соответствии со «Словарем бизнес-терминов» коммерция — это деятельность по продаже товаров или услуг в целях получения прибыли [22].

Коллектив авторов (Л. А. Брагин, Г. Г. Иванов, А. Ф. Никишин, Т. В. Панкина) в своем учебнике «Электронная коммерция» в зависимости от того, что является предметом коммерции, различает электронную торговлю (товарами) и электронную коммерцию в сфере услуг [23, с. 11].

Таким образом, из вышесказанного следует, что одни специалисты придерживаются мнения, что сфера услуг является составляющей торговой деятельности, другие — что торговля является компонентом сферы услуг, третьи останавливаются на том, что торговля и сфера услуг — это совершенно разные понятия.

В данном исследовании будем придерживаться третьей позиции, где основным признаком разграничения торговли и сферы услуг является объект реализации — товар или услуга. Следовательно, при подготовке определения «маркетплейс» данную особенность следует учитывать. Разграничим рассматриваемые маркетплейсы следующим образом (рисунок 3).

Понятие «маркетплейс», как и многие другие понятия, является многогранным и содержит в себе комплекс экономических, юридических, программно-технических, инфраструктурных, социально-управленческих, психологических и иных свойств.

Термин «маркетплейс» произошел от английского слова marketplace — рынок, торговая площадка. А. А. Марченков в своей статье описывает маркетплейс как веб-сайт, на котором систематизируется информация о товарах и (или) услугах разных брендов от разных поставщиков, магазинов или людей, представленных на одной и той же платформе [24, с. 65].

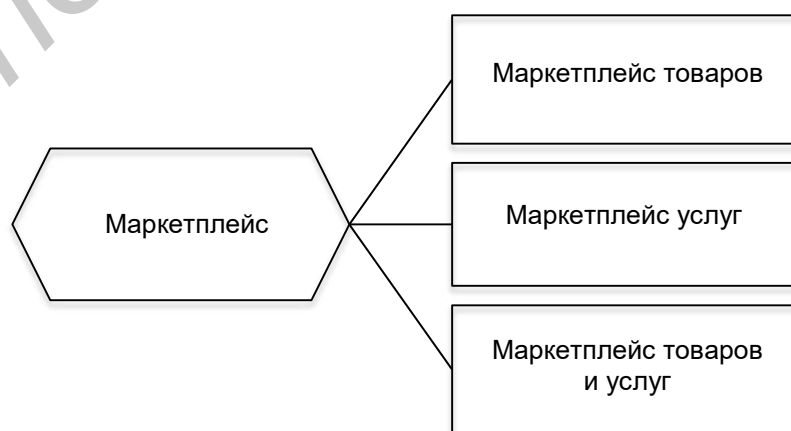

Рисунок 3. — Виды преобладающих в Республике Беларусь маркетплейсов по классификационному признаку «базовый объект реализации»

Примечание — Источник: собственная разработка.

И. Д. Елин в своей статье под маркетплейсом понимает электронную площадку, на которой покупатели могут купить продукты или услуги от разных продавцов [25 с. 101—102].

Эксперты компании Deloitte приводят следующее определение: онлайн-маркетплейсы — это онлайн- и (или) мобильные платформы, представляющие собой виртуальные рынки. Они соединяют поставщиков с потребителями таким способом, который устраняет традиционные преимущества корпоративного масштаба ведения бизнеса [26].

В приказе Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации от 07.04.2023 № 161 «Об утверждении Официальной статистической методологии расчета выпуска товаров и услуг и индекса физического объема по виду экономической деятельности “Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов”» прописано, что маркетплейсы — это цифровые платформы, специализирующиеся на продаже товаров или услуг (через сайт или мобильное приложение) [27].

Следует отметить, что даже в официальных Стандартах по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов сущность понятия «маркетплейс» не до конца раскрыта. В них сказано, что маркетплейс — онлайн-платформа владельца агрегатора в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, позволяющая потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца товаров о заключении договора купли-продажи товара, заключить с продавцом товаров договор купли-продажи, а также произвести оплату указанного товара путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов [28].

Еще можно встретить такое понятие, как «туристский маркетплейс». Туристский маркетплейс — информационная система на базе цифровой платформы по предоставлению информации, бронированию и приобретению туристских продуктов на территории Российской Федерации, объединяющая значительное число участников рынка туристских услуг на территории Российской Федерации [29].

В авторской трактовке в основу определений будут положены следующие отличительные признаки, присущие юридическим и экономическим наукам и практикам: сфера деятельности организации, место осуществления деятельности, документальное оформление операций, субъекты, объекты. Сфера деятельности организации — торговля и сфера услуг.

Что касается реализации товаров, то здесь достаточно все просто, это понятие часто встречается и называется торговым объектом. Что касается сферы услуг, то здесь применимо такое словосочетание, как контактная зона. Контактная зона — это место предоставления услуг, где сотрудник организации взаимодействует с клиентами или оказывает им те или иные услуги. Это место чаще всего связано с первичным знакомством клиента с услугой, ожиданием услуги, ее исполнением и завершением обслуживания.

Документальное оформление операций — это в первую очередь договор (иной заменяющий документ). Участники реализуют свои функции на маркетплейсе на основании договора. При реализации товаров заключается договор купли-продажи, при оказании услуг — договор оказания услуг. Основное отличие — в предмете договора: в первом случае это передача товара, во втором — оказание услуг.

Далее подробнее остановимся на участниках. Встречающаяся в учебных пособиях, отдельных офлайн- и онлайн-публикациях терминология очень разнообразна. Иногда даже можно встретить противоречивые понятия. Так, наиболее часто встречаются следующие субъекты: селлер, продавец, поставщик, покупатель, клиент, потребитель, заказчик. Определения данных субъектов, взаимодействующих на маркетплейсах, законодательно не определены и могут быть положены в основу дальнейших исследований.

Представленный обзор признаков позволяет сформулировать определения следующим образом:

– маркетплейс товаров — это электронная площадка, на которой осуществляется деятельность организаций торговли, направленная на удовлетворение спроса физических и юридических лиц, включающая в себя организацию системы торговли без использования тор-

говых объектов на основании договора (иного взаимозаменяющего документа), заключаемого без одновременного присутствия продавца и покупателя после ознакомления покупателя с предложенными продавцом описаниями товаров на сайте в сети Интернет или мобильном приложении;

– маркетплейс услуг — это электронная площадка, на которой осуществляется деятельность организаций сферы услуг, направленная на удовлетворение спроса физических и юридических лиц, включающая в себя организацию системы оказания услуг без использования контактной зоны на основании договора (иного взаимозаменяющего документа), заключаемого без одновременного присутствия исполнителя (услугодателя) и клиента (услугополучателя) после ознакомления покупателя с предложенными продавцом описаниями услуг на сайте в сети Интернет или мобильном приложении.

Соответственно, определение «маркетплейс товаров и услуг» можно представить как интеграцию выше представленных понятий: электронная площадка, на которой осуществляется деятельность организаций торговли и сферы услуг, направленная на удовлетворение спроса физических и юридических лиц, включающая в себя организацию системы торговли и оказания услуг без использования специальных торговых объектов и контактных зон на основании договора (иного взаимозаменяющего документа), заключаемого без одновременного присутствия продавца или исполнителя (услугодателя) и покупателя или клиента (услугополучателя) после ознакомления покупателя с предложенными продавцом описаниями товаров или услуг на сайте в сети Интернет или мобильном приложении.

Заключение. На основе проведенного анализа были выработаны авторские определения понятия «маркетплейс» и его разновидностей в целях его юридической трактовки, бухгалтерского учета и налогообложения, также они могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства. Представленные определения не являются совершенными и могут быть модифицированы с учетом закладываемых в них аспектов и критериев.

Список цитируемых источников

1. Шендрик, П. В. Теоретические особенности функционирования маркетплейсов / П. В. Шендрик // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 10 (124). — URL: <https://research-journal.org/archive> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Котлов, В. П. Маркетплейсы: увеличиваем продажи, повышаем прибыль / В. П. Котлов. — СПб. : Питер Прогресс книга, 2023. — 219 с.
3. Коротаев, С. Л. Бухгалтерский и налоговый учет товарных операций с маркетплейсами — резидентами Республики Беларусь / С. Л. Коротаев // Бухгалтерский учет и анализ. — 2023. — № 8 (320). — С. 30—46.
4. Катаева, Н. Н. Продажа товаров через маркетплейсы: особенности учета и документального оформления / Н. Н. Катаева // Главная книга. — 2023. — № 12. — URL: <https://glavkniga.ru/elver/2023/12/6548> (дата обращения: 11.01.2025).
5. О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2014 г. № 128-З : в ред. от 07.03.2024 г. № 358-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.
6. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-З : в ред. от 12.07.2023 г. № 280-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023.
7. О защите прав потребителей : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-З : в ред. от 22.04.2024 г. № 365-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 7 декаб. 1998 г. № 218-З : в ред. от 22.04.2024 г. № 365-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.
9. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) : 19 дек. 2002 г. № 166-З : в ред. от 13.12.2024 г. № 47-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.
10. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) : 29 дек. 2009 г. № 71-З : в ред. от 13.12.2024 г. № 47-З. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.
11. Правила продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 янв. 2009 г. № 71 : в ред. от 29.07.2024 г. № 551. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024.

12. Об утверждении Методических рекомендаций по документальному оформлению и учету товарных операций, составу и учету расходов на реализацию в организациях торговли и общественного питания : приказ М-ва антимонопол. регулирования и торговли Респ. Беларусь от 10 июня 2021 г. № 130 : в ред. постановления от 27.07.2022 г. № 233. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.

13. Пономарева, М. С. Особенности бухгалтерского учета и налогообложения операций по реализации товаров на маркетплейсах / М. С. Пономарева, Т. Г. Ускевич // Современная экономика: проблемы и решения. — 2024. — № 5. — С. 151—164.

14. Большая российская энциклопедия : [сайт]. — М., 2022—2024. — URL: <https://bigenc.ru/t/terms> (дата обращения: 14.01.2025).

15. Финансовый словарь : [сайт]. — М., 2005—2025. — URL: <https://www.banki.ru/wikibank/trade> (дата обращения: 14.01.2025).

16. Энциклопедия инвестора : [сайт]. — М., 2000—2025. — URL: <https://investments.academic.ru> (дата обращения: 16.01.2025).

17. Торговля. Термины и определения : ГОСТ Р 51303-2023 : введ. 30.06.2023 г. № 469-ст // Россия : справ. правовая система (дата обращения: 14.01.2025).

18. Моя библиотека : [сайт]. — М., 2015—2025. — URL: <https://mybiblioteka.su/8-36769.html> (дата обращения: 16.01.2025).

19. Экономический словарь : [сайт]. — М., 2000—2025. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/-14266 (дата обращения: 14.01.2025).

20. О модельном законе «О цифровой трансформации сферы услуг государств — участников СНГ» : постановление Межпарлам. Ассамблеи государств — участников СНГ от 14 апр. 2023 г. № 55-10. // ЭТАЛОН / Нац. центр закон-ва и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

21. О плане мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «Единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности : решение Высш. Евраз. экон. совета от 8 мая 2015 г. № 19 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения 14.01.2025).

22. Словарь бизнес-терминов : [сайт]. — М., 2000—2025. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/-6109> (дата обращения: 16.01.2025).

23. Электронная коммерция / Л. А. Брагин, Г. Г. Иванов, А. Ф. Никишин, Т. В. Панкина. — М. : Издат. Дом Форум, 2022. — 192 с.

24. Марченков, А. А. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции / А. А. Марченков // Научные стремления : сб. науч. ст. — 2019. — № 26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketpleysy-kak-glavnyu-trendelektronnoy-kommertsii> (дата обращения: 10.01.2025).

25. Елин, И. Д. Маркетплейс — будущее электронной коммерции / И. Д. Елин // Global and Regional Research. — 2019. — Т. 1, № 1. — С. 101—106. — URL: <http://grrbgu.ru/reader/article.aspx?id=22873> (дата обращения: 10.01.2025).

26. How online marketplaces are transforming traditional services models // Deloitte. — URL: <https://www2.deloitte.com/au/en/pages/strategy/articles/how-online-marketplacestransforming-traditional-services-models.html> (date of access: 12.01.2025).

27. Об утверждении Официальной статистической методологии расчета выпуска товаров и услуг и индекса физического объема по виду экономической деятельности «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» : приказ Федер. службы гос. статистики Рос. Федерации от 7 апр. 2023 г. № 161 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 14.01.2025).

28. Об утверждении Стандартов по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов : протокол Комиссии по созданию условий саморегулирования в электрон. торговле в Рос. Федерации от 3 окт. 2023 г. № 15-381 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения 14.01.2025).

29. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 сент. 2019 г. № 2129-р // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения 14.01.2025).

Поступила в редакцию 13.05.2025.

УДК 332.72

А. И. Чигрина, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь

ГЕНЕЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ДО НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Систематизированы правовые документы со времен Первого статута Великого княжества Литовского до новой экономической политики СССР, что позволило исследовать влияние правового регулирования на изменение отношений коммерческой недвижимости. В качестве основных методов исследования использованы анализ, изучение, обобщение, конкретизация и систематизация. Установлено, что недвижимость всегда использовалась государством как инструмент достижения различных целей. Исследование начинается с трех статутов ВКЛ, когда правовые основы сделок с недвижимостью только начинали свое формирование. Изучен период нахождения белорусских земель в составе Российской империи (1772—1917), когда появился сам термин «недвижимость», изменялись типы землевладения, вводилась расширенная классификация недвижимости, устанавливалась система государственной регистрации. Третьим периодом исследования стал советский период, во время которого произошли значительные коррективы в отношениях с недвижимостью. С одной стороны, отменена частная собственность, остановлены сделки купли-продажи, с другой — стимулировались концессии для привлечения иностранных инвестиций и технологий, регламентировались условия сдачи коммерческой недвижимости в аренду.

Ключевые слова: рынок коммерческой недвижимости; коммерческая недвижимость; история развития; инструмент регулирования; право собственности; концессия.

Библиогр.: 14 назв.

A. I. Chyhryna, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus

THE GENESIS OF THE ECONOMIC CONTENT OF COMMERCIAL REAL ESTATE: FROM THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA TO THE NEW ECONOMIC POLICY

The legal documents from the time of the First Statute of the Grand Duchy of Lithuania to the New Economic Policy of the USSR have been systematized, which made it possible to study the influence of legal regulation on changes in commercial real estate relations. The main research methods used were analysis, study, generalization, specification and systematization. It has been established that real estate has always been used by the state as a tool for achieving various goals. The study begins with three Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, when the legal basis for real estate transactions was just beginning to form. The period of the Belarusian lands being part of the Russian Empire (1772—1917) was studied, when the term “real estate” itself appeared, the types of land ownership changed, an expanded classification of real estate was introduced, and a system of state registration was established. The third period of the study was the Soviet period, during which significant adjustments in real estate relations took place. On the one hand, private property was abolished, purchase and sale transactions were stopped, on the other hand, concessions were stimulated to attract foreign investment and technology, and the conditions of leasing commercial real estate were regulated.

Key words: commercial real estate market; commercial real estate; development history; regulatory instrument; ownership right; concession.

Ref.: 14 titles.

Введение. Одни авторы рассматривают участие коммерческой недвижимости в предпринимательской деятельности, другие указывают на ее способность обеспечить стабильный денежный поток, третьи утверждают, что коммерческая недвижимость имеет экономическую ценность и приносит доход. Авторы подчеркивают разнообразие входящих объектов, не

уделяя достаточного внимания роли и значимости коммерческой недвижимости для экономического развития государства. Коммерческая недвижимость является стратегическим активом, способным реализовать экономические интересы государства. Она служит основой для создания рабочих мест, формирования инфраструктуры и развития местной экономики, участвует в формировании экономического пространства, позволяет реализовывать различные бизнес-модели, обеспечивает прирост капитала за счет роста рыночной стоимости объекта. Недвижимость функционирует в двух параллельных мирах — реальном и правовом, что позволяет ему становиться обеспечением кредитов [1]. Кредит, выданный под залог недвижимости, является важнейшим источником средств для нового бизнеса. Деньги не возникают из ничего, процент и деньги не могут быть поняты вне института частной собственности и использования объектов недвижимости. В здоровой банковской системе все кредиты выдаются под обеспечение, под законные свидетельства о наличии прав собственности. Права собственности на объекты недвижимости являются основанием эмиссии денег [1]. Коммерческая недвижимость есть инструмент регулирования отношений, возникающих в экономических системах, функционирование которого требует системного анализа и исследования, которое необходимо начинать с истории.

Существует два основных критерия, определяющих экономическую модель общества: виды и способы координации экономической деятельности и отношение к собственности на средства производства [2].

Смысл экономики состоит в максимальном удовлетворении потребностей членов общества, что обосновывает необходимость решения трех проблем: проблемы выбора; проблемы использования; проблемы распределения [3].

Определяя границы исследования коммерческой недвижимости, отметим, что она участвует в процессе удовлетворения потребностей, формируя экономическое пространство и предоставляя помещения под организацию и ведение бизнеса. Проблема выбора и качества товаров связана с наличием коммерческих площадей в объеме, достаточном для производства, хранения и представления таких товаров, т. е. торговой, офисной, производственной и складской недвижимости. Эффективное использование производственных ресурсов и факторов также может быть обеспечено за счет эффективного управления коммерческой недвижимостью, обеспечивающего оптимизацию производственных и распределительных процессов, цифровизацию управления. Распределение товаров между экономическими агентами обеспечивается также за счет коммерческой недвижимости, как и формирование системы складских и логистических помещений. Логистические центры и склады играют ключевую роль в обеспечении доставки товаров до конечного потребителя, что является важным аспектом дистрибуции. Экономические условия напрямую влияют на развитие коммерческой недвижимости. Экономический рост приводит к повышению спроса на недвижимость, что подчеркивает важность эффективного управления коммерческой недвижимостью.

Потребности членов общества определяются и различными изменениями в социальном поведении, в частности, урбанизация, изменение привычек потребления (развитие электронной торговли), удаленная работа влияют на развитие новых форматов, более гибких форматов коммерческой недвижимости.

Исследование генезиса экономического содержания коммерческой недвижимости заключается в комплексном понимании исторического контекста ее развития и участия в экономических системах, что позволит выявить ключевые факторы и тенденции, влияющие на ее развитие, и выступить основой для проведения дальнейших углубленных исследований.

Материалы и методы исследования. Основными методами исследования, использованными в работе, выступили анализ, изучение правовых документов, систематизация, обобщение и конкретизация.

Первыми документами, в которых упоминается недвижимость как объект отношений, являются статуты Великого княжества Литовского. В 1529 году были определены условия перехода права собственности на имение к великому князю (побег подданных из государства). К формам собственности на недвижимость отнесены наследственная, выслуженная и купленная. Изъятие недвижимости становится инструментом наказания за побег отца в пользу великого князя. Если дети и родственники были отделены от отца, то имение остается у них. Имущество разделялось на движимое и недвижимое. Возникла государственная регистрация, владение подтверждалось документами или достойными свидетелями.

С 1566 года введено ограничение права собственности через запрет на предоставление имений чужеземцам и соседям, что подчеркивает важность недвижимости как средства обеспечения национальных интересов [4].

Были установлены права отдавать, продавать, дарить, передавать имения собственные, что характеризует коммерческое использование недвижимости. Сформирована система учета объектов недвижимости в разрезе конкретных поветовых земств, что предполагало обязанность делать соответствующие записи в земских книгах.

Имения разделялись на отчизные, материстые, выслуженные, купленные и любым способом приобретенные. С ними могли быть проведены коммерческие и некоммерческие операции: продажа, дарение, передача в распоряжение. Все операции должны быть записаны в земские книги в течение определенного времени. Операции должны были подтверждаться судом, оформляться записями воеводы или старосты, выписками, которые в этом же году должны быть перенесены в земские книги. Условием признания сделки недействительной являлось отсутствие переноса записи.

Регламентировалась продажа недвижимости, находящейся в определенном месте, которая должна была осуществляться после объявления в ураде и земском суде, что служило подтверждением правомочности такой сделки. Устанавливалась обязанность покупателя тотчас взять «возного с уряда поветового увойти в держанье и того имения» (вступить в права); если в права не вступил и 10-летний срок земской давности не сообщал о сделке, то такая продажа силы иметь не будет.

В 1588 году были выделены виды имений, гарантированы права собственности. Определена возможность коммерческого использования недвижимости всеми сословиями шляхетского народа (свободно и по своему усмотрению «отдать, продать, поменять, подарить, поменять и на церковь передать, за долги передать и в суммах заложить»). Объекты недвижимого имущества классифицировались как движимые и недвижимые (лежащие). Были установлены штрафы за использование чужой собственности, регулировались сделки займа, залога и аренды и порядок их записей [5].

Интенсивное развитие отношений недвижимости приходится на период нахождения белорусских земель в составе Российской империи (1772—1917). В 1714 году появляется термин «недвижимость» [6]. Все земельное владение становилось недвижимым имуществом. Имущество разделялось на недвижимое и движимое. Существующие типы землевладения (поместье и вотчина) сменились на единое — недвижимое имущество. Причиной такой замены является изменение социальной структуры, возникшей после проведенных Петром I реформ армии и системы управления. Реформа размывала разницу между боярами и дворянами. Бояре владели родовыми земельными вотчинами, могли использовать землю по своему собственному усмотрению, дворяне же наделялись земельными участками за службу. Бояре являлись финансово независимыми в силу преимущества, обеспеченного вотчинным землевладением. Реформа Петра I привела к поглощению боярской аристократии, что и определило необходимость выстроить новый порядок земельного владения. Указ был направлен на предотвращение дробления земельного владения как способа обеспечения бесперебойной уплаты всех надлежащих податей в казну государства (так как неразделенное владение не будет нищать). Основная цель земельного участка — обеспечить стабильный доход государству. Введенный принцип единонаследия призван обеспечить сохранение и рост благо-

состояния дворян. Запрещалось делить вотчины между наследниками, чтобы предотвратить дробление, которое могло привести к убыточному использованию земли. Убыточную землю можно было использовать в качестве залога, но обеспечить выполнение обязательств она уже не могла.

Изменилась значимость государственной службы, она стала необходимой, что вынуждало наследников идти на службу, обеспечивая сохранение владения.

Помещичий комплекс мог функционировать эффективно только как единый комплекс. Указом Петра I было определено, что недвижимость по наследству переходит одному сыну, а движимое имущество — остальным наследникам, что нарушало эффективное функционирование комплекса.

В 1832 году впервые давалась расширенная классификация объектов:

1. Движимое и недвижимое имущество. Для определения недвижимого имущества используется принцип перечисления, к нему отнесены земля, угодия, деревья, дома, заводы и фабрики, строения и пустые дворовые места. К движимому имуществу отнесены мореходные и речные суда, книги, картины, рукописи и в целом все предметы искусства, экипажи, землевладельческие орудия, инструменты, лошади, скот и пр.

2. Населенная и ненаселенная земля.

3. Неразделимое и делимое недвижимое имущество. Фабрики, заводы и лавки отнесены к неразделимому недвижимому имуществу. Эта классификация создает основу для оценки стоимости недвижимого имущества.

4. Два режима недвижимого имущества: благоприобретенное и родовое [7].

Принадлежностью земли становились реки, озера, болота, мельницы, церкви, пруды, гати, плотины, мосты, металлы, минералы и иные ископаемые, принадлежностью дома — полы, камины, внутренняя и наружная отделка. К принадлежностям населенных земель отнесены стоящие на них церковные строения, господские и крестьянские дома, дворы, мельницы, мосты, перевозки и пр. Принадлежности городского дома: двор, надворные строения, конюшня, сад и т. д. К принадлежностям фабрик и заводов отнесены все заводские строения, посуда и инструменты, деревни и крестьяне, земля и леса, покосы, руды и все ископаемые (конкретизируются отношения, связанные с коммерческой недвижимостью).

Введение понятия «принадлежность» позволяло устанавливать правовые режимы сделок. Движимые вещи, являющиеся принадлежностями, могли быть арестованы, проданы с торгов тогда, когда они могли быть фактически отделены без особого ущерба и при отсутствии другого движимого имущества. При приобретении главной вещи возникало право собственности на принадлежность, если иное не было прямо установлено сторонами, так как в общем случае принадлежность (возможно, движимость) использовалась так, как главная вещь (возможно, недвижимость).

Для подтверждения принадлежности необходимо было ориентироваться на соответствующие документы (устанавливается система государственной регистрации).

Трансформация отношений собственности акцентирует внимание на том, что изменения в праве касаются не только объектов, но и самих отношений между собственниками, что может подразумевать необходимость этического подхода к управлению имуществом.

С 1917 года произошли изменения в структуре владения землей и недвижимостью за счет отмены помещичьей собственности. Вся недвижимость (помещичьи имения, равно как и все земли (удельные, монастырские, церковные) со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями) переходила в собственность государства (национализация). Была отменена частная собственность и отчуждены все земли безвозмездно в пользу государства. Была конфискована недвижимость, которая выполняла коммерческую функцию (конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства) [8].

Был установлен полный контроль за землей и объектами (в том числе выполняющими коммерческие функции), усиление государственного сектора экономики.

Все принятые правовые документы исследуемого периода касались глобальных изменений в экономической и правовой системах. Были остановлены сделки купли-продажи, залога недвижимости и земель в городах в целях обобществления всей городской земли. Отменена частная собственность на все земельные участки, что ликвидировало классовую систему владения землей. Введен критерий отмены частной собственности на строения в городских поселениях, в частности, в городских поселениях с числом жителей свыше 10 000, стоимость или доходность которых вместе с землей выше предела, установленного органами местной власти. Налогообложение утратило свое значение в связи с ликвидацией частной собственности, запретом предпринимательской деятельности. Источником доходной части становилась городская недвижимость.

Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 года «Об отмене наследования» использует понятия «движимое имущество» и «недвижимое имущество», однако трактовок нет [9].

С 1920 года признавалась важность инвестиций для экономического развития и восстановления производительных сил за счет привлечения средств иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций других государств к делу добывания и переработки природных богатств России [10]. Наличие большого объема естественных богатств при отсутствии капитала и технологий для его разработки определяло возможность привлечения иностранного капитала. В целях привлечения инвестиций определялось использование концессий как экономического инструмента. Правительство располагает конкретными предложениями о предоставлении концессий по разработке лесных и земельных богатств, организации отдельных предприятий промышленности. Концессионерам обещано вознаграждение долей продукта, получение торговых преимуществ при условии применения особых технических усовершенствований, более продолжительные сроки концессии, имущество концессионера не будет подвергаться национализации, конфискации, реквизиции. Нанимать рабочих и служащих можно было на территории РСФСР, что создавало основу улучшения социально-экономической ситуации в стране.

Критерием национализации всех промышленных предприятий, находящихся во владении частных лиц или обществ, стало наличие числа рабочих свыше 5 при механическом двигателе, 10 — без механического двигателя.

В 1921 году собственники немунICIPализированных строений получили право возмездного отчуждения этих строений.

С 12 декабря 1921 года давалась возможность издательствам иметь собственные типографии, конторы, редакторские и прочие кабинеты, склады, магазины и пр. [11].

С 2 декабря 1921 года устанавливался порядок отношений с двумя видами недвижимости: торгово-промышленные и складочные помещения [12]. Инструментом сдачи объектов являлись торги, для проведения которых формировалась комиссия. Первоочередное право закреплялось за государственными объединениями. Объекты могли быть переданы в аренду, если на них не поступило требование от государственных учреждений, профессиональных союзов или кооперативных объединений рабочих и служащих. В состав комиссии включались представители: по одному от Коммунального отдела, Финансового отдела, местного отделения Рабоче-крестьянской инспекции. Председателем комиссии являлся представитель Коммунального отдела. Устанавливался тариф-минимум, который использовался при сдаче, что являлось попыткой государства регулировать ставки аренды на коммерческую недвижимость и обеспечить доступность аренды. Прозрачность процесса обеспечивалась осуществлением торгов в определенном помещении с формированием списков, в которые должны были быть внесены все объекты. Списки необходимо было вывешивать за две недели до торгов на видном месте. Определена необходимость обеспечения ежедневного доступа для изучения предназначенных к сдаче объектов или участков земли заинтересованными лицами. Частные граждане допускались к торгам при наличии трудовой книжки или другого вида на жительство, кооперативные организации — документов о соответствующей регис-

трации и персонального уполномочия лица, участвующего в торгах. Все участники должны представить справки местного Отдела управления о праве производства торговли или от местного Совета народного хозяйства о разрешении производства и квитанции о приеме залога в размере 20 % предлагаемой годовой арендной платы. Регламент процесса торгов включал подачу заявлений в закрытых конвертах с указанием в них арендной платы и других условий найма, возможность проведения переторжки в виде устного аукциона, в том случае если предложенные цены по решению комиссии будут признаны недостаточными. На переторжке начальная цена устанавливалась равной высшей предложенной ранее. Переторжка назначается по истечении двух недель со дня первоначальных торгов с соблюдением всех правил.

Устанавливались приоритетные права для профессиональных союзов, кооперативных организаций и старых съемщиков помещений в случаях одновременного предложения на торгах наивысшей платы несколькими соискателями одновременно. В случае, если торги на какое-либо помещение или участок земли не могли состояться за отсутствием соревнующихся, Коммунальный отдел имеет право сдать их лицам и организациям по своему усмотрению на условиях и по ценам по взаимному соглашению. Недействительными торги могли быть признаны, если: а) в силу стачки соревнующихся повышение предложенных цен стало невозможным; б) торги начались ранее назначенного для них времени; в) кто-либо неправильно был отстранен от торгов. Определялись финансовые аспекты: требование внесения арендной полугодовой платы в течение трех дней в кассу местного финансового отдела. Арендная плата исчислялась в довоенных рублях. Государственные предприятия и учреждения при вносе арендной платы рассчитывались с коммунальными отделами путем оборотных перечислений. В случае отказа лиц и учреждений от заключения договора на условиях, предложенных на торгах, внесенные ими залоговые суммы утрачивались. Остальным участвовавшим в торгах лицам и учреждениям залоговые суммы возвращались в семидневный срок. Договор заключался со съемщиком на срок не выше трех лет. В договоре прописывались обязанности съемщика: производить разные виды ремонта, уборку и очистку помещения и прилегающих к нему тротуаров и мостовой с соблюдением всех требований местной санитарной инспекции и Отдела здравоохранения; платить налоги и расходы, вызываемые особенностями торгового предприятия (за излишний расход воды, электричества, газа и т. п.).

С 22 мая 1922 года всем гражданам было предоставлено право «организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами, с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда» [13].

Гражданам были предоставлены вещные права, в частности, право собственности на немунципализированные местными советами строения в городских и сельских местностях с правом отчуждения таких строений и с передачей покупщику арендного права на земельный участок, занятый отчужденными строениями.

Гражданам также было разрешено право заключения различных договоров, в том числе купли-продажи и товарищества (простого, полного, на вере, акционерного), т. е. разрешалась предпринимательская деятельность.

Устанавливалось право собственности на движимое имущество, заключающееся в фабрично-заводских, торговых и промышленных предприятиях, могущих находиться в частном обладании, орудиях, средствах производства, продуктах сельскохозяйственного производства и промышленности, товарах, не изъятых из частного оборота, денежных капиталах, предметах домашнего обихода, хозяйства, предметах личного потребления, т. е. предприятия признавались движимым имуществом.

С 30 октября 1922 года определено, что все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность Рабоче-крестьянского государства.

С 1 января 1923 года вводится в действие Гражданский кодекс РСФСР, который исследователи называют феноменом публично-частного права [14].

Регулирование в отношении земли остается прежним: земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота. Владение землей допускается только на правах пользования.

Вводится три вида собственности на иные объекты: а) государственная (национализированная и муниципализированная); б) кооперативная; в) частная.

Исключительно в государственной собственности могут находиться: земля, недра, леса, воды, железные дороги общего пользования, их подвижной состав и летательные аппараты.

Предметом частной собственности могут быть: немунципализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами.

Товарищества создаются для достижения общей хозяйственной цели. Вкладом может быть имущество, прибыль может распределяться для достижения цели.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное исследование демонстрирует эволюцию правовых норм, которые выступают основой регулирования отношений недвижимости. Установлено, что недвижимость всегда являлась объектом правового регулирования в контексте политического и экономического развития страны. Недвижимость использовалась как инструмент для решения задач государства, соответствующих историческому этапу развития. На протяжении всего анализируемого периода для идентификации недвижимости использовался принцип перечисления, выделялось движимое и недвижимое имущество. Недвижимость использовалась для укрепления социальной структуры и поддержания стабильного строя (за счет регламентации прав наследования, возможности разделения недвижимости и пр.) Коммерческий характер использования был присущ ей всегда. Так, начиная с ВКЛ, недвижимость могла быть продана и передана в залог.

С развитием Российской империи законодательство о недвижимости продолжало эволюционировать, подстраиваясь под новые вызовы. Государство использовало недвижимость (землю в том числе) как способ сохранения ресурсов и средство обеспечения стабильного денежного потока. Недвижимости придавалась стимулирующая роль, что подтверждает ее значимость в экономических отношениях. Возможность коммерческих операций с недвижимостью вызывала необходимость создания системы регистрации недвижимости.

В период реализации социалистической программы большевиков через Декрет о земле следует обратить внимание на два вида последствий:

- экономические — изменение структуры собственности в стране и перераспределение ресурсов;
- социальные — перераспределение богатства и изменение социального статуса отдельных групп населения.

Государство всегда использовало тот факт, что недвижимость — это важнейший источник дохода даже в условиях полного отсутствия частной собственности. За счет развития концессии обеспечивалось использование государственной советской недвижимости под коммерческие цели, что решало задачу пополнения бюджета, привлечение иностранных инвестиций и инноваций, создание рабочих мест. С одной стороны, регулирование использования недвижимости становилось средством государства взять под контроль экономические ресурсы и доходы. С другой стороны, использование недвижимости обеспечивало получение стабильного дохода.

Объектом регулирования государства был не сам рынок коммерческой недвижимости, а недвижимость выступала инструментом административных методов, используемых государством. Так, через определение того, что в руках одного лица может сосредотачиваться не более одного владения, понимая под владением дом и примыкающие к нему жилые и служебные

дворовые постройки, с одной стороны, упрощался процесс отчуждения, что позволяло гражданам несколько исправить свое финансовое положение за счет продажи, с другой — государство пыталось максимально взять под контроль владение имуществом в стране.

В условиях экономических сложностей государство давало возможность развивать частную инициативу, однако при определении необходимости получения разрешения на продажу государство снова участвовало в распределении экономических ресурсов. С 1921 года два вида коммерческой недвижимости — торгово-промышленные и складочные помещения, которые можно было получить в аренду. Развитие отношений в сфере недвижимости стало ответом на стимулирование предпринимательской инициативы граждан.

Заключение. История регламентирования отношений в области недвижимости отражает экономические и политические реалии и подтверждает выдвинутую автором гипотезу об особой роли недвижимости в экономической системе и необходимости проведения дальнейших исследований.

Статья подготовлена в рамках гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г23У-010 на выполнение научно-исследовательской работы от 02.05.2023).

Список цитируемых источников

1. *Де Соте, Э.* Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. Де Соте. — М. : Олимп-Бизнес, 2001. — 263 с.
2. *Клименко, В. А.* Рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития / В. А. Клименко // *Экономическая наука сегодня.* — 2016. — № 4. — С. 132—139.
3. *Вилке, Ф.* Предприятие в рыночной экономике / Ф. Вилке. — Шверте, 1994. — 235 с.
4. Статут Великого Княжества Литовского 1566 г. — Минск, 2024. — URL: <http://litopys.org.ua/statut2/-st1566.htm> (дата обращения: 15.10.2024).
5. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. — Минск, 2024. — URL: https://pravo.by/upload/pdf/-ramjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 24.10.2024).
6. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах : Указ Петра Первого от 23 марта 1714 г. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/inherit.htm> (дата обращения 01.09.2024).
7. Свод Законов Российской империи 1832 года : утв. Манифестом от 31 янв. 1831 г. — URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 07.10.2024).
8. О земле : Декрет В. И. Ленина от 26 окт. 1917 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/-kanstytutsyuna-prava-belarusi/akty-rsfsr-adnosna-belarusi-1917-1918-gg/dekret-o-zemle-napisannyu-v-i-leninym-prinyatyuu-ii-vserossiyskim-sezdom-sovetov/> (дата обращения: 25.10.2024).
9. Об отмене наследования : Декрет ВЦИК от 27 апр. 1918 года // Декреты советской власти. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-27.htm> (дата обращения: 02.10.2024).
10. Экономические и юридические условия концессий : Декрет СНК от 23 нояб. 1920 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/-pomniki-gistoryi-prava-belarusi/gaspadarchae-prava-belarusi/gaspadarchae-prava-savetski-peryud/dekret-snk-ot-23-noyabrya-1920-g-obshchie-ekonomicheskie-i-yuridicheskie-usloviya-kontsessiy/> (дата обращения: 30.09.2024).
11. О частных издательствах : Декрет СНК №658 от 12 дек. 1921 года // Исторические материалы. — URL: <https://istmat.org/node/47022> (дата обращения: 19.09.2024).
12. Инструкция об оплате и порядке сдачи торгово-промышленных и складочных помещений : Декрет СНК от 2 дек. 1921 года // Электронная библиотека исторических документов. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350753-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-instruktsiya-ob-oplate-i-poryadke-sdachi-torgovo-promyshlennyh-i-skladochnyh-pomescheniy-2-dekabrya-1921-goda> (дата обращения: 29.10.2024).
13. Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР : Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 года // Электронная библиотека исторических документов. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/95795-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-osnovnyh-chastnyh-umuschestvennyh-pravah-priznavaemyh-rsfsr-ohranyaemyh-ee-zakonami-i-zaschischaemyh-sudami-rsfsr-22-maya-1922-g> (дата обращения: 19.09.2024).
14. Гражданский кодекс РСФСР : утв. постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 года // НИУ ВШЭ. — URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grk_22 (дата обращения: 27.10.2024).

Поступила в редакцию 26.04.2025.

УДК :330.342.24

К. И. Шарова, кандидат экономических наук, доцентУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи,
Республика Беларусь, kseniya86@mail.ru

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЕЕ РАЗВИТИИ

В статье рассмотрено понятие экономики знаний как основы постиндустриального развития, показана роль знаний, интеллектуальных ресурсов, технологий искусственного интеллекта в данном процессе. Определено, что в условиях глобальной цифровизации роль информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта в формировании экономики знаний становится определяющей. Выявлено, что Республика Беларусь, обладая высоким образовательным и научным потенциалом, а также динамичными показателями развития информационно-коммуникационных технологий, стремится к переходу от индустриальной модели к экономике, основанной на знаниях. В процессе исследования сделан вывод, что переход к экономике знаний предполагает проникновение знаний в качестве ресурса во все направления хозяйственной деятельности общества и расширения использования технологий искусственного интеллекта в данном процессе.

Ключевые слова: знания; экономика знаний; искусственный интеллект; знаниеемкие услуги; информационно-коммуникационные технологии.

Рис. 1. Табл. 2. Библиогр.: 17 назв.

K. I. Sharova, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, kseniya86@mail.ru

KNOWLEDGE ECONOMY AND THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ITS DEVELOPMENT

The article examines the concept of the knowledge economy as the basis of post-industrial development, highlights the role of knowledge, intellectual resources, and artificial intelligence technologies in this process. It is established that in the context of global digitalization, the role of information and communication technologies and artificial intelligence in the formation of the knowledge economy becomes decisive. The study reveals that the Republic of Belarus, with its high educational and scientific potential, as well as dynamic indicators of the development of information and communication technologies, is striving to transition from an industrial model to a knowledge-based economy. The research concluded that the transition toward a knowledge economy entails the penetration of knowledge as a resource into all spheres of economic activity of society and the expansion of the use of artificial intelligence technologies in this process.

Key words: knowledge; knowledge economy; artificial intelligence; knowledge-intensive services; information and communication technologies.

Fig. 1. Table 2. Ref.: 17 titles.

Введение. Теоретико-методологические основы функционирования экономики и общества в целом в современной экономической литературе представлены большим количеством концепций. Выделяют следующие подходы к определению современного этапа социально-экономической действительности: постиндустриальное общество, информационная экономика, общество знаний, экономика знаний, новая экономика, инновационная экономика и др. Все они базируются на росте производства и значимости знаний, интеллекта, инноваций, информационных технологий как основополагающих ресурсах современного типа народного хозяйства. Знания, воплощённые в инновациях, высокотехнологичном производстве и услугах, становятся главным фактором экономического роста. Искусственный интеллект усиливает этот процесс, трансформируя производство, образование и услуги, создавая новые профессии и повышая производительность. Это обуславливает функционирование инновационных высокотехнологичных производств, проведение серьезных теорети-

ческих исследований, предшествующих инновационным разработкам и открытиям. Революция в открытии и масштабном использовании искусственного интеллекта только подтвердила тезис о том, что современная мировая экономика движется в направлении становления экономики знаний.

Материалы и методы исследования. Теория экономики знаний анализируется различными отечественными и зарубежными учеными и исследователями, такими как Д. Белл, П. Друкер, М. Кастельс, А. Турен, Ф. Махлуп, В. Л. Иноземцев, М. В. Кудина, А. В. Бондарь. В рамках их исследований приводится обоснование интеллектуального капитала в качестве важнейшего ресурса современного общества, выявляются проблемы развития белорусской экономики в условиях становления постиндустриального общества. Однако научные проблемы отражения искусственного интеллекта как фактора системы общественного производства экономики знаний в современной литературе должного отражения не нашли.

В данной статье используются общенаучные методы исследования. Информационной базой послужили научные труды и статьи современных отечественных и зарубежных ученых, материалы государственных статистических органов Республики Беларусь, данные международных организаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Термин «экономика знаний» впервые встречается в работах Ф. Махлупа, который выделял производство и распространение знаний в ключевой сектор экономики [1]. Данное определение в узком плане представляет собой совокупность экономических секторов, специализирующихся на информационных и телекоммуникационных технологиях и представленных следующими основными направлениями: производство средств программного обеспечения и сопутствующих услуг, связанных с техническим обслуживанием; производство аппаратных средств и комплектующих; производство и обслуживание средств коммуникации. В таком контексте термин «экономика знаний» часто отождествляется с терминами «информационная экономика» и «новая экономика». В современной литературе, а также в статистических изданиях Республики Беларусь данный сектор правомерно определяется как «цифровая экономика».

В то же время «экономику знаний» сегодня логично рассматривать в контексте типа экономики в целом, который присущ стране, где знания и интеллектуальный капитал становятся определяющими источниками роста. При этом «экономика знаний» коррелирует с категориями «общество знаний», «информационное общество», «постиндустриальное общество».

В 1993 году П. Друкер вводит термин «общество знаний», подчеркивая возрастающую роль в нем интеллектуального капитала [2].

Д. Белл рассматривает постиндустриальное общество, в котором доминирует сектор услуг, а производственными ресурсами выступают информация и знания [3]. В. Л. Иноземцевым сделан вывод о роли науки и знаний в развитии современного производства и формировании новых качеств работника [4, с. 28].

На кодифицированных знаниях в форме информации базируется концепция информационного общества, утверждающая доминирование производства информационного продукта над производством материальных ценностей [5; 6].

В целом можно отметить, что в основу всех вышеназванных концепций современного этапа общественной динамики положена гипотеза об исключительной роли интеллектуализации, знаний и информации, образования и науки в современном мире [7; 8].

М. В. Кудина экономику знаний трактует как высший этап развития постиндустриальной (инновационной) экономики, где и фактором, и целью развития и роста становятся знания и человеческий капитал, и далее подчеркивает, что их развитие осуществляется в диалектическом единстве [9, с. 32].

Как высшую ступень инновационной экономики рассматривает ее и Н. И. Хасанхонова. Она уточняет, что инновационная экономика использует знания для создания новых про-

дуктов и технологий, а экономика знаний обеспечивает ресурсы и инфраструктуру для поддержки инновационной деятельности. Вместе они образуют основу для устойчивого экономического роста и развития [10, с. 467].

А. В. Бондарь считает, что в современном мире благосостояние стран определяется созданием, распределением, обменом и эффективным потреблением знаний, а человеческий капитал в качестве важнейшего фактора, который все в большей мере базируется на интеллекте и обеспечивает динамику этого процесса, вышел на передовые позиции в системе факторов производства. Отличительными особенностями сегодняшнего уровня развития экономики знаний являются возвышение роли науки и расширение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, динамичное развитие сферы информационно-коммуникационных технологий, перевод многих отраслей экономики в цифровую форму и создание новых, высоких технологий [11, с. 83].

Закономерным продолжением данных процессов является возникновение и развитие технологий искусственного интеллекта как результата эффективного функционирования человеческого интеллектуального капитала. Знания воплощаются в искусственный интеллект, который, автоматизируя процессы, создавая новые бизнес-модели и анализируя большие данные, начинает занимать центральное место в экономике знаний и даже является ее катализатором.

Факторы производства в экономике знаний трансформируются, значительную долю начинают занимать нематериальные активы, интеллектуальный капитал, человеческий и искусственный интеллект. Причем искусственный интеллект выступает генератором повышения эффективности всех факторов производства. Как следствие, повышается доля интеллектуального труда и знаниеемких услуг.

Таким образом, интеллектуальный человеческий капитал в сочетании с искусственным интеллектом становится основополагающим фактором общественного производства экономики знаний.

Как верно отмечено, для создания искусственного интеллекта необходим достаточно объемный и высококачественный человеческий и структурный интеллектуальный капитал, при этом развитый искусственный интеллект в рамках национальной экономики превращается в структурный интеллектуальный капитал, хотя выступает в качестве ключевого фактора производства, позволяющего получать доход его владельцам [12, с. 49].

Более того, искусственный интеллект трансформирует ключевые элементы экономики знаний. Так, искусственный интеллект способен анализировать большие данные, что может способствовать ускорению научных исследований в различных областях и способствовать ускоренному производству знаний. Чат-боты с искусственным интеллектом, аналитические платформы и системы автоматизации повышают доступность и качество услуг в финансах, маркетинге и здравоохранении, также способствуя росту знаниеемкости услуг и становлению экономики знаний.

Внедрение искусственного интеллекта и формирование экономики знаний, несомненно, повлекут за собой значительные изменения характера труда и структуры рабочей силы. Искусственный интеллект порождает новые профессии, однако требует переобучения тех работников, чьи навыки устаревают. В соответствии с концепцией П. Друкера “knowledge workers” (например, разработчики нейросетей, аналитики данных) становятся основой экономики знаний. Эти специалисты способны работать удаленно, имея лишь технологическую базу и объем накопленных знаний в определенной области. Такие работники получают больший доход или отдачу от своего интеллектуального капитала. Это расходится с представлениями о традиционных специалистах, которые могут на протяжении всей жизни не обновлять знания, полученные традиционной системой образования. Развитие искусственного интеллекта и новых технологий диктуют необходимость постоянного обновления и реструктуризации знаний.

Более того, в современном мире под «работниками знаний» подразумеваются работники, владеющие искусственным интеллектом, использующие его как инструмент. Как было отмечено, они становятся основным фактором общественного воспроизводства. При этом современная система образования, переобучения и переквалификации должна быть адаптирована к стремительным изменениям в области информационных технологий, что порождает изменения в структуре рабочей силы, позволяет готовить новых специалистов, востребованных в современных условиях, и переобучать тех работников, чьи профессии останутся невостребованными [13].

Становление экономики знаний целесообразно рассматривать с точки зрения динамики информационных и цифровых технологий, образования, науки, инноваций — сфер экономики, использующих знания и интеллектуальный капитал в качестве основополагающего ресурса.

Развитие информационных технологий в Республике Беларусь происходит довольно динамично. Так, доля экспорта услуг сектора информационно-коммуникационных технологий в общем объеме экспорта услуг перманентно растет, также стоит отметить и повышение доли добавленной стоимости сектора информационно-коммуникационных технологий как в валовом внутреннем продукте страны, так и в валовой добавленной стоимости в целом по экономике.

В Республике Беларусь число организаций цифровой экономики динамично повышается (таблица 1).

Число организаций цифровой экономики за период с 2019 по 2023 год выросло на 840 единиц, а организаций цифровой торговли — на 652 единицы. Иностраные инвестиции, поступившие в организации цифровой экономики, выросли с 505 млн дол. США в 2011 году до 828,9 млн дол. США в 2023-м [14].

Удельный вес розничного товарооборота интернет-магазинов в розничном товарообороте организаций торговли за период 2013—2023 годов вырос с 1,5 до 8,1 % [14].

Растет доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, число пользователей и количество абонентов беспроводного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (с 45,5 в 2019 году до 103,3 в 2023 году).

Удельный вес населения в возрасте 6—72 лет, имеющего доступ к сети Интернет, повысился с 2013 года в 1,5 раза и составил на 2024 год 94,3 % (рисунок 1).

Высокие показатели доступа в Интернет свидетельствуют о сформированной базе для цифровой трансформации и построения экономики знаний.

Количество оказанных электронных услуг и административных процедур посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы на 100 человек населения увеличилось с 60 единиц в 2019 году до 1 401 единицы в 2023-м [14].

Т а б л и ц а 1. — Динамика показателей развития цифровой экономики в Республике Беларусь в 2019—2023 годах

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Число организаций цифровой экономики — всего	6 967	7 045	7 193	7 368	7 807
В том числе:					
сектор информационно-коммуникационных технологий	5 202	5 341	5 412	5 437	5 415
сектор контента и средств массовой информации	988	999	978	961	963
цифровая торговля	777	705	803	969	1 429

Примечание — Источник: [14].

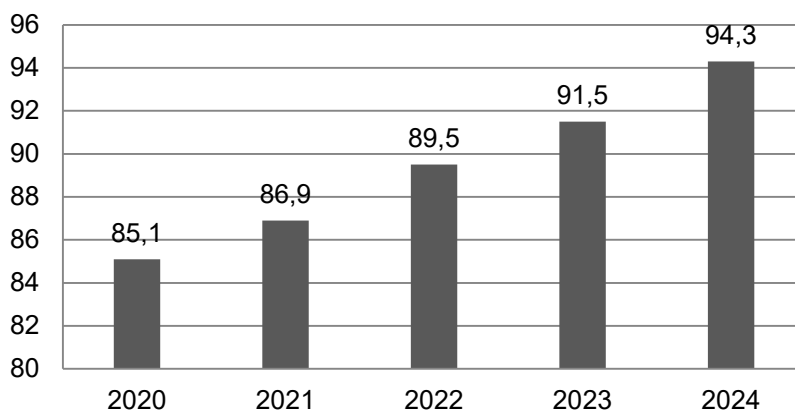

Рисунок 1. — Удельный вес населения, использующего сеть Интернет в Республике Беларусь в 2020—2024 годах, %

Примечание — Источник: собственная разработка на основе данных [14].

В то же время при общем повышении охвата населением информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет повышение реальной цифровой грамотности происходит пока не столь внушающими темпами. Так, удельный вес населения, использующего сеть Интернет для осуществления финансовых операций (для оплаты товаров, услуг, перевода денег и т. д.), составляет 56,1 %; удельный вес населения, использующего сеть Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления, в том числе получения информации, составляет лишь 32,2 % [14].

Белорусский сектор информационных технологий делает успехи и в развитии искусственного интеллекта. Резиденты Парка высоких технологий разрабатывают продукты для зарубежных рынков: системы компьютерного зрения, обработки естественного языка и предиктивной аналитики. Например, белорусские стартапы создают решения искусственного интеллекта для здравоохранения (диагностика заболеваний) и ритейла (персонализация предложений).

Развитие информационно-коммуникационных технологий и высокая доля образованного населения Республики Беларусь позволили занять 50-е место в индексе знаний в 2024 году (таблица 2).

Однако стоит отметить, что по индексу развития экономики знаний позиция Республики Беларусь снизилась в 2024 году до 81-го места. Индекс развития в информационно-коммуникационных технологиях в Республике Беларусь находится на довольно высоком уровне: в 2024 году он составил 88,5 и вырос по сравнению с предыдущим годом на 1,6 п. п.

Именно этот потенциал и следует использовать для развертывания процессов построения экономики знаний.

Проблемы полномасштабного становления экономики знаний в нашей стране на сегодня видятся в недостаточной популяризации технологий искусственного интеллекта среди населения, а также недостаточной подготовке кадров для работы с технологиями искусственного интеллекта. В данном ключе целесообразным представляется повышение цифровой грамотности через популяризацию нейросетей через средства массовой информации и образовательные программы, запуск национальных проектов по обучению населения работе с сервисами искусственного интеллекта (например, финансовыми приложениями или госуслугами).

Этому также будет способствовать масштабная интеграция искусственного интеллекта в сферу образования, включая внедрение дисциплин по искусственному интеллекту и программированию в школьные и вузовские программы, а также развитие онлайн-платформ с персонализацией с использованием искусственного интеллекта для переобучения работников.

Т а б л и ц а 2. — Место Республики Беларусь в международных рейтингах в 2024 году

Показатель	Место	Индекс
Глобальный индекс знаний	50	51,4
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий	52	88,5
Индекс готовности к электронному правительству	77	0,7445
Индекс экономики знаний	81	48,9

Примечание — Источник: [15—17].

В целом перспектива развития экономики знаний предполагает не только развитие цифровой экономики и сектора информационно-коммуникационных технологий, но и расширение цифровизации традиционных секторов, стимулирование внедрения искусственного интеллекта в сельское хозяйство (например, системы точного земледелия) и промышленность (автоматизация процессов), увеличение доли электронных услуг в госсекторе, масштабная цифровизация всех знаниеемких услуг.

Заключение. Экономику знаний целесообразно рассматривать не в качестве определенного сектора экономики, а как тип экономики страны, в котором знания выступают именно в качестве ресурса. Знания в том или ином виде лежат в основе любого общества, в современном мире трудно представить экономику, которая не стремится развивать информационно-коммуникационные технологии и не базируется на инновациях. Однако переход к экономике знаний предполагает более глобальный процесс проникновения знаний в качестве ресурса во все направления хозяйственной деятельности общества и расширения использования технологий искусственного интеллекта в данном процессе. Знания, создаваемые сферой образования и науки, обуславливают функционирование высокотехнологичных производств с использованием робототехники и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект повышает оперативность и доступность оказания образовательных, медицинских, банковских и других видов услуг. Одновременно создаются стимулы к повышению компьютерной, финансовой, юридической, медицинской, цифровой грамотности жителей страны.

Экономическая политика государства, направленная на развитие экономики знаний, включает в себя мероприятия по созданию интеллектуальной среды, стимулирования научной активности, внедрения знаний и искусственного интеллекта во все сферы экономики.

Список цитируемых источников

1. *Machlup, F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. — Princeton : Princeton University Press, 1962.
2. *Drucker, P. F.* Age of social transformation / P. F. Drucker // The Age of Social Transformation. — 1994. — Vol. 274, no. 5. — P. 53—80.
3. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — 956 с.
4. *Иноземцев, В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : учеб. пособие / В. Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 302 с.
5. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : Высш. шк. экономики, 2000. — 608 с.
6. *Porat, M. U.* The Information Economy: development and measurement / M. U. Porat. — Washington : U. S. Dept. of Commerce, 1977. — 249 p.
7. *Masuda, Y.* The information society as post-industrial society / Y. Masuda. — Tokyo : Inst. for the Inform. Soc., 1980. — 171 p.
8. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. — М. : АСТ, 2010. — 795 с.
9. *Кудина, М. В.* Инновационная экономика : учебник / М. В. Кудина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. — 272 с.

10. Хасанхонова, Н. И. Экономика знаний как высшая ступень развития инновационной экономики / Н. И. Хасанхонова // *Yashil iqtisodiyot va taraqqiyot*. — 2023. — № 10. — URL: <https://yashil-iqtisodiyot-taraqqiyot.uz> (дата обращения: 20.05.2025).
11. Бондарь, А. В. Трансформация человеческого капитала в экономике знаний / А. В. Бондарь // *БЭЖ*. — 2023. — № 4. — С. 83—92.
12. Бондарь, А. В. Интеллектуальный капитал в экономической системе / А. В. Бондарь, Н. А. Жебеняева, Э. Хостилович // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета* / редкол.: В. Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГЭУ, 2019. — Вып. 12. — С. 47—55.
13. Рябова, К. И. Особенности развития экономики знаний в Республике Беларусь // К. И. Рябова // *Вестник БГЭУ*. — 2020. — № 5. — С. 29—35.
14. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь / Официальная статистика // *Информационно-коммуникационные технологии*. — URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10306000003> (дата обращения: 20.05.2025).
15. Measuring digital development — ICT Development Index / International Telecommunication Union : [сайт]. — URL: https://www.itu.int/hub/publication/D-IND-ICT_MDD-2024-3/ (дата обращения: 20.05.2025).
16. Исследование ООН: электронное правительство / Департамент по экономическим и социальным вопросам. — URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey-%202024%20RUS-compressed.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
17. Global Knowledge Index / United Nations Development Programme. — URL: https://knowledge4all.com/admin/2024/Methodology/GKI_Methodology_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

Поступила в редакцию 02.06.2025.

УДК 378.1; 331.5

М. А. Щёткина¹, кандидат социологических наук, доцент,
В. В. Климук², кандидат экономических наук, доцент

¹Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17,
220007 Минск, Республика Беларусь

²Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь

НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ: НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В работе проведен литературный обзор по тематике развития научного потенциала молодёжи. Представлены нормативные правовые акты, обеспечивающие правовое регулирование в сфере научной деятельности. Проанализированы основные показатели научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь за 2019—2023 годы. Представлены основные инструменты стимулирования научно-исследовательской, инновационной активности молодёжи в Республике Беларусь. Приведен поэтапный процесс включения молодёжи в научно-исследовательскую и инновационную деятельность, комплекс мероприятий по дальнейшему развитию научного потенциала молодёжи на примере учреждения образования «Барановичский государственный университет».

Ключевые слова: научный потенциал молодёжи; научно-исследовательская активность молодёжи; научная и инновационная деятельность; инструменты стимулирования.

Рис. 6. Табл. 1. Библиогр.: 23 назв.

M. A. Shchetkina¹, PhD in Sociology, Associate Professor,
V. V. Klimuk², PhD in Economics, Associate Professor

¹Research Institute of Theory and Practice of Public Administration
of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus

²Institution of Education “Baranavichy State University”,
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy, the Republic of Belarus

DIRECTIONS OF FURTHER DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL OF YOUTH: ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

In the paper a literature review on the development of scientific potential of youth is carried out. Normative legal acts providing legal regulation in the sphere of scientific activity are presented. The main indicators of scientific and innovation activity in the Republic of Belarus for 2019—2023 are analyzed. The main tools for stimulating scientific research and innovation activity of youth in the Republic of Belarus are presented. A step-by-step process of involving young people in scientific research and innovation activity and a set of measures for further development of scientific potential of youth on the example of the institution of education “Baranovichi State University” are presented.

Key words: scientific potential of youth; scientific research activity of youth; scientific and innovative activity; stimulation tools.

Fig. 6. Table 1. Ref.: 23 titles.

Введение. Развитие научного потенциала молодежи направлено на стимулирование научно-исследовательской активности, разработку научно-технических проектов, результатами реализации которых является наукоемкая, высокотехнологичная продукция, обеспечивающая повышение конкурентоспособности.

В работе А. Г. Рихтиковой [1] рассматриваются особенности реализации научно-инновационного потенциала молодежи и инструменты реализации данного направления на республиканском и региональном уровнях. В работе Е. П. Сапелкина [2] представлена

структурно-функциональная блок-схема институтов формирования и реализации инновационного потенциала молодежи в Республике Беларусь. И. Н. Шарым рассмотрены особенности мотивов поступления в аспирантуру [3].

В целях вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу С. В. Кузьмина, Е. Г. Сайкина, А. М. Фокин [4] предлагают использовать инновационные формы проведения научных мероприятий («Научное шоу», «Научный квест» и др.). В работе О. В. Шинкарёвой с помощью метода анкетирования студентов выявлены факторы, которые могут способствовать активизации научно-исследовательской деятельности студентов [5].

Механизм вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу и инструменты для оценки эффективности данного процесса представлены в работе Е. А. Печерской, Е. А. Савеленка, Д. В. Артамонова [6]. В работе В. Ю. Стримова, П. В. Сысоева [7] рассмотрены основные мероприятия в рамках векторов организации студенческой науки.

Методология и методы исследования. В качестве методов исследования использованы методы ретроспективного анализа, систематизации, анализа литературных источников, графические инструменты.

Представим нормативные правовые акты, обеспечивающие правовое регулирование в сфере научной деятельности.

Согласно ст. 32-1 Конституции Республики Беларусь, «государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества» [8].

Закон Республики Беларусь от 21.10.1996 № 708-ХІІІ (ред. от 17.07.2023) «О научной деятельности» направлен на создание благоприятных условий для осуществления научной деятельности, усиление государственной поддержки науки как необходимого условия экономического и социального развития Республики Беларусь, повышения интеллектуального и культурного уровней ее граждан, укрепления авторитета и независимости государства [9].

Закон Республики Беларусь от 07.12.2009 № 65-3 (ред. от 11.10.2024) «Об основах государственной молодежной политики» направлен на определение целей, принципов и основных направлений государственной молодежной политики как важного элемента государственной политики в области социального, экономического и культурного развития Республики Беларусь [10].

Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года является комплексным документом, закрепляющим систему официальных взглядов и подходов к совершенствованию условий для эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии Республики Беларусь до 2030 года [11].

Положением о порядке предоставления и выплаты грантов Президента Республики Беларусь в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики определяется порядок предоставления и выплаты грантов Президента Республики Беларусь в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики [12].

Гранты являются стимулирующей выплатой и предоставляются руководителям и специалистам организаций, осуществляющих деятельность в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики, внесшим значительный вклад в развитие соответствующей сферы и участвующим в научных исследованиях, инновационных проектах в соответствии с приоритетными направлениями научной, научно-технической и инновационной деятельности, молодежных проектах, имеющих преимущественное значение для реализации государственных программ и важнейших направлений социально-экономического развития Республики Беларусь, сроком на один год [12].

В целях социальной поддержки и поощрения обучающихся, а также повышения качества подготовки научных работников высшей квалификации, эффективности их научно-исследовательской деятельности подписан Указ Президента Республики Беларусь от

06.09.2011 № 398 (ред. от 25.10.2022) «О социальной поддержке обучающихся» (вместе с Положением о порядке назначения и выплаты стипендий Президента Республики Беларусь студентам, курсантам и аспирантам) [13].

В целях совершенствования деятельности специальных фондов Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, по поддержке талантливой молодежи подписан Указ Президента Республики Беларусь от 16.12.2022 № 429 «О деятельности специальных фондов Президента Республики Беларусь» (вместе с Положением о специальных фондах Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, по поддержке талантливой молодежи, Положением о поощрениях и оказании материальной поддержки специальных фондов Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, по поддержке талантливой молодежи, Положением о порядке формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи) [14].

В целях обеспечения концентрации государственных ресурсов на реализации наиболее важных и значимых направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности подписан Указ Президента Республики Беларусь от 01.04.2025 № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026—2030 годы» [15].

Закон Республики Беларусь от 19.01.1993 № 2105-ХП (ред. от 17.07.2023) «Об основах государственной научно-технической политики» является основополагающим в научно-технической сфере и предусматривает комплекс методов и средств участия государства в управлении научной и научно-технической деятельностью. Законом регулируются отношения, возникающие между государственными органами и субъектами научной и научно-технической деятельности в процессе формирования и реализации государственной научно-технической политики [16].

Порядок разработки, финансирования и выполнения государственных программ научных исследований закреплен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.08.2010 № 1196 (ред. от 28.06.2024) «О некоторых вопросах регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности» (вместе с Положением о порядке разработки, финансирования и выполнения государственных программ научных исследований) [17].

Стратегией Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года определяются основные направления совершенствования национальной системы интеллектуальной собственности, цели и задачи государственной политики в данной сфере, предусматривающие преобразование интеллектуальной собственности в действенный инструмент инновационного и социально-культурного развития Республики Беларусь [18].

В Стратегии «Наука и технологии: 2018—2040» определены приоритеты долгосрочного развития науки и технологий, а также комплекс инструментов совершенствования научно-технической сферы, которые обеспечат новое качество экономического роста Республики Беларусь и выход в перспективе на мировой уровень конкурентоспособности по ряду направлений [19].

В Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021—2025 годы определены основные направления деятельности республиканских органов государственного управления и иных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, государственных органов, непосредственно подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома по реализации государственной политики в области образования и молодежной политики [20].

Результаты исследования и их обсуждение. На 01.01.2024 численность молодежи в возрасте 14—30 лет в Республике Беларусь составляла 1 628 339 человек (17,8 % от общей численности населения). Представим распределение численности молодежи по областям и г. Минску (рисунок 1).

Представим топ-5 молодежных сфер деятельности в Республике Беларусь (рисунок 2).

Рисунок 1. — Численность молодежи в возрасте 14—30 лет по областям Республики Беларусь на 01.01.2024

Примечание — Источник: [21].

Рисунок 2. — Топ-5 молодежных сфер деятельности в Республике Беларусь

Примечание — Источник: [21].

Государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» в 2022 году были проведены республиканские социологические опросы в целях формирования социального портрета современной белорусской молодежи, включающего такие аспекты, как ценностное сознание (в разрезе его ключевых составляющих: патриотизм, образование, здоровье), а также присущий ей набор качеств и эмоциональное состояние. Представим распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие качества Вам присущи?» (рисунок 3).

Рисунок 3. — Распределение ответов на вопрос: «Какие качества Вам присущи?», % от числа молодежи

Примечание — Источник: [22].

Представим информацию по основным показателям научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь за 2019—2023 годы на основе статистического сборника «Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь» (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Основные показатели научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь за 2019—2023 годы

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Научеомкость ВВП, %	0,58	0,54	0,46	0,47	0,58
Количество исследователей на 1 млн жителей, чел.	1 896	1 780	1 754	1 780	1 871
Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности, %	16,6	17,9	19,8	17,7	22,2
Доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	35,6	38,3	36,5	37,5	39,5
Внутренние затраты на научные исследования и разработки в расчете на одного работника, занятого научными исследованиями и разработками, тыс. руб.	28	31	32	36	47
Кэффициент изобретательской активности (количество патентных заявок в расчете на 10 000 чел. населения)	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	27 735	25 622	25 644	25 233	26 738
Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг по организациям с основным видом деятельности «Научные исследования и разработки», %	19,3	19,8	23,7	26,5	35,8
Численность студентов, тыс. чел.	260,9	254,4	243	228	225,5
Численность магистрантов, тыс. чел.	11,9	9	12,3	10,6	10,3

Окончание таблицы 1

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Численность обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре), чел.	5 332	5 093	4 709	4 414	4 358
Выпущено из аспирантуры — всего	777	848	869	796	786
В том числе с защитой диссертации	79	71	55	67	45

Примечание — Источник: собственная разработка на основе данных [23].

В Республике Беларусь с 2021 по 2023 год ежегодно увеличивается показатель наукоёмкости ВВП, который в 2023 году составил 0,58 %. В 2023 году увеличился на 5,6 % к уровню 2019 года удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности и составил в 2023 году 22,2 %. Показатель доли экспорта увеличился в 2023 году до 39,5 %, что на 3,9 % больше уровня 2019 года.

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в расчете на одного работника, занятого научными исследованиями и разработками, в 2023 году составили 47 тыс. руб., что на 30,56 % выше прошлогоднего значения данного показателя. Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг по организациям с основным видом деятельности «Научные исследования и разработки» увеличилась в 2023 году на 9,3 % относительно уровня прошлого года и составила 35,8 %. Коэффициент изобретательской активности за период 2019—2023 годов составил 0,4.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в 2023 году увеличилась на 5,96 % относительно уровня прошлого года и составила 26 738 человек.

В 2023 году численность студентов, обучающихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, составила 225,5 тыс. человек, численность магистрантов — 10,3 тыс. человек, численность обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре) — 4 358 человек. В 2023 году из аспирантуры было выпущено 786 человек, в том числе с защитой диссертации — 45 человек [23].

В Республике Беларусь созданы все условия для развития научного, творческого потенциала молодежи, для всестороннего развития гражданина.

Представим основные инструменты стимулирования научно-исследовательской, инновационной активности молодежи в Республике Беларусь:

- гранты Президента Республики Беларусь в области науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики;
- конкурс по назначению стипендий Президента Республики Беларусь талантливым молодым учёным;
- конкурс по назначению стипендий Президента Республики Беларусь студентам, курсантам и аспирантам;
- конкурс научно-исследовательских работ докторантов, аспирантов, соискателей и студентов для их выполнения за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных Министерством образования Республики Беларусь на выделение грантов;
- конкурс на выполнение научно-исследовательских работ, направленных на научно-техническое обеспечение деятельности Министерства образования Республики Беларусь;
- республиканский конкурс инновационных проектов;

- конкурсы научно-исследовательских работ Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований;
- республиканский молодежный проект «100 идей для Беларуси»;
- республиканский конкурс научных работ студентов;
- конкурсы инновационных проектов (работ, мероприятий) для финансирования за счет средств инновационных фондов облисполкомов;
- конкурсы инновационных проектов на выделение финансирования Белорусского инновационного фонда.

Важной задачей в системе управления научной деятельностью в учреждении высшего образования выступает мониторинг и оценка эффективности научной деятельности в целях оперативного и стратегического анализа и принятия управленческих решений. Для решения данной задачи в БарГУ используется собственная разработка — информационный ресурс «Рейтинговая система оценки научной деятельности преподавателей и студентов университета», отражающий виды научной деятельности и активности профессорско-преподавательского состава, студенческой молодежи (с ранжированием и определением рейтинга).

В целях презентации инновационных, научно-технических, социально ориентированных идей, молодежных инициатив, поиска участников проектных команд, для успешной реализации представленных идей в БарГУ создана собственная разработка — информационный ресурс «Платформа инновационных идей». На данной платформе размещаются идеи с кратким описанием ее содержания с возможностью формирования команд на основе компетенций, интересов единомышленников и дальнейшей проработки данных идей, описания их жизненного цикла, продвижения и реализации данных идей.

Представим поэтапный процесс включения молодежи в научно-исследовательскую, инновационную деятельность на примере БарГУ (рисунок 4).

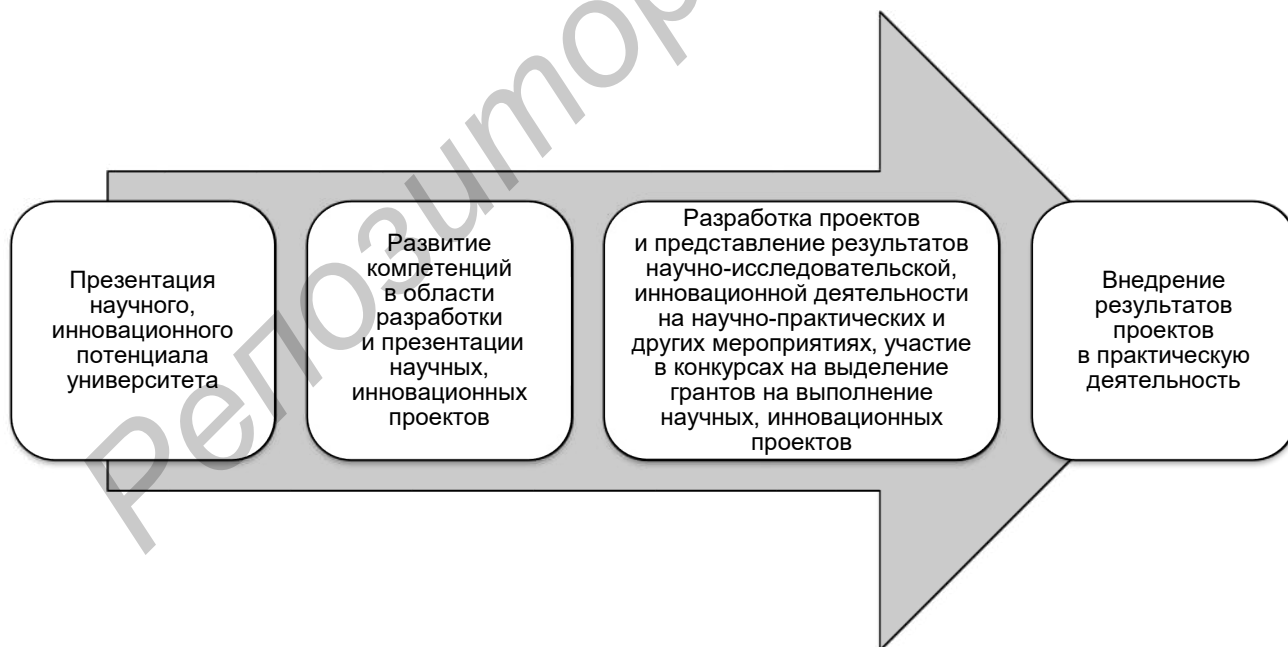

Рисунок 4. — Поэтапный процесс научно-исследовательской, инновационной деятельности БарГУ

Примечание — Источник: собственная разработка.

Презентация научно-инновационного потенциала университета реализуется на основе организуемых выставочных площадок, ярмарок, отражающих достижения научных коллективов, ученых, молодых исследователей университета.

На основе проводимых научно-образовательных мероприятий («Школа молодых учёных», «Бизнес-школ», «Школа юных исследователей» и др.) реализуется задача по развитию у молодых исследователей, преподавателей университета, участников научно-образовательных проектов компетенций в области разработки научных, инновационных, бизнес-проектов.

На основе полученных знаний, практических навыков осуществляется разработка командных или индивидуальных проектов для участия в конкурсах научно-исследовательских работ, инновационных проектов, бизнес-проектов, молодежных инициатив, по итогам реализации которых планируется внедрение полученных результатов в сферу их практического применения.

Для эффективной реализации поэтапного процесса научно-исследовательской деятельности, молодежных инициатив в БарГУ создана и развивается научно-инновационная инфраструктура (рисунок 5).

Центр трансфера технологий БарГУ (субъект инновационной инфраструктуры) осуществляет деятельность по реализации образовательных программ обучающих курсов, объединений по интересам, проведению тренингов, семинаров, мастер-классов, культурно-образовательных программ, содействует развитию предпринимательского сектора, обеспечивает сопровождение инновационных проектов, процесса бизнес-планирования, обеспечивает информационное продвижение новшеств.

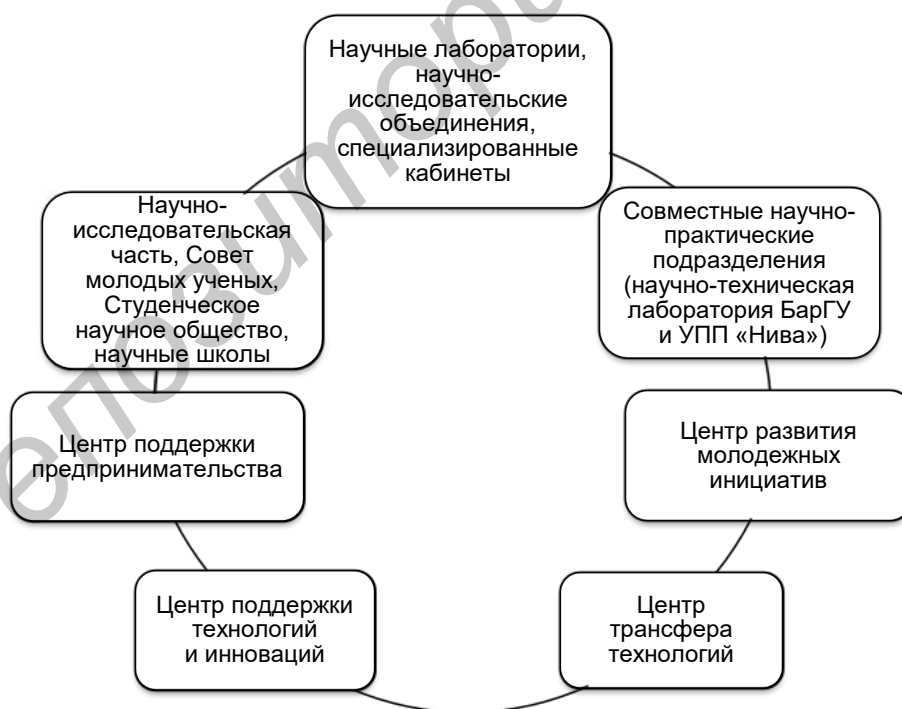

Рисунок 5. — Научно-инновационная инфраструктура БарГУ

Примечание — Источник: собственная разработка.

В целях развития компетенций у молодежи в сфере инновационного предпринимательства в БарГУ реализуются образовательные программы дополнительного образования молодежи «Бизнес-школа», «Школа молодого ученого», обучающие семинары по бизнес-планированию, стартап-проектированию, научно-образовательный форум «Новатор», кейс-чемпионат, конкурс молодежных инновационных проектов, конкурс молодежных бизнес-идей, выставка научно-технических разработок и др.

В целях дальнейшего стимулирования научно-исследовательской, инновационной активности молодежи, развития научного потенциала молодежи в БарГУ реализуется ряд мероприятий (рисунок 6).

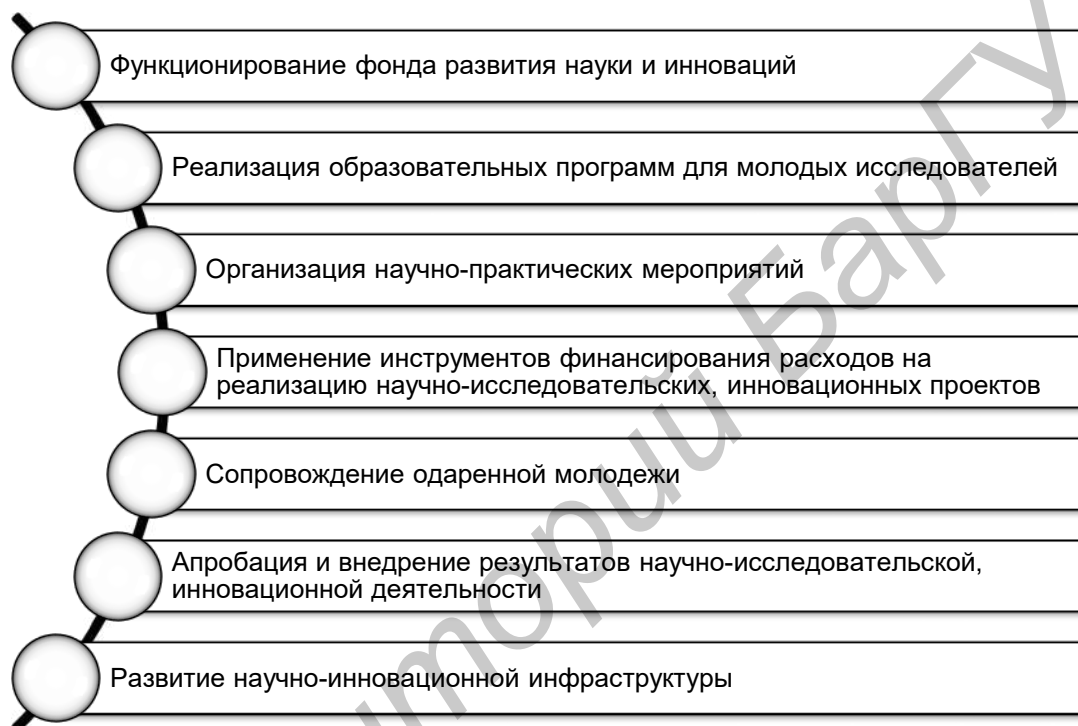

Рисунок 6. — Мероприятия по дальнейшему развитию научного потенциала молодежи

Примечание — Источник: собственная разработка.

Заключение. В Республике Беларусь функционирует эффективная система государственной поддержки и инструментов стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности, созданы благоприятные условия для развития научного и инновационного потенциала, генерации научно-технических, инновационных разработок, их апробации, внедрения и практического применения для дальнейшего социально-экономического развития Республики Беларусь. Представленный опыт БарГУ отражает направления развития научного потенциала молодежи и будет полезен для внедрения в практику деятельности учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Рихтикова, А. Г. Особенности реализации научно-инновационного потенциала молодежи Беларуси / А. Г. Рихтикова // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. — Минск : РИВШ, 2024. — Вып. 12. — С. 48—54. — URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/316664/1/Рихтикова_Молодежь_12_24-048-054.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
2. Сапелкин, Е. П. Развитие инновационного потенциала молодежи в условиях системной модернизации экономики и общества (структурно-функциональный подход) / Е. П. Сапелкин // Социология. — 2011. — № 1. — С. 74—82.

3. Шарый, И. Н. Мотивы поступления в аспирантуру, оценки условий обучения и предпочтительные направления профессиональной деятельности аспирантов: социологический анализ / И. Н. Шарый // Социологический альманах. — 2022. — № 13. — С. 73—85.

4. Кузьмина, С. В. Инновационные формы проведения научных мероприятий для привлечения студентов к научной деятельности / С. В. Кузьмина, Е. Г. Сайкина, А. М. Фокин // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 81-4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-formy-provedeniya-nauchnyh-meropriyatiy-dlya-privlecheniya-studentov-k-nauchnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.01.2025).

5. Шинкарёва, О. В. Факторы активизации научно-исследовательской деятельности студентов / О. В. Шинкарёва // Концепт. — 2024. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-aktivizatsii-nauchno-issledovatel'skoj-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 10.01.2025).

6. Печерская, Е. А. Вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу в университете: механизм и оценка эффективности / Е. А. Печерская, Е. А. Савеленок, Д. В. Артамонов // Инновации. — 2017. — № 8 (226). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-studentov-v-nauchno-issledovatel'skuyu-rabotu-v-universitete-mehanizm-i-otsenka-effektivnosti> (дата обращения: 15.01.2025).

7. Стромов, В. Ю. Основные векторы развития студенческой науки в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина на современном этапе / В. Ю. Стромов, П. В. Сысоев // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2017. — Т. 22, № 5 (169). — С. 7—17.

8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 10.01.2025).

9. О научной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 21 окт. 1996 г. № 708-ХІІІ : в ред. от 17 июля 2023 г. № 300-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19600708> (дата обращения: 10.01.2025).

10. Об основах государственной молодежной политики : Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-3 : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.01.2025).

11. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 сент. 2021 г. № 349 : в ред. от 5 дек. 2024 г. № 906 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100349> (дата обращения: 10.01.2025).

12. О грантах Президента Республики Беларусь в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, молодежной политики : Указ Президента Респ. Беларусь от 13 сент. 2013 г. № 425 : в ред. от 31 дек. 2021 г. № 521 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300425> (дата обращения: 10.01.2025).

13. О социальной поддержке обучающихся : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 сент. 2011 г. № 398 : в ред. от 25 окт. 2022 г. № 381 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.01.2025).

14. О деятельности специальных фондов Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 16 дек. 2022 г. № 429 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200429> (дата обращения: 10.01.2025).

15. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026—2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500135> (дата обращения: 10.01.2025).

16. Об основах государственной научно-технической политики : Закон Респ. Беларусь от 19 янв. 1993 г. № 2105-ХІІ : в ред. от 17 июля 2023 г. № 300-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302105> (дата обращения: 10.01.2025).

17. О некоторых вопросах регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 авг. 2010 г. № 1196 : в ред. от 28 июня 2024 г. № 453 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21001196> (дата обращения: 10.01.2025).

18. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 нояб. 2021 г. № 672 : в ред. от 20 дек. 2023 г. № 906 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100672> (дата обращения: 10.01.2025).

19. Стратегия «Наука и технологии: 2018—2040» : утв. постановлением Президиума Нац. акад. наук Беларуси от 26 февр. 2018 г. № 17. — URL: https://www.nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

20. О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57 : в ред. от 24 дек. 2024 г. № 1003 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100057&p1=1> (дата обращения: 10.01.2025).

21. День молодежи и студенчества : стат. обзор / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2024.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

22. Социальный портрет современной молодежи Беларуси / Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. — URL: <https://socio.bas-net.by/sotsialnyj-portret-sovremennoj-molodezhi-belarusi/> (дата обращения: 10.01.2025).

23. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. — Минск, 2024. — 79 с. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2024.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Поступила в редакцию 13.05.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 347.155.6

А. А. Богустов, кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
пер. Доватора, 3/1, 230012 Гродно, Республика Беларусь, + 375 (0152) 39 86 01, bogustov_aa@grsu.by

ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ И ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье исследуется проблема отсутствия закрепления права гражданина на изображение в Гражданском кодексе Республики Беларусь, несмотря на признание Конституционным Судом необходимости такой регламентации для защиты неприкосновенности личной жизни. Автор анализирует возможность компенсации этого пробела действием законодательства о персональных данных, сопоставляя цели и механизмы защиты изображения и персональных данных. Установлено, что оба института направлены на охрану неприкосновенности частной жизни, но различаются по содержанию: законодательство о персональных данных регулирует обработку информации, в то время как право на изображение требует признания исключительных прав гражданина. Выявлены ключевые противоречия: не все изображения относятся к персональным данным, а исключения, содержащиеся в законодательстве о персональных данных, сужают защиту. Дополнительно подчеркивается, что общедоступность изображения в Интернете не отменяет необходимости согласия на его использование, что подтверждается международной практикой. На основе сравнительно-правового анализа сделан вывод о недостаточности законодательства о персональных данных для полноценной охраны права на изображение. Для устранения пробелов автор, учитывая опыт постсоветских стран, рекомендует закрепить самостоятельный характер этого права в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Исследование опирается на труды белорусских и российских юристов, решение Конституционного Суда Республики Беларусь и международные акты, что подчеркивает межотраслевой характер проблемы.

Ключевые слова: право гражданина на изображение; персональные данные; гражданское законодательство; неприкосновенность личной жизни; правовая регламентация; гражданско-правовая защита; законодательство о защите персональных данных.

Библиогр.: 11 назв.

A. A. Bogustov, PhD in Law, Associate Professor

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 3/1 Dovatora Lane, 230012 Grodno,
the Republic of Belarus, + 375 (0152) 39 86 01, bogustov_aa@grsu.by

CITIZEN'S RIGHT TO IMAGE AND PERSONAL DATA PROTECTION: RATIO ISSUES

The article examines the problem of the lack of enshrining the citizen's right to an image in the Civil Code of the Republic of Belarus, despite the recognition by the Constitutional Court of the need for such regulation to protect the inviolability of personal life. The author analyses the possibility of compensating for this gap by the legislation on personal data, comparing the purposes and mechanisms of image and personal data protection. It has been established that both institutions are aimed at protecting privacy, but differ in content: personal data legislation regulates the processing of information, while the right to an image requires recognition of the exclusive rights of a citizen. Key contradictions have been identified: not all images (e.g. artistic images) relate to personal data, and the exceptions contained in personal data legislation limit protection. It is additionally emphasized that the public availability of an image on the Internet does not cancel the need for consent to its use, which is confirmed by international practice. On the basis of comparative legal analysis it is concluded that the legislation on personal data is insufficient to fully protect the right to an image. In order to eliminate the gaps, the author, taking into account the experience of post-Soviet countries, recommends enshrining the independent nature of this right in the Civil Code of the Republic of Belarus. The study is based on the works of Belarusian and Russian lawyers, the Decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus and international acts, which emphasizes the intersectoral nature of the problem.

Key words: citizen's right to image; personal data; civil legislation; inviolability of personal life; legal regulation; civil law protection; legislation on personal data protection.

Ref.: 11 titles.

Введение. Масштабные изменения, произошедшие в гражданском законодательстве Республики Беларусь в последнее время, не коснулись регулирования отношений по поводу права гражданина на собственное изображение. Предлагаемый проект ст. 153¹ Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Беларусь вызывал достаточно серьезные возражения технико-юридического характера [1] и в итоге так и не обрел законной силы. При этом указанная группа отношений объективно нуждается в правовой регламентации. Об этом, в частности, свидетельствует решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 года № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» (далее — Решение) [2]. В Решении Конституционный Суд постановил, что «в целях обеспечения конституционного принципа верховенства права, защиты каждого гражданско-правовыми средствами от незаконного вмешательства в его личную жизнь, устранения правовой неопределенности в правовом регулировании использования и охраны изображения гражданина в гражданском законодательстве признать необходимым внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь».

На настоящий момент существует противоречие между необходимостью регламентации отношений по поводу изображения гражданина и отсутствием нормативного закрепления этого права. В этой связи возникает вопрос о том, может ли указанное право получить надлежащую охрану иными правовыми средствами. Потенциально право гражданина на изображение может быть защищено в рамках законодательства о персональных данных. В частности, в Решении приводятся высказанные в ответах на запрос Конституционного Суда мнения Министерства юстиции и Национального центра законодательства и правовой информации, которые сводятся к тому, что охрана изображения гражданина может осуществляться в рамках законодательства о защите персональных данных, а включение в ГК Республики Беларусь норм о праве гражданина на изображение нецелесообразно.

Сказанное выше и предопределило цель настоящего исследования, состоящую в анализе возможности обеспечения надлежащей охраны права лица на изображение положениями Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» (далее — Закон) [3].

Материалы и методы исследования. Среди научных работ, посвященных анализу рассматриваемой проблемы в белорусском праве, следует отметить подготовленный коллективом авторов «Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь “О защите персональных данных”» [4].

Теоретической базой осуществленного в настоящей статье исследования выступили также научные работы, рассматривающие категорию персональных данных с точки зрения гражданского права. В частности, автором использовались труды Р. В. Новикова [5], М. А. Рожковой [6], В. Д. Рузановой [7].

При проведении исследования автором были использованы общенаучные диалектические методы познания: анализа и синтеза, дедукции и индукции. Кроме того, применялись частнонаучные методы юриспруденции: формально-догматический, сравнительно-правовой и др.

При анализе права гражданина на изображение используется определение содержания этого института, наиболее распространенное в законодательстве постсоветских стран (ст. 152.1 ГК России, ст. 19 ГК Кыргызстана, ст. 145 ГК Казахстана, ст. 176 ГК Таджикистана, ст. 17 ГК Туркменистана). При наличии определенных технико-юридических отличий, ранее рассматривавшихся автором настоящей статьи [8], законодательство этих государств исходит

из того, что, по общему правилу, обнародование и использование изображения гражданина, в том числе фотографии, видеозаписи и произведения изобразительного искусства, возможно лишь с его согласия, а после смерти — с согласия его ближайших родственников и членов семьи.

Результаты исследования и их обсуждение. Сферы защиты персональных данных и охраны права гражданина на изображение не изолированы друг от друга, а находятся в тесном взаимодействии. Это обусловлено большим сходством в целях, к достижению которых стремится право в обоих случаях. В частности, в преамбуле Закона сказано, что он, помимо прочего, направлен на «защиту прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных». Это дает основание белорусским исследователям сделать вывод о том, что «защищаются не сами персональные данные, а граждане, их права. Защита данных — это лишь механизм (инструмент) защиты прав человека» [4]. Можно также согласиться с мнением М. А. Рожковой о том, что у гражданина на собственные персональные данные «возникают личные права» [6, с. 174].

В свою очередь, как указывалось выше, потребность законодательного признания права гражданина на изображение объяснялась в Решении необходимостью защиты каждого «от незаконного вмешательства в его личную жизнь». При этом анализ ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [9] позволяет отнести неприкосновенность личной жизни к числу неотъемлемых прав человека. В Конституции Республики Беларусь [10] право на неприкосновенность личной жизни закреплено в ст. 28, гарантирующей каждому гражданину защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь.

Таким образом, трактовка права на изображение в качестве элемента неприкосновенности личной жизни и, следовательно, как одного из основополагающих прав человека приводит к выводу о том, что цели предоставления правовой охраны персональным данным и праву на изображение в значительной степени совпадают. Так, В. Д. Рузанова отмечает связь законодательства о персональных данных и гражданского права и обращает внимание на «их общую “нацеленность” на охрану неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, которые являются нематериальными благами и, соответственно, объектами гражданских прав» [7, с. 79].

Сходство между персональными данными и правом на изображение проявляется и в их отдельных технико-юридических характеристиках. Из ст. 5 Закона следует, что обработка персональных данных может осуществляться только с согласия их субъекта. При этом в современной доктрине бытует мнение, что «согласие на обработку персональных данных с позиций гражданского права является сделкой» [5, с. 29]. Однако и согласие гражданина на использование его изображения также можно отнести к гражданско-правовым сделкам.

Но сами по себе перечисленные выше сходные черты не дают основания говорить о том, что право гражданина на изображение не имеет самостоятельного характера и может быть урегулировано исключительно в рамках законодательства о защите персональных данных.

Общность целей предоставления правовой охраны персональным данным и изображению гражданина не означает единства содержания нормативных предписаний, направленных на их достижение. Например, существует мнение, что «право на уважение частной жизни состоит из общего запрета на вмешательство в нее с рядом исключений, обусловленных наличием общественных интересов, которые могут оправдывать такое вмешательство в определенных случаях. Институт персональных данных, напротив, призван обеспечить возможность обработки таких данных, определяя случаи и условия допустимой обработки, а также возлагая на оператора обязанности и предоставляя субъекту персональных данных набор прав, позволяющих контролировать проводимую обработку» [4].

Применяя сказанное к определению соотношения права на изображение и персональных данных, можно сделать вывод, что гражданин наделен исключительным правом на собственное изображение, кроме специально оговоренных случаев, а законодательство о защите пер-

сональных данных устанавливает порядок обработки изображения, отнесенного к таким данным. То есть содержание этих институтов не совпадает, целый ряд отношений, возникающих по поводу изображения гражданина, не входят в сферу правового регулирования законодательства о персональных данных.

В частности, далеко не каждое изображение гражданина можно отнести к персональным данным. Из ст. 1 Закона следует, что персональные данные — это «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано», а в понятие биометрических персональных данных в том числе входят характеристики лица и изображение человека, которые используются для «его уникальной идентификации». При этом в ходе анализа характеристик персональных данных исследователи отмечают, что информация не будет относиться к конкретному лицу, если она «не предполагает оказания влияния на субъекта персональных данных» [4]. Иными словами, изображение гражданина, на которое распространяется режим персональных данных, должно быть способным оказать на него воздействие.

Но не любое изображение гражданина отвечает этому признаку. Так, размещение художественной фотографии конкретного лица, сделанной в эстетических целях и не указывающей на его имя, социальное и семейное положение, профессию, род занятий, сложно отнести к случаю неправомерного использования персональных данных. Вместе с тем использование подобной фотографии будет подпадать под действие норм о праве лица на изображение.

Кроме того, сложно отнести к персональным данным изображения, воплощенные в произведениях изобразительного искусства. Однако отношения по поводу таких объектов охватываются гражданско-правовыми нормами о праве лица на изображение. Более того, этот институт изначально возник и получил развитие в рамках авторского права и лишь на современном этапе развития права получил самостоятельный характер. Ограничение же нормативной регламентации отношений по поводу изображения гражданина только законодательством о персональных данных оставляет отношения, возникающие между отображенным в произведении лицом и автором, вне рамок правового регулирования, что может затронуть их права и интересы.

Следует также учитывать, что некоторые обладающие чертами персональных данных изображения выводятся Законом из числа охраняемых. Из п. 2 ст. 2 Закона следует, что его действие не распространяется в том числе на отношения, касающиеся случаев обработки персональных данных «физическими лицами в процессе исключительно личного, семейного, домашнего и иного подобного их использования, не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью». В свою очередь, право лица на изображение охраняется гражданским законодательством независимо от характеристик субъекта пользователя и целей неправомерного использования изображения без согласия правообладателя.

Кроме того, Закон в ст. 1 закрепляет понятие общедоступных персональных данных, которые «распространяются самим субъектом персональных данных либо с его согласия или распространяются в соответствии с требованиями законодательных актов». Существование подобного объекта «обусловлено возможностью фактически любого лица получить доступ к таким данным. В этой связи Законом установлен “облегченный” правовой режим обработки таких данных» [4]. Например, из абз. 19 ст. 6 Закона следует, что такие данные могут обрабатываться без получения согласия субъекта персональных данных. Следовательно, размещение гражданином своей фотографии на странице социальной сети дает возможность обрабатывать это изображение в качестве персональных данных без получения дополнительных разрешений.

Диаметрально противоположно складывается ситуация в случае охраны права гражданина на изображение. Размещение собственного фото в социальных сетях должно рассматриваться как реализация принадлежащего гражданину права на использование изображения и не порождает каких-либо прав на него у третьих лиц. В частности, такой подход лег в основу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Из п. 43 указанного постановления следует, что «обнародование

изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети Интернет, и общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица» [11].

Заключение. Защита персональных данных и охрана права гражданина на изображение имеют соприкасающиеся, но не совпадающие полностью сферы правового воздействия. Это приводит к тому, что весь комплекс отношений, возникающих по поводу изображения гражданина, не может быть урегулирован в рамках законодательства о персональных данных. Надлежащая охрана права лица на изображение возможна при признании его самостоятельного характера и закрепления соответствующих положений в действующем ГК Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. *Богустов, А. А.* В порядке обсуждения проекта ст. 153¹ Гражданского кодекса Республики Беларусь «Охрана изображения гражданина» / А. А. Богустов // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства.* — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 55—62.
2. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина : решение Конст. Суда Респ. Беларусь от 30 окт. 2018 г. № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2025).
3. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 : с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.02.2025).
4. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» : по сост. на 23 февр. 2023 г. / А. А. Гаев, В. И. Диско, С. В. Задиран [и др.]. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02300536&q_id=1986233 (дата обращения: 10.02.2025).
5. *Новиков, Р. В.* Правовое регулирование оборота персональных данных как самостоятельного объекта гражданских правоотношений / Р. В. Новиков // *Право и государство: теория и практика.* — 2019. — № 3. — С. 26—30.
6. *Рожкова, М. А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав : монография / М. А. Рожкова. — М. : ГАУГН Пресс, 2024. — 258 с.
7. *Рузанова, В. Д.* Персональные данные как гражданско-правовая категория / В. Д. Рузанова // *Правовое государство: теория и практика.* — 2022. — № 3. — С. 77—83.
8. *Богустов, А. А.* Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ / А. А. Богустов // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* — 2023. — № 1. — С. 274—285.
9. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.02.2025).
10. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. — 109 с.
11. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верх. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602 (дата обращения: 10.02.2025).

Поступила в редакцию 19.05.2025.

УДК 349.2

Ю. А. ЖуроваБелорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск,
Республика Беларусь, yuliya.zhurova.2000@mail.ru**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ,
ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ БЕЗРАБОТНЫХ**

Подготовка, переподготовка и повышение квалификации выступают в качестве одной из ключевых мер, направленных на содействие занятости населения и сокращения безработицы. В условиях стремительно меняющегося рынка труда, вызванного технологическими процессами, глобализацией и экономическими кризисами, возникает необходимость постоянного обновления и развития своих навыков. Повышение уровня профессиональных навыков способствует росту производительности труда, увеличивает конкурентоспособность и тем самым укрепляет экономическую стабильность страны. В рамках данной статьи автор исследует положения национального законодательства в области обучения безработных, выделяет его ключевые особенности. На основании проведенного исследования выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой области.

Ключевые слова: занятость; безработный; обучение безработных; рынок труда; безработица; профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработного.

Библиогр.: 9 назв.

Y. A. ZhurovaBelarusian State University, 8 Leningradskaya Str., 220030 Minsk,
the Republic of Belarus, yuliya.zhurova.2000@mail.ru**SELECTED ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF TRAINING,
RETRAINING AND ADVANCED TRAINING OF THE UNEMPLOYED**

Training, retraining and advanced training are one of the key measures aimed at promoting employment and reducing unemployment. In the rapidly changing labor market caused by technological processes, globalization and economic crises, there is a need to constantly update and develop their skills. Improving the level of professional skills contributes to the growth of labor productivity, increases competitiveness and, thereby, strengthens the economic stability of the country. In this article, the author examines the provisions of national legislation in the field of education for the unemployed, highlights its key features. Based on the conducted research, proposals have been developed to improve the legal regulation in the field under consideration.

Key words: employment; unemployed; training of the unemployed; labor market; unemployment; vocational training, retraining and advanced training of the unemployed.

Ref.: 9 titles.

Введение. Белорусское общество и государство на сегодня существуют в условиях глобализации, быстро меняющихся технологий и социокультурных изменений, что, в свою очередь, повышает актуальность и значение вопросов занятости населения.

По информации Государственной службы занятости населения, на 1 декабря 2024 года на учете в качестве безработных состояло 3,6 тыс. человек [1]. Безусловно, данные цифры свидетельствуют о достаточно низком уровне безработицы по стране, однако это не умаляет необходимости уделять данной теме значительное внимание со стороны государства и общества.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 41 Конституции Республики Беларусь в случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей [2]. В современных условиях особую актуальность обретает необходимость приобретения и совершенствования безработными своих навыков. Это объясняется утратой актуальности ряда профессий, а также совершенствованием инновационных технологий и цифровизацией экономики.

Нельзя не согласиться с мнением Н. В. Новиковой, которая в рамках своего диссертационного исследования отмечала, что «само по себе повышение квалификации не гарантирует безработному трудоустройство, хотя и повышает шансы найти рабочее место с приемлемыми условиями труда» [3, с. 6]. Обучение безработных предоставляет им возможность овладеть востребованными навыками, что, в свою очередь, увеличивает их шансы на трудоустройство. Кроме того, повышение уровня профессиональных навыков способствует росту производительности труда, улучшает конкурентоспособность и, следовательно, укрепляет экономическую стабильность страны.

Методология и методы исследования. При написании статьи автором были использованы общенаучные методы исследования, обобщение положений нормативных правовых актов, результатов научных трудов отечественных и российских ученых по исследуемой тематике.

Результаты исследования и их обсуждение. Правовое регулирование вопросов, связанных с подготовкой, переподготовкой и повышением квалификации, осуществляется на основе Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 года № 125-3 «О занятости населения Республики Беларусь» (далее — Закон) [4], Кодекса Республики Беларусь об образовании [5], постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2006 года № 1334 «Об утверждении Положения о порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной программы обучающихся курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите» (далее — Положение) [6] и иных актах законодательства.

При изучении правового регулирования подготовки, переподготовки и повышения квалификации безработных следует обозначить, что собой представляет данная категория. Здесь необходимо указать, что белорусский законодатель не приводит легальной дефиниции данного понятия. Анализ же зарубежного законодательства позволяет выделить следующие подходы. В законодательстве Республики Казахстан в рамках п. 85 ч. 1 ст. 1 Социального кодекса Республики Казахстан установлено, что профессиональное обучение представляет собой обучение, включающее в себя профессиональную подготовку, переподготовку в целях получения новых специальностей (профессий), навыков и повышение квалификации в рамках мер содействия занятости, предусмотренных Социальным кодексом Республики Казахстан [7]. Как видим, данное определение отражает формы обучения, которые могут быть реализованы в отношении безработного, а также закреплены цели данного обучения. Несколько иного подхода придерживается украинский законодатель. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Закона Украины от 5 июля 2012 года № 5067-VI «О занятости населения» профессиональное обучение — это приобретение и совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков лицом в соответствии с его призванием и способностями, что обеспечивает соответствующий уровень профессиональной (полной или частичной) квалификации, компетентности для профессиональной деятельности и конкурентоспособности на рынке труда [8]. Исходя из рассмотрения данного определения, можем обозначить, что здесь акцент сделан на том, какие цели преследует профессиональное обучение.

Положения национальных нормативных правовых актов позволяют выделить следующие основные черты подготовки, переподготовки и повышения квалификации безработных:

- проводятся по направлению органов по труду, занятости и социальной защите;
- осуществляются в учреждениях образования, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность;
- осуществляются в целях предоставления гражданам, зарегистрированным в установленном законодательством порядке безработными, возможности получения необходимых для возобновления (начала) трудовой деятельности профессиональных знаний, умений и навыков

с учетом общественных потребностей и в соответствии с имеющимися склонностями, способностями, навыками и особенностями их психофизического развития;

– проводятся в отношении безработных, а также граждан, обратившихся по вопросам трудоустройства.

Исходя из обозначенных выше критериев, можем предложить следующее определение: «Профессиональное обучение — подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработных, а также граждан, обратившихся по вопросам трудоустройства, проводимые на основе направления органов по труду, занятости и социальной защите в учреждениях образования, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность и направленные на содействие в области занятости населения».

В соответствии с п. 3 ст. 28 Закона направление на обучение безработных возможно в случае, если:

– невозможно подобрать подходящую работу по причине отсутствия у безработного необходимой подготовки по должности служащего (профессии рабочего), специальности, квалификации;

– необходимо изменить должность служащего (профессию рабочего), специальность, квалификацию в связи с отсутствием работы, соответствующей имеющимся у безработного профессиональным навыкам;

– безработным утрачена способность к выполнению работы по полученным ранее должности служащего (профессии рабочего), специальности, квалификации или возникли медицинские противопоказания к ее выполнению [4].

Важно также обозначить, что направление на подготовку, переподготовку и повышение квалификации возможно не только в отношении граждан, зарегистрированных в качестве безработных, но и в отношении граждан, обратившихся по вопросам трудоустройства, из числа осуществляющих уход за ребенком в возрасте до трех лет (мать (мачеха), отец (отчим), усыновитель (удочеритель), опекун), за исключением находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет и граждан, получающих пособие на ребенка в возрасте до 18 лет, инфицированного вирусом иммунодефицита человека. Направление данной категории граждан осуществляется органами по труду, занятости и социальной защите на обучение в порядке и на условиях, определенных для безработных [4].

Также следует отметить, что национальное законодательство не предусматривает право в приоритетном порядке пройти подготовку, переподготовку и повышение квалификации для отдельных категорий граждан. Такое право установлено, например, в рамках п. 5 ст. 30 Федерального закона от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». Данная норма предусматривает, что право в приоритетном порядке пройти профессиональное обучение, получить дополнительное профессиональное образование имеют безработные граждане: являющиеся инвалидами; являющиеся родителями, усыновителями, опекунами (попечителями), воспитывающими детей-инвалидов; у которых период безработицы составляет более шести месяцев; уволенные с военной службы; впервые ищущие работу и при этом не имеющие квалификации и иные в соответствии с п. 5 ст. 30 вышеназванного акта [9]. На наш взгляд, в целях предоставления дополнительной защиты гражданам, которые не способны на равных условиях конкурировать на рынке труда, а также для содействия занятости населения представляется необходимым предусмотреть в национальном законодательстве право в приоритетном порядке пройти подготовку, переподготовку и повышение квалификации для безработных, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда в соответствии с перечнем п. 1 ст. 26 Закона, а также для безработных, у которых период безработицы составляет более шести месяцев. Полагаем, что закрепление такого права позволит повысить эффективность государственной

политики в области занятости населения, а также будет содействовать повышению уровня занятости таких граждан, которые особенно нуждаются в социальной защите и не способны на равных условиях конкурировать на рынке труда.

В соответствии с п. 20 Положения при направлении на обучение безработных определение их профессиональной пригодности по медицинским показаниям осуществляется в установленном законодательством порядке в учреждениях здравоохранения по месту жительства безработных [6]. Вместе с тем, поскольку норма ч. 2 п. 1 ст. 6 Закона предусматривает регистрацию в качестве безработного по месту жительства (месту пребывания) [4], на наш взгляд, представляется необходимым предусмотреть возможность определения профессиональной пригодности по медицинским показаниям в учреждениях здравоохранения не только по месту жительства безработных, но и по месту пребывания.

Исходя из содержания п. 22 Положения, с безработным, направляемым на обучение, орган по труду, занятости и социальной защите заключает договор, в котором определяются права и обязанности сторон, а также их ответственность за нарушение условий договора. Договор может быть также и трехсторонним при наличии заявки конкретного нанимателя, гарантирующего трудоустройство безработного после завершения полного курса обучения [6]. Важно обозначить, что Положение и приложения к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2006 года № 1334 «О порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной программы обучающихся курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите» не устанавливают срок обязательной отработки после подготовки, переподготовки и повышения квалификации, а также не определяют порядок возмещения денежных средств, затраченных на обучение. В соответствии с нормами Положения гражданин возмещает фактические затраты органов по труду, занятости и социальной защите в следующих случаях:

- если он не уведомил орган по труду, занятости и социальной защите о своем трудоустройстве, а последний принял решение о прекращении финансирования его обучения;
- если он отчислен из учреждения образования (организации) до завершения полного курса обучения по неуважительным причинам [6].

В качестве зарубежного подхода в данном вопросе можно обозначить позицию украинского законодателя. В соответствии с ч. 2 п. 4 ст. 34 Закона Украины от 5 июля 2012 года № 5067-VI «О занятости населения» на работника или другое лицо, которое направляется на обучение, может быть возложена обязанность на основании договора отработать в должности в соответствии с полученной квалификацией у такого работодателя после окончания обучения в течение согласованного сторонами срока. Такой срок должен быть сравним с обязанностями, которые взял на себя работодатель по оплате и сроку обучения, но не должен составлять более трех лет. Работник или иное лицо не обязаны возмещать работодателю затраты, связанные с обучением, если они не приступили к работе или были уволены с работы по следующим основаниям:

- 1) установление инвалидности;
- 2) увольнение по инициативе работодателя, не связанное с совершением работником противоправных действий;
- 3) призыв на военную службу или направление на альтернативную (невоенную) службу;
- 4) по собственной инициативе в связи с нарушением работодателем трудового законодательства, коллективных договоров, коллективного или трудового договора;
- 5) уход за ребенком с инвалидностью и (или) лицом с инвалидностью I группы (независимо от причины инвалидности) [8].

Необходимо также отметить, что законодательство предусматривает обучение безработных исключительно в очной (дневной) форме получения образования. При этом действующее законодательство об образовании закрепляет возможность получения образования в дистанционной форме в соответствии с положениями законодательства Республики Беларусь об

образовании [5]. Организация дистанционного обучения безработных имеет ряд положительных моментов: существенно снижаются расходы государства на подготовку лица, появляется возможность обучения лиц из отдаленных регионов, а также гибкость процесса обучения. Отметим, что возможность обучения в онлайн-режиме предусмотрена в ряде государств, например, в Республике Казахстан [7]. Полагаем, что применение дистанционных технологий также может быть предусмотрено и в отечественном законодательстве для обучения безработных.

Заключение. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработных представляет собой меры, направленные на содействие занятости населения. Исходя из анализа белорусского законодательства по данному вопросу, можно сформулировать следующее определение: «Профессиональное обучение — подготовка, переподготовка и повышение квалификации безработных, а также граждан, обратившихся по вопросу трудоустройства, проводимые на основе направления органов по труду, занятости и социальной защите в учреждениях образования, иных организациях, у индивидуальных предпринимателей, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность и направленные на содействие в области занятости населения». В целях совершенствования национального законодательства, на наш взгляд, представляется необходимым:

1) закрепить право в приоритетном порядке пройти подготовку, переподготовку и повышение квалификации для безработных, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, в соответствии с перечнем п. 1 ст. 26 Закона, а также для безработных, у которых период безработицы составляет более шести месяцев;

2) изложить п. 20 Положения в следующей редакции: «При направлении на обучение безработных определение их профессиональной пригодности по медицинским показаниям осуществляется в установленном законодательством порядке в учреждениях здравоохранения по месту жительства (месту пребывания) безработных. При реализации образовательной программы обучающихся курсов определение профессиональной пригодности по медицинским показаниям не требуется»;

3) предусмотреть возможность прохождения подготовки, переподготовки и повышения квалификации в дистанционном режиме. Применение данных технологий позволит снизить расходы государства на обучение, организует возможность обучения лиц из отдаленных регионов, а также повысит гибкость процесса обучения.

Предлагаемые новации направлены на предоставление дополнительной защиты определенной категории безработных, не способных на равных конкурировать на рынке труда, а также на совершенствование подходов к обучению безработных.

Список цитируемых источников

1. ГСЗ Рынок труда // Портал ГСЗ. — URL: <https://gsz.gov.by/directory/labour-market/53/> (дата обращения: 13.01.2025).
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. — 109 с.
3. Новикова, Н. В. Правовое регулирование отношений по повышению квалификации работников в России: история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Новикова Наталья Викторовна ; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2007. — 25 с.
4. О занятости населения Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-3 : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 13.01.2025).
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 янв. 2011 г., № 243-3 ; принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 257-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.01.2025).
6. Об утверждении Положения о порядке организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных и иных категорий граждан и освоения ими содержания образовательной

программы обучающих курсов по направлению органов по труду, занятости и социальной защите : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 окт. 2006 г. № 1334 : в ред. от 6 февр. 2024 г. № 88 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.01.2025).

7. Социальный кодекс Республики Казахстан // ИС Юрист. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598/ (дата обращения: 13.01.2025).

8. Про зайнятість населення : Закон України от 5 июля 2012 г. № 5067-VI // База даних «Законодавство України». — URL: <https://web.archive.org/web/20211125052954/https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5067-17> (дата обращения: 13.01.2025).

9. О занятости населения в Российской Федерации : Федер. закон от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 324-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2025).

Поступила в редакцию 21.05.2025.

Репозиторий Баргу

УДК 343.95

А. В. Сокол, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17,
220007 Минск, Республика Беларусь, nassstasssi@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЮРИСТОВ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ВЫЗОВЫ

В данной статье исследуются ключевые аспекты влияния искусственного интеллекта на профессиональное развитие и трансформацию юридической профессии. Проводится комплексный анализ текущих тенденций внедрения технологий искусственного интеллекта в юридическую практику, рассматриваются возможности и риски автоматизации рутинных юридических задач. Особое внимание уделяется необходимости адаптации образовательных программ и развития новых компетенций юристов в условиях цифровой трансформации. На основе анализа международного опыта и экспертных оценок формулируются рекомендации по эффективной интеграции технологий искусственного интеллекта в юридическую практику при сохранении ключевой роли человека-юриста в принятии правовых решений. Результаты исследования представляют практическую ценность для юридических фирм, образовательных учреждений и специалистов в области права.

Ключевые слова: искусственный интеллект в юриспруденции; цифровая трансформация юридической профессии; автоматизация правовых процессов; машинное обучение в правовом анализе; правовые технологии; профессиональная адаптация юристов; компетенции цифровой эпохи; этические аспекты искусственного интеллекта в праве; алгоритмическая справедливость; инновационные юридические практики.

Библиогр.: 5 назв.

A. V. Sokol, PhD in Law, Associate Professor
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220007 Minsk, the Republic of Belarus, nassstasssi@mail.ru

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF LAWYERS: NEW HORIZONS AND CHALLENGES

This article explores key aspects of the impact of artificial intelligence (AI) on the professional development and transformation of the legal profession. A comprehensive analysis of current trends in the introduction of AI technologies in legal practice is carried out, and the opportunities and risks of automating routine legal tasks are considered. Special attention is paid to the need to adapt educational programs and develop new competencies of lawyers in the conditions of digital transformation. Based on the analysis of international experience and expert assessments, recommendations are formulated for the effective integration of AI technologies into legal practice while maintaining the key role of human lawyers in making legal decisions. The results of the study are of practical value for law firms, educational institutions and legal professionals.

Key words: artificial intelligence in jurisprudence; digital transformation of the legal profession; automation of legal processes; machine learning in legal analysis; legal technologies; professional adaptation of lawyers; competencies of the digital age; ethical aspects of AI in law; algorithmic justice; innovative legal practices.

Ref.: 5 titles.

Введение. Под влиянием искусственного интеллекта (далее — ИИ) современный мир претерпевает быстрые изменения и вынужденную адаптацию. Эта революция затрагивает все сферы деятельности, не исключая разработку законов, правоприменение и юриспруденцию в целом. Правоведы приспосабливаются к новым перспективам и вызовам, которые ИИ привносит в их работу, и профессия неизменно стремится к обеспечению закона, порядка и справедливости.

В последнее время ИИ существенно воздействует на всевозможные отрасли жизни, включая научную и образовательную деятельности, финансовые и налоговые системы, сферы производства и продаж, здравоохранение и медицину. Основная цель его использования — автоматизация задач, повышение эффективности процессов и улучшение качества производства.

Роль ИИ в отрасли права неуклонно растет, предоставляя новые возможности для углубления знаний и улучшения юридической науки. Стоит упомянуть значительное влияние ИИ на правовое поле, проявляющееся в повышении аналитического потенциала и автоматизации процедур. Скорость изменений в сфере права позволяет юристам изучать большие объемы информации, выявлять тенденции и прогнозировать будущие ситуации, что, в свою очередь, дает им возможность делать более осмысленный выбор и улучшать результативность труда.

Возникновение и бурное развитие компьютерного интеллекта радикально меняет сознание юристов. Устоявшаяся роль юриста, заключенная в рутинных задачах, — поиск и анализ правовых документов, обработка данных, подготовка документов для составления актов, решений, договоров, — пересматривается. Можно наблюдать, как системы ИИ все чаще принимают на себя существенную долю «бумажной» работы юристов, предоставляя больше времени для решений более насущных и сложных вопросов, требующих глубоких юридических знаний, критического мышления, научного творчества и развитого эмоционального интеллекта.

Обучение юридической профессии требует наличия знаний и умений анализировать большие объемы данных, находить и извлекать нужную и ценную информацию, что впоследствии помогает принимать обоснованные решения по тем или иным юридическим вопросам. С появлением компьютерного интеллекта правоведа берут на себя роль специалистов, отвечающих за подготовку сложных юридических решений и оценку правовых рисков, обладающих глубокими знаниями в своей сфере деятельности, способных анализировать сложные правовые ситуации и принимать творческие решения при помощи данных, сгенерированных системами ИИ. Следует отметить, что ИИ никоим образом не сможет всецело заменить юриста, поскольку человеческий фактор остается ключевым в юриспруденции, в особенности в сферах, где требуется эмпатия, нравственность, мораль и этические нормы и соображения.

Таким образом, юристы, владеющие техниками и алгоритмами машинного обучения и умеющие работать с юридическими базами данных, становятся все востребованнее. Способность и опыт в использовании новейших цифровых технологий, таких как облачные хранилища, программное обеспечение для юридического документооборота, электронные подписи, сервисы для видеоконференций и т. п., в современном мире выступают неотъемлемой частью работы компетентного юриста и служат для достижения успеха в правовой сфере.

Юристам, теоретикам и практикам необходимо расширять знания и развивать навыки касательно понимания вопросов этики при применении ИИ в правовой сфере и последствий, связанных с его применением.

Материалы и методы исследования. При написании статьи были использованы следующие источники: П. Дж. Бентли «Всё об искусственном интеллекте за 60 минут» [1] — обзорное издание, предоставляющее базовые концепции и основы ИИ; Р. Г. Бикмиев «Искусственный интеллект на службе правосудия: современное состояние и будущее» [2] — монография, исследующая применение технологий ИИ в правовой сфере и перспективы их развития; М. А. Малина «Мировая юстиция и искусственный интеллект» [3] — работа, анализирующая интеграцию ИИ-систем в процессы мировой юстиции и их влияние на правоприменительную практику; У. Холмс, «Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения» [4] — ключевой источник, непосредственно изучающий возможности и методики применения ИИ-технологий в образовательных процессах, включая юридическое образование.

Методология данного исследования основана на сочетании количественных и качественных методов исследования, обеспечивающих комплексный анализ изучаемого феномена. Основным инструментом сбора эмпирических данных выступило анкетирование с использованием структурированного опросника, включающего как закрытые, так и открытые вопросы. Для обеспечения валидности результатов применялась шкала Ликерта (5-балльная) для оценки отношения респондентов к использованию ИИ в образовательном процессе. Исследование проводилось в течение 2024/2025 учебного года в два этапа: пилотное тестирование ($n = 25$)

и основное исследование. В исследовании приняли участие 106 студентов заочной и дневной формы получения образования, возрастная категория — 20—45 лет, что обеспечивает репрезентативность выборки для данной категории респондентов. Выборка формировалась методом стратифицированной случайной выборки с учетом курса обучения и специализации.

Результаты исследования и их обсуждение. Искусственный интеллект — это отрасль компьютерных наук, занимающаяся разработкой интеллектуальных систем, которые способны изучать и выполнять задачи, обычно нуждающиеся в человеческом разуме. Искусственный интеллект воспроизводит когнитивные функции человека: выполнение задач, прогнозирование, процесс обучения и принятие решений; содержит в себе разные знания и методы: машинное обучение, глубокое обучение, специальный анализ текста и языков, компьютерное программирование и робототехнику [1, с. 178]. Компьютеры способны учиться на данных благодаря машинному обучению, не используя специальное профессиональное программирование, тогда как глубокое обучение пользуется многогранностью нейронных систем для обработки разного рода баз данных и обширных специализированных источников.

Главная область применения ИИ в праве — анализ документации. Компьютерные системы способны исследовать и разбирать существенные объемы данных из разных отраслей знаний, включая науку, образование, теорию и правоведение, для выявления важных юридических терминов и понятий. Способности ИИ уменьшают время, затраченное на поиск и анализ материала, обеспечивая практикующим юристам возможность быстро находить требуемые юридические документы и изучать их правовую и теоретическую части. Составление юридической и процессуальной документации является основной сферой деятельности подавляющего большинства практиков. В этом плане существенную помощь оказывает применение компьютерного интеллекта, который избавляет от составления различных договоров и других важных документов, а также от ответов на запросы граждан. Так, ИИ формирует стандартные образцы документов и подстраивает их под определенные потребности правового запроса. Отсутствие такого рода работы, выполненной ИИ, предоставляет дополнительное время на исполнение более сложных задач, требующих научных знаний, творческого мышления и практического опыта.

Также следует отметить, что ИИ может предсказывать исходы судебных процессов. Вся информация о прошлых прецедентах и вынесенных судом решениях анализируется с помощью ИИ, который определяет закономерности и предоставляет возможность предугадать результаты текущих дел. Можно с уверенностью полагать, что такого рода способности компьютерного интеллекта позволят практикующим юристам глубже вникнуть в смысл дела, вернее понять его прогноз и разработать действенную стратегию по защите или обвинению. Становится совершенно ясным, что, используя перспективные модели ИИ, юристы способны предсказывать наиболее потенциальный исход дела и выявлять основные факторы, которые влияют на данное решение [2, с. 73—74].

Однако не следует упускать тот факт, что прогнозирование судебных дел с помощью ИИ не является гарантированным успехом, так как методики и алгоритмы могут быть неточными и ошибочными, поэтому и факторы, влияющие на окончательный результат судебного процесса, могут быть разнообразными и не всегда очевидными. Рекомендуется рассматривать результаты, полученные благодаря ИИ, как часть общей оценки конкретной ситуации.

Влияние компьютерного интеллекта на правоохранительную практику в будущем будет лишь увеличиваться. Использование ИИ в органах правопорядка может помочь в подготовке аргументов на основе результатов уголовных расследований, а также в проведении комплексного анализа доказательств и в обработке сведений потерпевших, свидетелей и подозреваемых [2, с. 98—99].

Некоторые публикации содержат негативные выражения [3, с. 230] относительно применения компьютерного интеллекта в правовом поле. Вопрос сводится к переносу ответственности с человека на ИИ. Присутствуют сомнения в том, кто на самом деле ответственен

за возможные ошибки и противоправные деяния при составлении отчетов и вынесении правовых решений, базирующихся на данных ИИ, что влечет за собой ненадлежащее применение закона и последующее искажение справедливости. Часть алгоритмов ИИ довольно нелегка для понимания, что усложняет оценку их продуктивности и выявление потенциальных ошибок.

Большое внимание представителей медиа притягивает факт, что интеграция компьютерного интеллекта в правовую сферу приводит к сбору и дальнейшему употреблению больших объемов личных данных. Важно обеспечить конфиденциальность персональных данных и недопущение какого-либо злоупотребления ими [2, с. 91]. Следование действующим правовым нормам и стандартам является необходимым требованием при сборе и обработке личной информации; требуется разработка и введение строгих мер безопасности для обеспечения защиты персональных данных, обрабатываемых с помощью компьютерных систем, чтобы гарантировать ясность и управляемость их работы. Также необходимо информировать граждан о том, каким образом их данные используются компьютерными системами, и предоставить право на доступ, возможность изменения или удаления персональной информации.

Совершенствование и использование систем ИИ в правовом поле обязательно поднимает вопрос о потребности в контроле над его эксплуатацией. Крайняя потребность заключается в создании правовой базы, органично сочетающей в себе передовые технологии и защиту прав и интересов граждан.

Определение юридического положения ИИ, его разработчиков, необходимость установить, кто несет ответственность за действия и информацию ИИ, главным образом в случае нанесения ущерба, — все это является важным элементом правового регулирования компьютерного интеллекта. Важно нормативно определить, при каких обстоятельствах ИИ может выступать самостоятельным субъектом правовых отношений, и урегулировать его использование в судебном процессе. Следует разработать конкретные нормы применения ИИ как средства для рассмотрения показаний субъектов правоотношений, оценки доказательств, прогнозирования решений суда и автоматизации отдельных процессуальных процедур. Стоит отметить, что правовое регулирование использования ИИ в юридической сфере должно быть мобильным, адаптироваться к постоянному изменению и совершенствованию цифровых технологий, при этом не допуская возможности возникновения угрозы для прав и свобод граждан.

Опыт введения и использования систем ИИ в юриспруденции всемирно развивается. В связи с этим крупные юрисдикции, такие как США, Китай, Япония и Европейский союз, интенсивно внедряют технологии в этой сфере [5, с. 18]. В Соединённых Штатах энергично развиваются площадки для компьютерного анализа юридической документации и прогнозирования решений суда, все чаще используются виртуальные помощники для юристов. Евро-союз продвигается в сторону разработки точных правовых рамок для использования ИИ в юриспруденции, обращая особое внимание на этические аспекты, защиту персональных данных и недопущение дискриминации. Китай и Япония преимущественно фокусируются на автоматизации рутинной работы для повышения результативности всей системы в целом. Обмен опытом использования компьютерного интеллекта в юриспруденции на международном уровне крайне важен и необходим прежде всего для разработки рациональных стратегий использования ИИ, учитывая особенности правовых систем, традиций и культур собственных государств.

Бурное развитие ИИ в юриспруденции, безусловно, влияет на образовательный процесс профессиональной подготовки и формирование будущих юристов. Привычные методики, основанные на теоретических курсах и практических занятиях, уже не пригодны для требований, предъявленных юристам нового поколения; следует применять современные подходы, включающие использование систем компьютерного интеллекта в процесс обучения юристов среднего и высшего уровня. Изменения уже отражаются в содержании и форме современной подготовки специалистов [4, с. 83]. Образовательные программы должны включать в себя курсы по основам ИИ и его использование в юридической практике, алгоритмам

машинного обучения для сбора и анализа данных. В учреждениях образования необходимо создать программы для автоматизации правовых процессов и системы прогнозирования судебных дел. Все это поспособствует формированию опыта у студентов для работы с ИИ как инструментом системного правового анализа.

Подчеркнем, что для нынешних специалистов крайне значим профессиональный рост с помощью образовательных программ и курсов повышения квалификации, основанных на работе с ИИ, непрерывное обучение, изучение новых технологий и методик для успешного внедрения их в свою практическую деятельность. Ключевым фактором данного подхода является развитие этических навыков при использовании ИИ, способность осознавать его ограничения и риски, а также умение тщательно анализировать информацию, сгенерированную ИИ.

Необходимо создать инновационную образовательную систему, которая подготовит будущих специалистов и обучит нынешних цифровой сфере, где ИИ является важной и неотъемлемой частью их профессии.

Развитие ИИ в юриспруденции только начинает давать первые, тем не менее удивительные результаты. Успешное внедрение новых технологий в основном зависит от тесного сотрудничества двух профессиональных миров: юристов и экспертов по компьютерному интеллекту. В данном союзе правоведа отвечают за глубокое знание правовой базы и понимание сложных правовых принципов, а специалисты по ИИ — за инновационные инструменты для анализа и обработки правовых данных, программное мышление для разрешения уникальных правовых задач. Взаимодействие этих двух компетенций порождает не просто сотрудничество, это симбиоз, в котором юридический опыт становится базой для разработки и использования ИИ. Правоведы обеспечивают точное понимание юридической системы, а эксперты в области ИИ создают системы для автоматизации рутинных задач и предоставляют логический инструментарий для решения наиболее сложных правовых проблем.

Данный симбиоз открывает новые горизонты в развитии юриспруденции, обещая революционные изменения на ранних стадиях цифрового преобразования профессии.

После фундаментального анализа теоретических аспектов влияния ИИ на юридическую профессию логичным следующим шагом становится непосредственное изучение мнений и восприятия самих будущих специалистов. В условиях быстрой цифровой трансформации юридической сферы возникает необходимость всестороннего анализа восприятия технологических изменений будущими молодыми профессионалами.

Эмпирическое исследование позволит верифицировать теоретические построения и получить актуальный срез представлений студентов-юристов о трансформационных процессах в профессии. Цель исследования — комплексная оценка потенциала и рисков применения ИИ в юридической деятельности через призму восприятия студентов профильных специальностей. Результаты опроса студентов IV курса дневной и заочной форм получения образования специальности «государственное управление и право», проведенного на базе Академии управления при Президенте Республики Беларусь, показывающие разнообразие взглядов на влияние ИИ в юриспруденции, представлены на рисунке 1.

Следует сказать, что данное исследование восприятия студентами-юристами влияния ИИ позволяет систематизировать новые перспективы развития юридической профессии в условиях цифровой трансформации.

Опрос создает эмпирическую базу для понимания готовности будущих юристов к интеграции продвинутых ИИ-технологий в профессиональные практики и стратегии профессионального развития, служит ключевым инструментом валидации научных гипотез и получения прямых идей от молодых профессионалов, которые будут непосредственно формировать будущее юридической практики в эпоху цифровой трансформации.

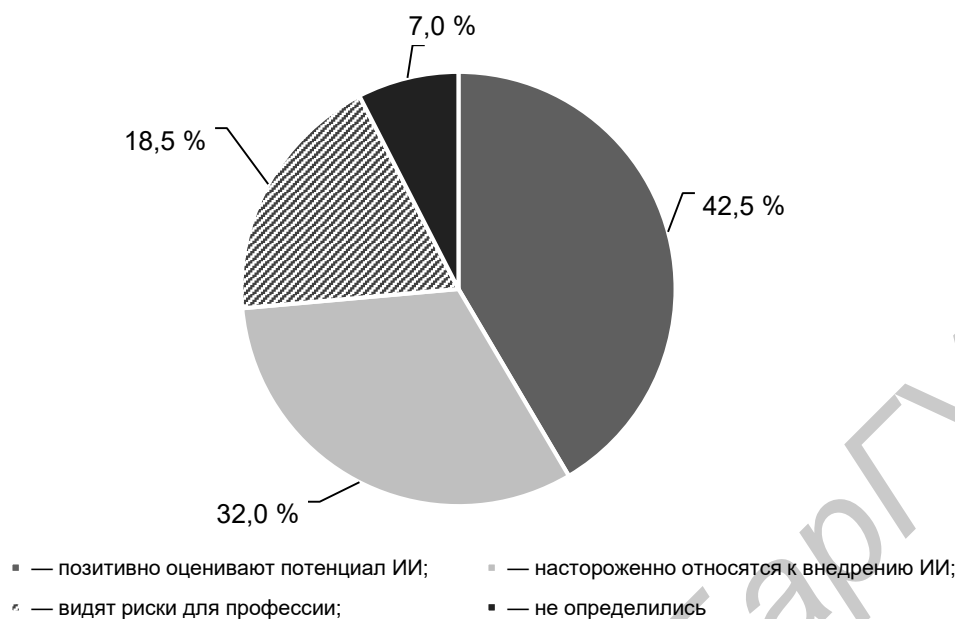

Рисунок 1. — Мнение студентов о влиянии ИИ на юриспруденцию

Заключение. Применение ИИ в юридической сфере кардинально меняет работу: автоматизация рутинных задач, повышение компетенции специалистов благодаря доступу к актуальным знаниям и инновационным системам.

Использованию компьютерного интеллекта сопутствуют следующие риски: психологическая нагрузка на юристов, моральные дилеммы и угроза защите персональных данных.

Юридическая среда должна активно перестраиваться: юристам следует овладевать цифровыми навыками и непрерывно повышать квалификацию, чтобы отвечать вызовам современного профессионального рынка.

Искусственный интеллект предоставляет новые возможности для развития юриспруденции, но его эффективная реализация требует системного преобразования — от усовершенствования учебных программ до внедрения современных технологических методов обучения и новаторских методик для подготовки специалистов.

Список цитируемых источников

1. *Бентли, П. Дж.* Всё об искусственном интеллекте за 60 минут / П. Дж. Бентли; пер. с англ. А. А. Ивашечкина — М. : АСТ, 2020. — 188 с.
2. *Бикмиев, Р. Г.* Искусственный интеллект на службе правосудия: современное состояние и будущее : монография / Р. Г. Бикмиев, Р. С. Бурганов. — М. : Проспект, 2024. — 128 с.
3. *Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму* / Б. Б. Воронин, И. А. Демчев, В. М. Кутьин [и др.]. — М. : Интеллектуал. Лит., 2021. — 232 с.
4. *Холмс, У.* Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения / У. Холмс, М. Бялик, Ч. Фейдел; пер. с англ. В. Скворцов. — М. : Альпина ПРО, 2022. — 304 с.
5. Малина, М. А. Мировая юстиция и искусственный интеллект / М. А. Малина // Мировой судья. — 2021. — № 4. — С. 17—21.

Поступила в редакцию 19.05.2025.

УДК 342.72

О. У. ШароБелорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220006 Минск, Республика Беларусь, ya.otto-sharo@ya.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА И ПРЕПОДАВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Согласно Конституции Республики Беларусь, Республика Беларусь — демократическое правовое государство (ч. 1 ст. 1), в котором каждому гарантируется свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания (ч. 2 ст. 51).

В современном мире процесс создания условий для полноценной реализации творческого потенциала человека выходит на существенно новый уровень. Консолидация творчества и преподавания служит реализации гуманитарного прогресса общества практически во всех сферах общественной и государственной жизни. Доктринальный анализ конституционно-правового закрепления и обеспечения свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь до настоящего времени не проводился.

Творчество и преподавание как конституционно-правовые категории непосредственно связаны с рядом политических, социально-экономических, культурных и иных прав и свобод человека, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, так как реализация этих прав и свобод, в свою очередь, сопряжена с осуществлением творческих способностей человека. Согласно конституционно-правовой норме, гарантирована реализация человека в художественной, научной и технической сферах и преподавании, однако, исследуя данную категорию шире, можно прийти к выводу, что указанный перечень не может рассматриваться в качестве исчерпывающего.

Конституционное право на свободу творчества и преподавания до сих пор не становилось предметом научного интереса белорусских ученых. Вместе с тем следует акцентировать внимание на том, что необходимость теоретического обоснования свободы творчества и преподавания является насущной задачей современной науки конституционного права.

Ключевые слова: свобода творчества; конституционное право; права человека; закон.

Библиогр.: 8 назв.

O. U. SharoBelarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,
220006 Minsk, the Republic of Belarus, ya.otto-sharo@ya.ru

CERTAIN ISSUES OF LEGISLATIVE SUPPORT FOR FREEDOM OF CREATIVITY AND ACADEMIC FREEDOM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

According to the Constitution of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as the Constitution), the Republic of Belarus is a democratic State governed by the rule of law (Part one of Article 1 of the Constitution), in which everyone is guaranteed freedom of artistic, scientific, technical creativity and teaching (part two of Article 51 of the Constitution).

In the modern world, the process of creating conditions for the full realization of a person's creative potential is reaching a significantly new level. The consolidation of creativity and teaching serves to realize the humanitarian progress of society in almost all spheres of public and state life. A doctrinal analysis of the constitutional and legal consolidation and provision of freedom of creativity and teaching in the Republic of Belarus has not been carried out to date.

Creativity and teaching as constitutional and legal categories are directly related to a number of political, socio-economic, cultural and other human rights and freedoms provided for by the Constitution, since the realization of these rights and freedoms, in turn, is associated with the exercise of human creative abilities. According to the constitutional and legal norm, the realization of a person in the artistic, scientific and technical fields and teaching is guaranteed, however, considering this category more broadly, it can be concluded that this list cannot be considered exhaustive.

The constitutional right to freedom of creativity and teaching has not yet become a subject of scientific interest for Belarusian scientists. At the same time, attention should be focused on the fact that the need for a theoretical justification of freedom of creativity and teaching is an urgent task of the modern science of constitutional law.

Key words: freedom of creativity; academic freedom; constitutional law; human rights; law.

Ref.: 8 titles.

Введение. В числе ученых-правоведов, посвятивших свои работы проблемам конституционных прав и свобод человека и гражданина, можно назвать С. А. Авакьяна, С. С. Алексеева, М. В. Баглая, Н. В. Витрука, В. Д. Зорькина, В. Т. Кабышева, Е. К. Козлову, В. В. Комарову, М. А. Краснова, О. Е. Кутафина, В. В. Лапаеву, М. А. Митюкова, Г. Д. Садовникову, М. А. Федотова, Б. С. Эбзеева и др. В отечественной юридической науке темы теоретического обоснования прав и свобод поднимались в работах Г. А. Василевича, Д. М. Демичева, Н. А. Карпович, Т. С. Масловской, А. Г. Тиковенко, М. Ф. Чудакова, О. И. Чуприс, А. В. Шавцовой.

Понятие «свобода творчества и преподавания» чаще всего не рассматривается учеными-правоведами в качестве комплексного права. Вместе с тем конституционная норма, гарантирующая свободу творчества и преподавания, унифицирует эти понятия по критерию творческой составляющей. В науке конституционного права существуют различные точки зрения на сущность понятий «творчество» и «преподавание» в конституционно-правовом понимании их смысла. Превалирует точка зрения, основанная на том, что преподавание есть вид творческой деятельности. Учитывая юридическую конструкцию ч. 2 ст. 51 Конституции Республики Беларусь, именно ту ее часть, где в последовательном порядке содержится перечисление видов творческой деятельности (художественного, научного и технического творчества), идущая вслед за ними преподавательская деятельность понимается в контексте перечисленных ранее видов творчества как особый вид творческого действия. Как пишет С. Ю. Зайцев, уточнение видов творчества в конституционном акте дает основания для вывода, что свобода преподавания «есть вид творческой деятельности», что, по мнению автора, представляется неверным, хотя нельзя отрицать и творческую составляющую в преподавании, в частности, в подборе педагогом имеющихся или разрабатываемых оригинальных методик обучения [1, с. 13].

Методология и методы исследования. В настоящей статье в качестве методов исследования используются общенаучные (диалектический, исторический, анализ, обобщение) и специально-юридические методы. Обобщаются положения законодательных актов, затрагивающих свободу творчества и преподавания. Проводится исследование доктринальных источников по указанной теме, трудов отечественных и зарубежных ученых-конституционалистов.

Результаты исследования и их обсуждение. Свобода творчества воспринимается учеными-конституционалистами как естественное право человека создавать литературные, художественные, научные и другие произведения, проводить научные исследования, заниматься иной творческой деятельностью. Свобода творчества юридически гарантируется всем, кто занимается творческим трудом [2]. Аналогичная точка зрения и у российских правоведов В. Д. Зорькина [3] и Г. Д. Садовниковой [4, с. 65].

Конституционное право на свободу творчества и преподавания, учитывая широту и разнообразие вариаций творчества и преподавания, тяжело отнести исключительно к какой-либо одной категории прав и свобод личности. Отражая естественно-правовой характер свободы творчества, следует обратить внимание на то, что в современном мире творчество выступает в качестве базовой потребности человека, предоставляющей ему возможность личностной самореализации и утверждения себя в глазах близких и родственников, профессионального коллектива, общества, других лиц. Свобода творчества формирует конституционно-правовой статус личности. По мнению Н. М. Опольской, по сфере реализации в общественной жизни конституционное право на свободу творчества принадлежит к культурным правам и свободам человека, так как оно тесно связано с деятельностью человека в сфере культуры и духовной жизни, однако ряд ученых не выделяют культурные права в отдельную группу, рассматривая их в одной группе с социально-экономическими правами [5, с. 30]. Следует сказать, что свобода творчества относится к категории личных прав и свобод.

Практика отечественного законодателя по обеспечению и дальнейшему развитию конституционной гарантии свободы творчества ярким образом демонстрирует несостоятельность и отсутствие устойчивого представления о конституционно-правовом содержании понятия «творчество». Свидетельством указанному является то, что термин «творческая деятельность» раскрыт в законодательстве в Кодексе Республики Беларусь о культуре, подп. 1.14 п. 1 ст. 1 которого гласит: «Творческая деятельность — направление культурной деятельности, включающее художественное творчество и другую интеллектуальную деятельность, завершающуюся возникновением в результате интеллектуальной деятельности в сфере культуры чего-то нового, не существовавшего ранее». Подобный подход законодателя создает определенную «резервацию» творчества, усиленно вписывая его в рамки культурной деятельности, что, на наш взгляд, является неверным, поскольку творчество — более широкое понятие, не ограничивающееся исключительно сферой культуры.

Государственно-административный аппарат Республики Беларусь, проводящий государственную политику в области творчества и преподавания, осуществляет свои функции в условиях правовой неопределенности по отношению к понятию «творчество». Подп. 1.3 п. 1 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» (Закон о госслужбе) предусмотрено ограничение для государственных гражданских служащих выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту основной службы, кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, если иное не установлено Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами. Педагогическая (в части реализации содержания образовательных программ), научная, культурная, творческая деятельность, медицинская практика в рабочее время могут осуществляться по согласованию с руководителем государственного органа, в котором гражданский служащий занимает гражданскую должность, или уполномоченным им лицом. Надо полагать, что упоминаемое положение Закона о госслужбе с трудом соотносится с конституционной нормой ч. 2 ст. 51 Конституции Республики Беларусь. Явным представляется логическое несоответствие излагаемых терминов: педагогическая, научная и культурная деятельности — это самостоятельные виды творческой деятельности. В силу этого специальное перечисление частных видов творчества, а затем упоминание общей творческой деятельности как совокупности всех видов демонстрирует правовой пробел в понимании и восприятии законодателем конституционно-правовых понятий «творческая деятельность» и «преподавание». А. И. Лукашов, оценивая неточность законодательных формулировок, касающихся свободы творчества, пишет: «В тех случаях, когда названная конституционная норма воспроизведена неточно (вместо термина “преподавательская деятельность” употреблен термин “педагогическая деятельность”) или неполно (упоминается только один из видов творческой деятельности — научная деятельность, а художественная и техническая опускаются), соответствующие нормы закона подлежат приведению в соответствие с Конституцией» [6, с. 65—66].

Правовое творчество (правотворчество, нормотворчество) как творческая деятельность государственных органов, должностных лиц, негосударственных организаций, граждан и иных лиц по подготовке источников права, основанная на научно-практической аргументированности и возникающая, как правило, по поводу социальной необходимости, представляет собой уникальный пример «государственного» творчества, так как предоставляет легальную возможность проявления творческих амбиций государственно-административного аппарата. Во всех остальных случаях творческая деятельность для государственных служащих дозволительна лишь в качестве факультативной в нерабочее время (в рабочее время — лишь с согласия руководителя государственного органа).

Перечень, предусмотренный ч. 2 ст. 51 Конституции Республики Беларусь, является закрытым. Вместе с тем в ч. 3 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах предусматривается обязанность государства уважать свободу действий

также в литературном, правовом, изобретательском, педагогическом, спортивном, экономическом и иных видах творчества. Некоторые виды творчества прямо не формируют культуру и не имеют связи с духовной жизнью людей, между тем гарантированная Конституцией свобода действий распространяется и на данные виды творческой деятельности.

Творческая активность индивида — мощный стимул продвижения интеллектуального и духовного потенциала человечества. Результаты индивидуальной либо коллективной творческой деятельности не всегда вариативны, но факт гарантии полноценной реализации свободы творчества в обществе свидетельствует о модернизации правовой системы и практике укрепления обеспечения прав и свобод человека, что, безусловно, несет большую пользу Конституции.

В массовом сознании обширная сфера творчества выступает синонимом одной из своих вариаций — художественного творчества либо культуры. Ошибочность данного подхода подтверждается дефиницией слова «творчество», представленной в трудах ученых-психологов. Следует отметить, что исследование природы творчества имеет междисциплинарное, а не только узкоспециализированное психологическое значение и влияет на раскрытие конституционно-правовой сущности этого понятия. По мнению Л. С. Выготского, «творческой деятельностью мы называем такую деятельность человека, которая создает нечто новое, все равно будет ли это созданное творческой деятельностью какой-нибудь вещь внешнего мира или известным построением ума или чувства, живущим и обнаруживающимся только в самом человеке» [7, с. 3]. Я. А. Пономарев пишет: «Творчество есть необходимое условие развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм» [8, с. 43].

Творческая деятельность в конституционно-правовом смысле также может трактоваться как деятельность по созданию чего-либо существенно нового, которое, в свою очередь, может быть урегулировано другими нормами Конституции. Ч. 2 ст. 51 Конституции Республики Беларусь выступает в таком случае в качестве сопутствующей нормы, обеспечивающей воплощение правовых притязаний личности. Это применимо, скажем, к политическому творчеству (в части вопросов, связанных с выбором наименования политических партий и общественных организаций, их руководящих органов), правовому творчеству, литературному творчеству и т. д. Для примера: п. 2 ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «О политических партиях» содержит императивное предписание, запрещающее использование в качестве наименования политической партии имени и (или) фамилии гражданина. И если в случаях установления запрета на использование названия государства и государственных органов такой запрет может считаться конституционно оправданным, то запрет на использование имени и (или) фамилии гражданина является, на наш взгляд, неконституционным ограничением свободы политического творчества, гарантированной ч. 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации. Использование имени собственного и фамилии человека в названии политической партии, если такое использование происходит с согласия человека, не образует собой действий, создающих угрозу для защищаемых конституционных ценностей. В Республике Беларусь свободный выбор названия политической партии основан на ч. 1 ст. 4, ст. 5, ч. 1 ст. 33, ст. 36 Конституции в их неразрывной системной взаимосвязи с ч. 2 ст. 51 Конституции, поскольку представляет собой форму политического творчества человека (группы людей), в силу чего закрепленный в законодательстве о политических партиях запрет, по нашему мнению, не может считаться оправданным и благодетельным для процесса укрепления верховенства Конституции. Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь о политических партиях подобный запрет отсутствует.

Творчество может быть индивидуальным и коллективным. Свобода двух видов творческой деятельности гарантирована Конституцией, в тексте которой не содержится никаких уточнений видов гарантированной свободы творчества, при этом сам термин «творчество» в тексте Основного Закона не раскрывается.

Выдвигая авторскую дефиницию понятию «свобода творчества и преподавания», необходимо ориентироваться на комплексность понятий «творчество» и «преподавание», как это предусматривается конституционно-правовой нормой. Необходимо рассматривать понятие «преподавание» не исключительно в контексте творческой деятельности, при этом признавая значительную составляющую творчества в процессе преподавательской работы. На наш взгляд, свобода творчества и преподавания — естественное конституционное право человека на равный доступ к осуществлению творческой деятельности, неограниченный выбор вида и темы творческого поиска, совершение любых действий в рамках творческой деятельности, а также форм осуществления преподавательской деятельности в соответствии с установленным государственным стандартом и необходимой для этого квалификацией. Свобода творчества и преподавания может быть ограничена только в случаях, прямо предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Необходимо учитывать, что государственные органы, осуществляющие требуемое в демократическом обществе ограничение свободы творчества и преподавания, обязаны руководствоваться Конституцией Республики Беларусь, международными договорами Республики Беларусь, законами Республики Беларусь и соотносить свои действия с общеправовым принципом пропорциональности (соразмерности) ограничений свободы творчества и преподавания достигаемым конституционным целям. Наиболее приемлемой с точки зрения конституционно-правовой взаимосвязи ч. 2 ст. 51 и ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь представляется правовая ситуация, при которой любое ограничение свободы творчества и преподавания в Республике Беларусь устанавливается только судом. Роль судебной власти в правовом государстве предопределена принципами независимости и беспристрастности судейского корпуса, что потенциально может предупредить какой-либо произвол со стороны юрисдикционных правительственных органов в области культуры и науки, связанный с оценочным восприятием творческих произведений.

Заключение. Полагаем, что свобода творчества и преподавания, относящаяся к числу важнейших прав человека, предусмотренных Конституцией, нуждается в более детальном раскрытии методологической сущности оперируемых понятий «творчество» и «преподавание». Необходимо законодательно обеспечить подробную регламентацию данных конституционно-правовых понятий и их апробацию в законодательстве Республики Беларусь. Полагаем, что сделать это можно в том числе через принятие изменений и дополнений в ряд законов Республики Беларусь, которыми установлена возможность творческой деятельности в качестве факультативной (в нерабочее время) для отдельных категорий лиц.

Список цитируемых источников

1. *Зайцев, С. Ю.* Конституционно-правовые гарантии свободы преподавания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Зайцев Сергей Юрьевич ; Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. — Белгород, 2015. — 22 с.
2. Конституционное право России : энцикл. слов. / сост.: В. И. Червонюк, И. В. Калинин, Г. И. Иванец. — М. : Юрид. лит., 2002. — 430 с.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь, В. Д. Зорькин ; под ред. В. Д. Зорькина. — Изд. 2-е, пересмотр. — М. : Норма : Инфра-М, 2011. — 1007 с. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 24.03.2024).
4. *Садовникова, Г. Д.* Комментарий к Конституции Российской Федерации / Г. Д. Садовникова ; отв. ред. И. А. Конюхова (Умнова). — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2006. — 186 с.
5. *Опольска, Н. М.* Право на свободу творчества в системе прав людини / Н. М. Опольска // Приватне та публічне право. — 2017. — № 3. — С. 30—34.
6. *Лукашов, А. И.* О свободе предпринимательства и ее ограничениях в Республике Беларусь / А. И. Лукашов // Право Беларуси. — 2002. — № 4. — С. 65—76.
7. *Выготский, Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — СПб. : Союз, 1997. — 91 с.
8. *Пономарев, Я. А.* Психология творчества / Я. А. Пономарев. — М. : Наука, 1976. — 303 с.